

Илья Свободин

Абсолютное Зло

и другие парадоксы
объективной этики

Илья Свободин

Абсолютное Зло
и другие парадоксы объективной этики

2017

УДК 37.09
ББК 74
С25

Аннотация

В книге рассматриваются все основные моральные вопросы стоящие перед современным молодым человеком, включая смысл жизни, добро и зло, цели и средства, основания общества и права, различия между этикой, наукой и религией, сущность моральных категорий и ценностей, виды морали. На доступном уровне разъясняются метафизические основания морали, проблема сущего и должного, что такое истина, справедливость, свобода, честь, красота, достоинство и т.п. Интересующимся моральной философией.

© Илья Свободин, 2017, 2019 (обновление)

ISBN 978-5-4485-7830-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гомо-сапиенс — рациональное животное озабоченное выживанием. Ему необходимы здоровье, удовольствия и прочее сытое счастье. Он читает книги о том, как быстро добиться успеха и разбогатеть. Или вообще не читает. Человек — творец, он стремится стать лучше и сделать лучше окружающий мир. Ему нужны идеалы, он ищет ответы на вечные вопросы. Эта книга для людей и она написана именно с этой целью — помочь найти ответы. Но почему ответы надо «искать»? Почему вопросы «вечные»? Таковы вопросы добра и зла — на них нет и не может быть заданных ответов. Каждый человек, если хочет быть человеком, должен иметь собственные ответы, должен уметь их находить постоянно, в каждой новой ситуации. Так «устроена» мораль, ее нельзя «выучить». Увы, это мало кто понимает. Бывает, человек много лет изучает философию, досконально знает все этические концепции — и при этом остается отъявленным негодяем!

Еще меньше людей способны найти ответы. Ответы требуют глубокого понимания вопросов, но проблема в том, что мораль необычайно трудна для понимания. Ни философия, ни наука не смогли предложить удовлетворительного объяснения этому феномену. «Комплексное социальное явление, отражающее средне-взвешенные интер-субъективные ценностные предпочтения конкретного общества и имеющее эволюционное происхождение»? «Условная концепция правил, принципов, оценок, норм, базирующихся на парадигме оценок злого и доброго, которая сформировалась в определенный период времени»? «Особая форма общественного сознания и вид общественных отношений»? Или взять классификацию «функций» морали: регулятивная, коммуникативная, интегративная, оценочно-императивная, прогностическая, гносеологическая... — я насчитал 12! Не удивительно, что люди

до сих пор обращаются к религии или становятся нигилистами.

В чем причина трудностей? Мораль парадоксальна - она не поддается рациональному анализу, моральные суждения невозможно строго обосновать. С парадоксами морали оказались бессильны сладить и наука, и философия, и религия, и эзотерика с мистицизмом. Отсутствие у человечества по сей день полноценной моральной системы особенно впечатляет на фоне огромных успехов естественных наук. Но значит ли это, что моральная истина непостижима? К счастью, нет. Верные ответы на вечные вопросы вполне доступны. Как же до них добраться? Как пройти между Сциллой рациональности и Харибдой эзотерики? Как найти золотую середину между скептицизмом и слепой верой? Как избежать крайностей цинизма и наивности? Думать. Моральная философия — это не набор текстов, священных или научных, это *искусство мыслить*.

Поэтому книгу нет смысла просто читать, ее надо обдумывать. Я бы даже посоветовал читать не больше одной главы в день, а то и в неделю — чтобы оставить время на размышления и собственные выводы. Только тогда книга может реально помочь найти ответы, реально превратиться в пособие по самовоспитанию. В этом, собственно, изначально и заключалась идея: одолеть загадки морали путем еженедельных 15-минутных «бесед». Идея, к сожалению, не оправдалась: оказалось, загадки морали никого не интересуют — большинство (я все же надеюсь, что есть и меньшинство) похоже довольствуются готовыми «ответами», которыми их в изобилии снабжают система образования, СМИ и массовая культура, и которые лишь отражают господствующую идеологию (или несколько оных). В итоге, пришлось издать беседы книгой в надежде на будущего читателя.

И кстати читателя молодого, учитывая как нелегко бывает человеку переосмыслить, изменить свои взгляды. Отсюда и манера изложения, и язык, возможно не слишком удачный — с одной стороны максимально ясный и доходчивый, а с другой сложный, требующий действительно философского,

проницательного склада ума.

Возможно. А возможно — это и есть правильный способ помочь человеку найти собственные ответы на самые трудные вопросы?

Автор

1 ЗАЧЕМ НУЖНА МОРАЛЬ?

Здравствуйте. Подобные разговоры «о всем хорошем» есть смысл начать с того, что лишний раз уточнить – а нужны ли они? Я бы сказал – нужны, но не всем. Мораль нужна тем, у кого она и так уже есть. Звучит парадоксально, однако именно таково положение дел. Те, кто знает – или думает что знает – смысл слов «добро», «истина», «справедливость», кто может ответить на вопросы «зачем живет человек», «чем он отличается от животного», будет постоянно к ним возвращаться, снова и снова, всю жизнь. Эти вопросы, раз прицепившись, уже не отпустят. В чем же тогда их смысл? Размышления над ними помогают стать ответственнее, обрести самоуважение, твердую моральную опору и собственный, независимый взгляд на мир. Иначе говоря, стать лучше.

Вы можете усомниться – а так ли это все надо? Действительно, к чему обычно стремятся люди? К деньгам, к благополучию, к «счастью» – под чем как правило понимают успех в жизни, власть над другими, славу, всяческие удовольствия. Поможет ли мораль в этом? Есть ли от нее практическая польза? Я вам честно скажу – не поможет. Более того, мораль помешает вам раздобыть денег и всего упомянутого выше. Странно, да? Зачем же тогда она нужна?

Для начала, мораль дает сознание собственной правоты, правильности своих поступков. Скажете – смешно, вместо денег какая-то правота? Однако на самом деле, это важно. Некоторое время назад была популярна фраза из фильма «В чем сила брат? В правде». Но что такое эта «правда»? Где ее взять? В чем ее сила? Удивительно, что, хотя многие любят говорить о правде, мало кто знает ответы на эти вопросы. Но зато если человек узнает, если найдет эту загадочную правду, она способна заменить ему все – и успех, и власть, и даже, вы не поверите,

деньги.

Наше время – время науки, технологии, прогресса. Зачем самим что-то искать? Если кто и должен искать, так это наука! Пусть наука скажет, что правильно, а что нет. Я думаю не скажет. Например, правильно ли заправлять машину водой? Неправильно? Вот и наука скорее всего скажет «неправильно». Но на самом деле это неизвестно. Если нам ехать – то неправильно, а если стоять – вполне подходит. А скажет ли наука «куда ехать»? Скажет, если мы ей сообщим зачем. А ответит ли наука, если мы спросим ее «зачем»? Думаю, вы догадались к чему я клоню. Есть категория вопросов, на которые наука не может ответить. Потому что наука отвечает на вопросы правильности только в контексте конкретной цели, но где взять саму цель, наука не скажет. Даже вопросы устройства мира, на самом деле, существуют только в контексте нашей цели – его познания. А зачем нам познавать мир? Зачем нам наука? Вот на такие сложные вопросы помогает ответить мораль. О правильности не в смысле достижения какой-то конкретной цели, а вообще.

Вы спросите – а разве бывает такая правильность? Мораль говорит, что бывает. А откуда она знает? Это еще один сложный вопрос. Мораль любит такие – на которые трудно ответить. И не всегда она, кстати, способна ответить – в общем случае скорее нет. Проблема в том, что мы не можем избежать этих вопросов, не можем не искать ответы на них. Увы, люди пока не придумали способ нахождения ответов. Не существует «моральной науки» или готовой книги с ответами. Периодически люди пишут нечто подобное, подписывают словом «Бог» и пытаются убедить доверчивых. Или изобретают философские концепции, которые трудно понять и еще труднее использовать. Или сочиняют идеологические доктрины, звучащие заманчиво, но приводящие к катастрофам при попытках применить их в жизни. Так что нас уже не обманешь, верно? Выходит, мораль – дело каждого из нас, ответы мы должны искать вместе.

Признайтесь, вам нравится современное общество? А люди,

которые живут только ради денег, удовольствий, власти? И разве не показательно, что в обществе где правят деньги, стала популярна фраза из фильма о «правде»? Это значит у нас есть потребность в правде — мы не можем быть людьми без нее. Многих возмущает нынешнее общество, многие хотели бы исправить его, хотели бы бороться со злом. Но без правды это невозможно. Вернее, бороться то можно, но это будет не борьба со злом, а борьба одного зла против другого. Даже это будет не борьба, а бесконечный круговорот зла в природе.

Что же это за «правда»? Где ее искать? В данном случае правда — это та правильность своей цели, которая заставляет идти на любые жертвы ради ее достижения. И в этом ее сила. Она позволяет человеку преодолеть такие препятствия, которые иначе непреодолимы. Все хотят быть правыми, но далеко не все могут. И поэтому, кстати, те кто может, кто стоит за правду до конца, вызывают восхищение и желание подражать. Заметьте, не зависть! Что касается тех, кто плевать хотели на мораль... Вы такие? Не думаю. Раз вы здесь — вы к таким скорее всего не относитесь.

Но может быть я вас обманываю? Может все это какая-нибудь идеология, «лапша» и «разводка»? Решайте сами, я и не хочу чтобы вы принимали мои слова на веру. Тогда зачем я это пишу? Хочу помочь вам стать лучше. А зачем мне это надо? Станный вопрос, но поскольку мораль требует полной ясности, отвечу: когда вы уверены в своей правоте, когда вы смотрите на других и видите, что они чего-то не понимают или в чем-то неправы, ваш долг — объяснить им, подсказать. Не ради денег или каких-то конкретных благ. Так работает мораль, в этом тоже сила правды: правда — одна на всех. Неправильно говорят, что у каждого своя правда, что мораль субъективна, что каждый посвоему прав. Если бы у каждого была своя правда, люди только и воевали бы друг с другом. Но поскольку правда одна — люди могут жить в мире, могут сотрудничать и вместе делать общее дело. Отсюда следует еще одна вещь, которую дает мораль — право судить других: объективно оценивать их поступки и их самих. И, конечно, помогать им стать лучше — если они того

хотят. А также заставляя, если нет.

Вы, вероятно, уже подметили парадокс: как же правда может быть одна на всех, если каждый должен искать ее сам?! Кроме того, вам, возможно, пришло в голову и такое соображение: «Но разве мораль не предполагает свободы выбора? А это означает, что можно выбирать добро и зло как вздумается!» И тем не менее, есть вещи, которые нельзя делать ни при каких условиях: предавать друзей, наказывать невиновных, мучить животных, убивать детей... Список можно продолжить. А раз есть такие универсальные нормы, есть и одна, общая для всех мораль.

Теперь, почему я обращаюсь именно к вам, к молодым? Ваше преимущество в том, что вы пока открыты правде, у вас нет причин ее избегать. Вы, конечно, совершали проступки, все мы совершаем, но пока вы были детьми, вы не несли самой серьезной ответственности — ответственности перед собой. Сейчас вы ищите свою цель, вы стоите перед выбором, и если вы сделаете его неправильно, если поступите подло, вы сломаете свой моральный стержень — и тогда у вас скорее всего никогда и ничего хорошего в жизни не получится. Почему? Есть поговорка «Береги честь смолоду». Ее смысл в том, что раз сломавшись вы будете обречены жить сломанными до конца. Да, признать свою неправоту, раскаяться и исправиться можно, но это удел единиц, людей действительно сильных, в то время как ломаются многие, почти все.

Посмотрите вокруг. Откуда, по вашему, берутся оступившиеся, сломанные, обманутые люди? Почему, вместо того, чтобы исправиться, они предпочитают ломать других? Потому, что так им легче продолжать себя обманывать, легче заглушить свою совесть — обманывая других, они выдают свою ложь за правду, ведь правда одна на всех и чем больше людей уверует в нее, тем правдивее она кажется. В этом, кстати, одна из причин, почему так распространились в обществе не только недоверие, неприязнь и ложь, но и все эти «респектабельные» психологии денег, успеха, борьбы. И в этом же причина, почему так много «знающих жизнь» людей не переносят разговоры о

добре и зле, считая их пустой болтовней или «разводкой лохов». К вам, молодым, это, надеюсь, не относится.

И все же, какой от морали прок? Если человек может жить одной только правдой, быть таким «святым», в чем ее конечный смысл? На мой взгляд, смысл морали в том, чтобы общество стало лучше, чтобы вместе с людьми менялось и это общество. Иными словами, смысл всего хорошего что есть в человеке в том, чтобы этого хорошего стало больше. Ведь чем больше хорошего вокруг, тем лучше, правда? Признайтесь — разве не кажется вам, что мир должен становиться лучше, что добро должно победить — без всяких дополнительных «зачем» и «почему»?

Как же сделать его лучше? Часто можно услышать: «если хочешь изменить мир, начни с себя». На первый взгляд это демагогия. Ну как может изменить мир рядовой гражданин, от которого мало что зависит? Практически никак. С другой стороны, есть люди, от которых реально многое зависит, которые на виду, или которые, например, руководят огромной страной и подают миллионам людей пример того, как не надо себя вести. Хуже того, силой своей власти они заставляют других вести себя так же подло. Значит фраза не совсем верна, значит начинать — если с себя — должен человек на самом верху? Однако дело в том, что даже наверху начинать с себя все равно не очень эффективно. Гораздо эффективнее пользуясь той же властью менять других. И вот вам пример. Сто лет назад, кучка людей, назовем их «идеалистами», тоже решили изменить мир. Начали с других — взяли и уничтожили всех несогласных. Эффективно? Вполне. Но оказалось, что уничтожили не тех. В итоге страна провалилась в яму из которой за сто лет не смогла выбраться и, как сейчас видно, в обозримом будущем уже не сможет. Почему так? Потому что этим «идеалистам» как раз следовало начать с себя, прежде чем пытаться менять других. Если бы они смогли стать лучше, смогли стать действительно хорошими людьми — они бы не ошиблись.

Мы в их ошибках тоже разберемся, но позже. Однако кое-что можно сказать уже сейчас. Любые изменения требуют опоры

на наше внутреннее нравственное чутье, на «чувство» правильности. Оно подсказывает, а так ли уж нужен нам успех за счет несчастий других? Так ли уж нам необходимо утверждать свою правоту за счет обмана других? Так ли у нас получится быть счастливыми, когда вокруг столько зла? А скажем, можно ли убивать других, если они с вами не согласны? Вопрос этот совсем не прост. Но как бы то ни было, нельзя улучшить мир не улучшив себя, не развивая в себе моральную интуицию.

И наконец последнее, что я хотел бы сегодня вам сказать. Разве всем нам не нужны те же деньги? Не нужны удовольствия? Конечно нужны. Но их же не хватает на всех? Так устроены деньги и удовольствия, что они всегда получаются за счет других! Как же быть? Как совместить правоту с необходимостью всех этих материальных, да и прочих благ, которых принципиально не хватает на всех? Это серьезное возражение и очень сложный вопрос. Настолько сложный, что большинство людей даже не представляет себе, как его решить. Некоторые предлагают умеренность, некоторые — аскетизм, некоторые предлагают «возлюбить ближнего как самого себя». Ну а остальные просто не заморачиваются. Однако, ответ на него существует. Он дается той разновидностью морали, которая называется объективной этикой, и о которой мы собственно и будем в основном говорить. Ведь согласитесь, какой смысл рассуждать о морали, если ей нельзя руководствоваться в жизни, если приходится то и дело отступать? Объективная этика в этом смысле вполне практична. Не в смысле конкретной пользы, а в смысле того, что ей можно руководствоваться абсолютно всегда, даже если не удастся претворить ее в жизнь на 100%. А что это значит? Это значит, она и поможет вам найти эту самую правду, подскажет правильный путь и правильную жизненную позицию. И тем позволит стать лучше.

Ну а если вы считаете, что вы и так достаточно хороши, что вы и так все знаете, подумайте пожалуйста над вопросом: что по вашему мнению является наивысшей ценностью в жизни, абсолютным добром — т.е. нечто, настолько нужное всем, что его можно было бы положить в основание общей, универсальной

морали? Вот на этом вопросе давайте завершим нашу вводную беседу.

2 ЧТО ЗНАЧИТ «ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК»?

Если мы спросим молодого человека «Хорошим или плохим хотел бы он стать?», он наверняка ответит: «Конечно хорошим, что за глупый вопрос!». Но если мы затем спросим его «А что значит хороший человек?», он наверняка уже будет не столь уверен в ответе. Возможно, он скажет: хороший – тот, кто не обманет и не предаст, на кого можно положиться. А возможно хороший – кто заботлив и добр, кто посочувствует, поймет, кто поделится последним. Возможно хороший – это мужественный, принципиальный, справедливый? А возможно он скажет: хороший – это тот с кем хочется быть рядом, с кем весело, кто знает кучу анекдотов? Так или иначе, если мы соберем эти идеи воедино и доведем их до логического завершения, мы получим человека, который живет ради других, кого называют «святым». Но разве хотел бы нормальный человек стать святым? Мне кажется, нет. В чем же ошибка?

Чтобы разобраться, есть смысл начать издалека, с того, а что собственно такое мораль? Мораль, во-первых, это то внутреннее чутье, нравственное чувство, интуиция, ощущение добра и правильности, которое направляет нас и поддерживает, помогая быть лучше. Лучше не в относительном, практическом смысле, не в смысле «умения жить», а вообще. Одно из проявлений этого чувства – голос совести, предупреждающий нас или напоминающий нам о том зле, которое мы причинили конкретным людям. Нравственное чувство не появляется от страха наказания, например перед Всевышним. Вот, дескать, он там смотрит, все видит, а потом предьявит счет. Такая мораль – это не мораль. Нельзя быть хорошим из под палки. Также нравственность не появляется от желания некой пользы, включая благодарность от того же Всевышнего. Также она не возникает от воспитания, хотя правильное воспитание

безусловно способствует ее пробуждению. Истинная нравственность идет откуда-то из глубины разума, от мучительных сомнений и выстраданной правоты, которая – будучи выстраданной – пока наверно вам не очень знакома, но которая будет таковой по мере того, как вы будете идти по жизни, преодолевать препятствия и набираться опыта.

Второе, мораль – это наш общий опыт, знания и идеи. Мы ищем ответы вместе – другого пути к истине не существует. В этом смысл и наших бесед. Поэтому я не хотел бы, чтобы вы решили, что я промываю вам мозги, обрабатываю, хочу убедить. Убеждают обычно с конкретной целью, убеждение сопутствует каким-то активным действиям. Смотрите на наши беседы как на пищу для размышления, хоть и очень серьезного.

А разве нельзя обойтись без этих бесед, какой-либо мудрой книгой? Да можно конечно. Но книг много, а ответов – мало. В итоге, вам придется учиться на своих ошибках, рискуя натворить немало зла и скорее всего никогда не узнать ответ. Увы, большинство людей так ничего и не поняли в морали за долгие века, включая множество философов! Почему так получилось? Я думаю, причины две. Первая – они не слушали других, считали себя умнее всех. Вторая – они только слушали и не хотели думать своей головой.

Выходит, мораль требует от нас прямо противоположных вещей – слушать других и в то же время думать своей головой? Именно так! Мораль не только требовательна, она противоречива. И в этом настоящая причина и ее загадок, и ее, так сказать, непопулярности. Вы никогда не обращали внимания, что люди в массе своей не очень интересны? Они однообразны, потому что черпают свои мысли из печати, телевизора, учебников, массовой культуры. Оригинальность личности – а личность не может не быть оригинальна – начинается не с внешности, не с одежды или прически, а с мыслей. Ваши мысли делают вас теми кто вы есть, они открывают вам новый взгляд на мир, взгляд, который присущ только вам. А без собственного взгляда у вас не получится быть хорошими,

не получится сладить с моралью и ее парадоксами. Нельзя быть хорошим подражая другим, следуя за ними, выполняя заповеди, которые взялись неизвестно откуда. Потому что мораль налагает на нас ответственность, которая неотделима от собственного выбора, который в свою очередь неотделим от собственного взгляда на мир.

Но ведь человек в любом случае вырастет, и без какой-то морали? И если у него замечательный характер, почему же он не станет хорошим человеком? Для ответа на этот вопрос надо разобраться, а заложена ли мораль в нашем характере? Я думаю, нет. Смотрите. Предположим, человек ничего не знает о морали, не слушает тех кто знает, игнорирует чужие мнения, живет как ему подсказывают его чувства и идеи. Как он тогда себя ведет, что им руководит? Совесть? Нет! Он ведет себя как животное! Почему? Потому что им руководят его инстинкты. Потому что в этом случае все его желания, потребности, чувства и даже идеи проистекают из его природы, а природа как раз и проявляется в инстинктах. И эти инстинкты куда сильнее, чем совесть, которую еще надо вырастить в себе и которая не вырастет если не слушать и не слышать других людей. Ведь мы становимся людьми, приобретаем способность мыслить, а с ней — и само нравственное чувство, только в обществе, в общении с другими.

Не верите? Скажете — бывают плохой и хороший характер? Бывает. Но в том то и суть морали, что она делает возможным нормальные человеческие отношения, нормальное общество, независимо от того, какой у кого характер, чтобы недостатки характера не отравляли другим жизнь. Ведь характер — это природа, а мораль — это наша воля. Благодаря морали мы управляем собой, обретаем власть над нашим характером, над нашей природой. Для чего? Чтоб стать хорошими конечно! Хорошими независимо от изъянов характера. Ведь сам для себя человек и так хорош, зачем ему себя мучить?

Но если мораль дает нам власть над нашей природой, куда она ведет нас? Одних красивых слов тут недостаточно. Что толку повторять «хороший человек» или «душевная красота» и т.д.

и т.п., если мы не знаем, что это значит! А мы знаем? Вот понятно, что такое хороший друг, или хороший учитель, хороший руководитель. А человек? Что такое хороший человек? Для кого он хороший? Для друзей, учеников, сотрудников? А может шире – для соотечественников? А как насчет всех остальных? Можем ли мы забыть о них?

Вы скажете – быть хорошим для всех нельзя, это нереально. Пожалуй. Как же разобраться? Я думаю, вы согласитесь: хороший человек – тот, кто творит добро. Человек, чьи цели отличаются от добра не может быть хорошим – и коль скоро хорошим не относительно конкретного дела, задачи или группы людей, добро может быть только абсолютным. Может ли он оказаться для кого-то «плохим»? Да, в одном единственном случае: если этот «кто-то» сам плохой, если его цель – зло. Значит, можно сказать так: если святой живет ради других – и хороших и плохих, хороший живет ради добра (что помимо прочего включает на равных правах и его самого). Теперь осталось руководствуясь нравственной интуицией согласованной с другими выяснить, что такое добро. Отложим согласование и обратимся к интуиции.

В прошлый раз мы уже задались этим вопросом – о высшей ценности, об абсолютном добре. Давайте попробуем ответить вместе. Пока мы выяснили, что святость, самоотречение не подходит на эту роль. Действительно, если каждый самоотречется, что у нас останется? Далее, для многих, особенно гуманистов, высшей ценностью является человек, человеческая личность, этакое Я с большой буквы. Но сразу возникает вопрос – чье я, свое? Личность вообще? А где они ее видели? Может тогда выше всего – счастье? Но тут та же проблема! Чье счастье? Всего человечества? А разве оно бывает? Не секрет что для некоторых людей счастье – это когда у других несчастье. Но даже если не брать такие крайности, разве бывает счастье одно на всех? Оно у каждого свое, личное. Верующие считают абсолютным добром бога. Но как тогда быть с неверующими? А с теми у кого другой бог? Христиане возможно выберут милосердие, но милосердие конфликтует со справедливостью!

Может тогда справедливость, свобода? Но как понять, что это? Не означает ли свобода право каждого иметь свое понятие о справедливости? И в соответствии с ним принуждать других? Ведь чем больше человеку позволено – тем он свободнее, так? Некоторые ученые считают высшей ценностью выживание и благополучие человеческого рода. Звучит неплохо, но разве дело только в этом? Тараканы вполне себе благополучны, но хотели бы мы такого благополучия? Тогда может быть прогресс? Но в чем он выражается? Что он нам несет? Так ли уж прогрессивно пресловутое изобретение атомной бомбы? Иногда повторяют «красота спасет мир». Но будешь ли сыт одной красотой? Спасет ли она от голода? Тогда может истина? Но что делать, если уже знаешь истину? Как тогда жить, не потеряет ли жизнь смысл? А если истина недостижима, какой смысл к ней стремиться? А может быть высшая ценность – это какая-нибудь мировая гармония? Какой-нибудь нравственный порядок? Но что это? Добро требует действий, а какие действия вытекают из мировой гармонии? Неясно. А может это любовь? Но любовь конкретна, как можно любить вообще? Любить всех? Или всем любить что-то одно? А должна ли универсальная любовь включать любовь к самому себе?

Что-то у нас пока не очень получается. А может абсолютного добра вообще не существует? Но тогда нет и не может быть хороших людей! Ведь если хороший человек хорош только для некоторых, почему бы не быть хорошим только для себя одного?

Тут вы возможно скажете – нет, все это слишком запутанно, ну его к черту! Я больше не хочу быть хорошим, я передумал! Но я вам не поверю. Никто не хочет быть плохим, все хотят быть хорошими. Почему? Загадка. Уже тысячи лет назад люди заметили этот странный факт, о нем сообщил еще философ Сократ: даже когда люди творят зло, они делают это, думая что творят добро. Действительно, каждый хочет творить добро, просто мало кто догадывается что это такое. И в этом, я думаю, корень всех бед нынешнего общества. Но ведь может быть абсолютно плохой человек? Скажем, человек ненавидит весь мир, всех людей и желает их уничтожить. В чем причина? Он

обижен. Люди принесли ему много горя. Он говорит себе так: люди – плохие, люди – это зло, уничтожив людей, я сделаю мир чище, лучше. Пусть я даже сам погибну вместе с ними – это все таки будет лучше, чем то, что есть сейчас. Так какой же он плохой? Он, можно сказать, герой!

В чем же сила этих слов: «хороший», «добро»? Почему даже когда люди творят зло, они делают это как бы через силу, уговаривая и обманывая себя? Давайте зайдём с другого конца. Возможно, поняв, что такое зло, мы поймем и добро? Посмотрим в чем причина, почему люди творят зло. Вот, скажем, знают что неправы, но продолжают это делать. Вероятно, у них есть какая-то очень и очень веская причина. Какая?

Причина может быть разной, но одна очевидная – их заставляют другие люди. Насилием, унижением, обидами. Да, это плохие люди, но и они, в свою очередь, стали такими под влиянием других. То есть зло как бы распространяется насилием. Еще причина – люди творят зло под давлением несправедливого общества. Или под давлением своих страстей, своей жадности, трусости, злости – т.е. своего характера, с которым они не в силах совладать. В последнем случае, мы тоже можем говорить о насилии, но уже насилии своих инстинктов, своей психики, своей природы.

И действительно – это же так просто! Ведь если все мы стремимся к добру, то единственное, что нам может помешать – насилие! Только насилие способно заставить нас отступить. Значит корень зла всегда в насилии? По крайней мере мы уже на шаг ближе к истине. Но пока только на один шаг, потому что даже если насилие отсутствует, мы должны делать что-то хорошее. А что мы должны делать?

Вернемся к злу. Иногда люди творят зло по незнанию, по ошибке – хотели сделать добро, а добро оказалось злом. Или случайно – не хотели, а так получилось, они и не заметили. В этом случае очевидно добро – это уже знания о добре. То есть мы должны учиться, общаться, набираться опыта. Но в принципе,

можно посмотреть и под таким углом: незнание – это тоже насилие, это насилие нашего невежества, с которым мы не смогли справиться из-за своей лени, своей глупости, невнимательности, равнодушия – т.е. опять той же самой животной природы, которая препятствует добру.

Судя по всему, добро равнозначно полному отсутствию насилия? Но как же это может быть? Ведь весь мир построен на насилии! Мир детерминирован, им правят силы! Выходит мораль не заложена в природе? Выходит добро – это какая-то выдумка, иллюзия?! Или что-то такое, как говорят философы, «трансцендентное», потустороннее? Ведь если оно есть у нас в душе, и в то же время его нет в природе, откуда оно там взялось? Да еще абсолютное?!

3 ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ МОРАЛЬ?

Вопрос о происхождении морали имеет практическое значение. Если мораль заложена в природе, если у нее естественное, эволюционное происхождение, людям не о чем беспокоиться, а наши беседы можно смело вывезти на свалку. Почему? Потому что тогда природа сама посредством каких-нибудь «моральных инстинктов» обо всем позаботится. А вот если не заложена – тогда все становится намного непонятнее и гораздо интереснее.

Откуда же взялась мораль? Имеются ли в природе какие-либо «моральные законы»? Давайте вернемся на минутку к характеру человека. В прошлый раз мы решили, что мораль не связана с характером. И действительно это так. Несмотря на то, что люди с давних времен делили черты характера на добродетельные и порочные, известно, что наши недостатки – всего лишь продолжение наших достоинств. Черты характера очень многочисленны, каждая из них может служить для окружающих как источником благ, так и источником страданий. Все зависит от ситуации. Дело человека, его разума, найти применение, развить свои полезные черты и подавить, преодолеть те, которые вызывают проблемы. Иными словами, нельзя родиться хорошим человеком, но можно им стать. Это то, чем мы сейчас занимаемся. Как выразился философ Аристотель, «добродетель изучают не для того, чтобы знать, что это такое, а чтобы быть добродетельным».

Однако если мораль не связана с характером, может быть она лежит где-то глубже, где-то в самых-самых глубинах человеческой природы? Тогда давайте разберемся, а что такое природа человека? Что собственно такое – человек? Тут широкий простор для фантазий – что есть такого у нас, что делает нас людьми, а не животными? Наиболее правдоподобно

выглядит идея о разуме — мы умны, а отсюда вытекает язык, наука, мудрые книжки. Собственно, саму эту идею предложили ученые — они даже назвали наш вид гомо-сапиенс-сапиенс. Но где та черта в мозге, что позволяет четко сказать — вот животное, а вот человек? Уже обезьяны обладают способностью к абстрактному мышлению, счету, языку. У них довольно сложная социальная организация, взаимопомощь, чувство справедливости. А у наших предков вообще мозг был чрезвычайно развит, у неандертальцев он даже был больше нашего! Так что наука, к сожалению, нам тут помочь не поможет — черта в мозге как-то не проводится. Альтернативный подход опирается на мистику. Человек — это дитя богов, он создан «по образу и подобию», ибо способен различать добро и зло.

Как ни странно, в данном случае верующие оказались прозорливее ученых. Чертой, отделяющей человека от животных является способность к моральному выбору. Что это такое? Моральный выбор — это выбор, который идет против природы. Вы спросите, как это возможно? Да как раз очень просто — иначе это был бы не выбор, а следование природе. Возьмем животных. При всем их уме и способностях, их жизнь имеет четкий смысл — они выживают. Даже в самой умной обезьяньей стае поведение особей подчиняется необходимости. В последнее время ученые много изучают феномен морали и они открыли некую животную мораль. Мы о ней тоже слышали. Например, дельфины спасают тонущих, слоны помогают антилопам убежать из заграждений. Стайным животным вообще свойственно социальное поведение, помощь больным и раненым собратьям. Так, летучие мыши делятся пищей с неудачниками, а крысы отказываются от нее, если ее прием вызывает боль у других членов стаи. Однако, мораль ли это? Строго говоря нет. Почему? Потому что подобное поведение основано на стайных инстинктах и эмпатии. Эволюция намертво прошила их в мозг животных и у тех нет никакого права их игнорировать. А если кто-то игнорирует — это лишь индивидуальные психические особенности конкретной особи, а вовсе не ее моральный выбор.

Почему я так уверен в этом? Потому, что моральным выбор может быть только если он осознан как таковой. Это тот самый выбор, который требует собственного взгляда на мир. Животные «не ведают, что творят». Но не надо думать, что это знания виноваты в нашей морали – тут в дело как раз вступает разум. Животные способны к обучению, но даже обученное животное не проявляет никакой способности к выбору. Можно обучить обезьяну множеству полезных вещей, но это так и не сделает ее человеком, в чем мы, к сожалению, слишком часто убеждаемся в жизни.

Это может показаться неочевидным, но вот такой пример. Если человек не раздумывая бросается на помощь – это же очень хорошо, правда? Хорошо, с этим трудно спорить. Но тем не менее, если он действительно не раздумывает, он следует не морали, а либо эмоциям, либо социальным установкам, которые в него заложены воспитанием и традициями, либо положительному примеру, либо привычке в конце концов. Вы можете усомниться – выходит, хорошее поведение не обязательно следствие морали? Но всегда ли то, что нам представляется хорошим, является моральным? Например, удовлетворение собственного голода кажется очень хорошим делом, но при чем тут мораль? Критерий моральности – не практическая польза, а как минимум осознанный, разумный выбор. Отсюда кстати видно, что люди часто тоже не сознают «что творят». Правда, в большинстве бытовых ситуаций это не представляет проблемы, поскольку добро тут очевидно и конкретно. Совсем другое, если дело касается серьезных вещей, например, государственного управления, или идеологии, или даже смысла жизни. Здесь люди как правило не понимают, что хорошо а что плохо, даже если задумываются об этом. Добро становится слишком абстрактным для них.

Выбирая, человек теоретически способен преодолеть любой инстинкт, как бы силен он не был. Да, воля, которую необходимо при этом проявить, не каждому по силам, но моральный выбор в общем случае не требует необычайных способностей. Такое требуется редко. Чаще наш выбор ограничен вполне обычными

обстоятельствами. Однако, не всякий выбор, даже осознанный, делает нас людьми. Так, выбор мороженого не является моральным и даже сугубо человеческим. А вот отказ от мороженого, когда его очень хочется – это уже человеческое. Исходя из сказанного, мы можем сделать следующий шаг в понимании добра. Добро – это то, что подсказывает и даже требует от нас сделать правильный выбор. И этот правильный, моральный выбор всегда идет против природы.

Почему это так? Чтобы разобраться, обратите внимание, что моральный выбор – прежде всего свободный выбор. Моральный выбор не получится, если человека принуждают, если на него оказывают давление, если он следует какому-то побуждению, потребности, соблазну. То же самое, если его обманывают или если его учат, внушая ему, что поступать так-то и так-то правильно – это будет уже не его выбор. Отсюда и видно, почему настоящая правильность всегда идет против какой-то силы, или против какого-то насилия, почему она заставляет преодолевать какие-то препятствия и трудности. Потому что наш мир детерминирован, он весь пронизан силами, и поскольку правильность свободна от этих сил, она автоматически идет против них. У нее просто нет иной альтернативы.

Но если человек свободен от всякого принуждения, от «направляющей руки» – откуда он тогда знает, что надо выбрать? Где в нем сокрыта эта загадочная правильность? Ну, где-то сокрыта, иначе мы не могли бы поступать правильно. С другой стороны, может быть все таки мораль и свобода выбора иллюзия? Ну как может быть человек свободен в детерминированном мире?! Однако, на самом деле иллюзия заключается как раз в том, что мораль можно познать при помощи научного метода. Увы, эволюция нам тут помочь не может – нигде в ее законах нет ответа на вопрос: зачем нам свободный выбор, почему мы способны преодолевать наши инстинкты, ради чего? Эволюция учит нас выживать, но добро не заинтересовано в выживании. Выживают всегда самые сильные, хитрые, безжалостные. Человек, переступая через свои

инстинкты, напротив, ставит под сомнение собственное выживание. И эта загадка не поддается логическому объяснению.

Таким образом, мы видим, что природа человека, в отличие от природы животного, парадоксальна – она проистекает из эволюции, но идет против нее. Можно сказать, природа человека – идти наперекор природе! Мы обладаем чем-то необычным, тем что не поддается изучению путем экспериментов, математических расчетов и даже прямого наблюдения – моралью. И умные люди давно поняли это – иначе они не берегли бы ее и не передавали из поколения в поколение знание о ней. Но в чем ее рациональный смысл? Осмысливая мораль, люди кладут в ее основание «добро» – вот оно там лежит и заставляет нас поступаться своими интересами. Но что это такое, неясно. Вот свое личное «добро» каждый понимает очень хорошо – счастье, удовольствие, наслаждение, деньги если бедно с фантазией. Но общее, универсальное, абсолютное? Ясно только, что истинное добро прямо противостоит всему материальному, всякой чистой рациональности – собственной выгоде, собственным интересам, собственному выживанию. Поэтому кстати неважно насколько образован, богат или успешен некий экземпляр гомо-сапиенса. Если у него проблемы с моралью – это лишь хитрое и скорее всего опасное животное.

Иррациональность морали заставляет людей давать ей довольно дурацкие объяснения – вроде высшей силы, мирового духа, всеблагого бога. В частности, христианство довольно изощренно пыталось обосновать мораль, обязанность следовать закону божьему, необходимостью спасти свою бессмертную душу, заключенную в телесную оболочку, испорченную первородным грехом. В наше просвещенное время, когда преследование своей выгоды повсеместно почитается за первую добродетель, многие весьма образованные люди с порога отвергают саму возможность существования универсальной морали. Другие пытаются выдумать для нее рациональные основания. Так, некоторые ученые полагают, что в основе морали лежит та же выработанная эволюцией потребность в выживании,

но более сложная – групповая. То есть, например, человек, когда жертвует собой, способствует этим выживанию своего племени или народа. Но сколько они ни пытались найти механизм передачи таких «героических» генов – его не обнаружено. И его нельзя обнаружить. Потому что если жертвовать собой правильно, это обязан делать каждый. Но если каждый будет жертвовать собой, кто выживет?

И та же самая проблема с добротой. Ученые пытались обосновать ее выгодой, дескать доброта – это такой взаимообразный альтруизм: «ты мне, а я тебе». Или это прицел на дальнюю перспективу, ведь хорошая репутация в конце концов окупается. Но это же явная глупость! Каждый понимает, что это не доброта, а голый расчет. Мораль идет прямо против выгоды, в этом ее смысл. В противном случае, будь мораль выгодна, все выгодное стало бы моральным!

Работа этих ученых нацелена на создание какой-то «научной» или «научно-обоснованной» морали. Но в самой такой постановке вопроса уже видна его абсурдность. Если мораль имеет естественно-научное, закономерное основание, мы лишаемся всякой ответственности за свой выбор. Мы превращаемся или в бездушные автоматы, которые следуют заранее составленной программе, или назад в животных. Таким образом, научный подход к морали благополучно убивает саму идею морали. В принципе, ученых можно понять – они привыкли изучать то, что поддается изучению. Но к счастью, совершенно непонятно, как они собираются заставить нас следовать своей морали. И сами они, что характерно, тоже ей не следуют.

Еще одно надуманное рациональное объяснение морали заключается в том, что мораль – это такой собственный интерес, но как бы просвещенный, возвышенный, духовный – ведь счастье близких приносит благо и самому человеку. Ведь ему приятно чувствовать себя честным, порядочным. Значит мораль – это такое эгоистичное удовольствие, но доступное избранным, тем кто его познал. Допустим. Но что, если моральный долг требует серьезной жертвы? Так ли уж приятно

будет, например, ради победы расстаться с жизнью? Еще одно объяснение: мораль скрепляет человеческое общество, а поскольку все мы заинтересованы в нем, мораль практически полезна, она в конечном итоге даже выгодна нам всем. Но все это – мертвому припарки! Самое выгодное всегда – чистый эгоизм и точный расчет. Проблема в том, что подобное поведение вызывает у нормальных людей угрызения совести. Конечно избавление от них тоже можно считать удовольствием, но для этого не обязательно поступать морально – достаточно придумать себе убедительное оправдание.

Что же мы имеем в итоге? В итоге мы имеем свободный выбор, который однако вовсе не свободный, потому что требует от нас выбирать добро, мы имеем некое добро, которое дает нам свободный выбор, чтобы мы его выбирали, и нигде в природе ничего подобного не наблюдается. Мы похоже стоим перед самой загадочной тайной на свете! Тайной которую люди до сих пор не смогли разгадать. Но это не значит, что наш разум бессилен против морали. Мы может быть не знаем, что такое абсолютное добро, или как правильно себя вести, но по крайней мере мы знаем, где искать ответы на эти вопросы – конечно в наших беседах! :)

4 «ЖЕРТВЕННАЯ» МОРАЛЬ

Тайны морали удобнее всего вскрывать по частям, для чего разделим ее на виды. Первый, самый простой и понятный вид морали – то, что мы будем называть «жертвенной» моралью. Это мораль личных отношений, тех, где присутствуют эмоции, чувства. Наиболее привычное место для нее – семья или иной круг близких людей. Почему она «жертвенная»? Потому что ради другого человек согласен причинять себе неудобства, приносить некие жертвы, начиная от самых малых, например потраченного времени, и до самых крупных, например спасая ребенка родитель может пожертвовать даже жизнью. Личные отношения без жертв не получатся – в чем смысл личных отношений, если каждый стремится принести пользу только себе? Конечно иногда бывает так, что люди собираются вместе, обделывают какие-то дела, получают прибыль, а потом делят ее на всех, но я думаю вы согласитесь, что в данном случае личные отношения вторичны, главное – прибыль, расчет. Личное – это все таки чувства, а чувства требуют жертв. А как иначе их доказать? Только словами? Слова, конечно, тоже нужны, но одних слов надолго не хватит.

И все таки, почему она «жертвенная»? Почему бы не назвать ее как-то благозвучнее – например, «моралью любви»? Или «этикой заботы»? Потому что жертвенная мораль шире, она охватывает любые личные отношения, даже с незнакомыми людьми. Конкретный человек всегда является источником морального долга, и этот долг вовсе не обязательно сводится к непременной любви и заботе. Так, например, если на улице незнакомец спросит вас который час или попросит указать дорогу, я думаю, что мало кто сможет сделать вид, что он его не заметил, и пройти мимо. Долг требует что-то ответить, даже если мы не знаем что. Вы можете возразить, что это простая вежливость. Да, но что такое вежливость? Это как раз и есть

проявление морали личных отношений!

Несмотря на то, что личные отношения часто возникают независимо от нас, мы как правило держим определенную дистанцию с теми, кто оказались физически рядом, но не входят в ближний круг. Мы не хотим жертвовать ради них и не принимаем их жертвы. Близкие отношения избирательны – мы оцениваем людей, пусть неосознанно, выделяя тех, с кем мы хотели бы поддерживать такие отношения.

Понятно, что чем сильнее чувства, тем больше жертвы. В семье, например, они постоянны, без взаимной заботы семья просто невозможна. А чем дальше отстоят люди, тем жертв требуется меньше. Через размер жертвы выражается не только сила чувств, но и степень близости. Ведь если, например, кто-то заботится о постороннем больше, чем о близком человеке – такой ли уж тот посторонний как кажется? А если действительно посторонний – это уже не мораль, а какое-то предательство близкого человека получается! То есть мы видим, что жертвенная мораль не только разборчива, но и щепетильна. Нельзя одинаково любить даже близких людей и тем более нельзя с одинаковым усердием заботиться и о ближних, и о дальних. А тех людей, о ком мы не знаем, вообще нельзя никак любить, даже в фантазиях. Жертвенная мораль образует вокруг человека своего рода поле «нравственного потенциала», где любовь и забота тем больше, чем ближе другой к его центру.

Жертвенная мораль – очевидное продолжение родительских, половых и стайных инстинктов, нацеленных на выживание какого-то тесного сообщества особей, т.е. можно сказать, что жертвенная мораль как бы одной ногой все еще увязла в природе, она все еще не до конца идет против нее. Однако не следует сводить ее к чувствам и тем более к инстинктам. У животных нет морального долга – если например задача воспроизводства успешно выполнена, их ничто не держит вместе. У людей иначе. Чувства переменчивы, но есть они или нет – неважно, долг есть всегда. Чувства может быть и требуют жертв, но жертвы как таковые – следствие не чувств,

а самого факта личных отношений. Кроме того, даже самые добрые чувства, поскольку они имеют биологическую основу, несут в себе заряд «здорового» эгоизма. Отсюда например вытекает ревность – это, так сказать, обиженный, испуганный эгоизм, страх потерять предмет своих добрых чувств. Ведь нельзя всерьез воспринимать метафору «люблю больше жизни». В реальности добрые чувства к другому обычно уравниваются не менее добрыми чувствами к самому себе. Иное дело мораль. В отличие от чувств, она требует поступать в ущерб себе осознанно, независимо от своих желаний. Наиболее отчетливо она проявляется в ситуациях выбора, когда чувства направляют нас в разные стороны, и поскольку она требует сделать правильный выбор, мораль объявляет любой учет собственных интересов неправильным. Но есть ли в личных отношениях выбор? Конечно. Альтернатива морали всегда есть – это чистая рациональность, расчетливость, животный эгоизм, когда даже подарки дарят рассчитывая что-то получить взамен.

Отсюда видно, что хотя жертвенная мораль нам хорошо знакома, в ней, так сказать, есть еще темные пятна. Одно из них то, что мы не можем быть на 100% моральными даже если бы хотели! Требования жертвенной морали не слишком практичны – нам приходится сочетать их с собственными интересами, без которых мы не можем существовать. Так, например, даже указать дорогу незнакомцу может оказаться выше наших сил, если мы в этот момент спасаемся от опасности. В итоге, нам приходится так или иначе обманывать жертвенную мораль, приходится согласовывать размеры жертв с нашими возможностями.

И это только начало наших проблем! Ведь что такое абсолютное добро в понимании жертвенной морали? Очевидно, это благо другого человека. Другой для нее – наивысшая ценность. Другим может быть любимый, ребенок или родитель, но кто бы он ни был – это всегда кто-то конкретный, это конкретный человек, ради которого мы должны принести в жертву свое «я». Для жертвенной морали нет никакой иной высшей ценности... кроме еще одного конкретного человека,

который еще ближе и которого любят еще больше! Что вносит в общую благостную картину мрачноватые оттенки, ибо отсюда следует такая особенность жертвенной морали, как ее конфликтность. Жертвенная мораль внутренне противоречива, ведь вместо единой высшей ценности, у нее их несколько и все они – взаимоисключающие. Заботясь о ком-то, человек иногда может пренебрегать не только своими интересами, но и интересами всех остальных, просто потому, что они не занимают такого же высокого положения на его шкале ценностей. А значит, нам приходится согласовывать не только размеры жертв, но и интересы самых разных людей. На этих конфликтах построено множество моральных задач, типа того, стоит ли толкать под поезд одного, чтобы спасти пятерых, или можно ли ограбить аптеку, чтобы помочь больной матери. Жертвенная мораль ответа в общем случае, разумеется, не дает. Все ответы частные – мы должны взвешивать ценность каждого конкретного жертвенного поступка и соотносить его с ценностью того человека, ради кого он делается. Этакая моральная арифметика.

Но самое удивительное, что жертвенная мораль еще и запрещает нам заниматься этой арифметикой! Мы не имеем права на расчеты, ведь жертвенная мораль в силу своей иррациональности отрицает любые расчеты. Как нелепо смотрится человек, например, который рассуждает: кого я люблю больше – папу или маму? Кого я сдам в «собес», а за кем буду ухаживать сам? С этим связана еще одна интересная особенность жертвенной морали. Она неформальна. О моральных требованиях нельзя говорить четко и прямо, моральный долг регулируется интуицией. Поэтому моральные требования, несмотря на то, что мы их прекрасно понимаем, мы не можем выразить словами. Нельзя сказать – вы должны указать мне дорогу, или вы обязаны помогать мне, или ты должен делать то-то и то-то потому что ты меня любишь. Нет, попросить-то можно, но потребовать нельзя – именно потому, что жертвенная мораль запрещает любую формализацию.

В чем причина такой «стыдливости» морали? В том, что

формализация ее требований уничтожает личные отношения. Например, контракт о том, кто и как должен заботиться превращает заботу в работу, потому что под таким контрактом может поставить подпись любой человек – контракт по своей сути универсален. Формальность – это способ сообщить что-то незнакомым людям, а поскольку близкие обычно понимают друг друга без слов, любая попытка формализации только показывает, что люди на самом деле не так уж и близки, что они далеки друг от друга.

И отсюда следует еще одна особенность жертвенной морали – неясность ее конечной цели. Цель эта заключается в благе ближнего, но что такое это благо? В силу неформальности, невозможности откровенно обсудить жертвы и требования, мы обречены этого не знать. Как бы объект заботы ни проявлял свои желания, любящий человек всегда будет оценивать его благо со своей колокольни. Да и всегда ли сам объект знает что для него хорошо, что для него – истинное благо? Например, родители, когда заботятся о детях, запрещают им питаться одним мороженым. В данном случае они правы, но в каком-то другом случае, они могут ошибиться и тогда вместо добра причинят зло. Именно о таких ситуациях говорят: «благими намерениями вымощена дорога в ад». То есть тут мы видим иррациональность морали в чистом виде. Еще бывают ситуации, когда, например, люди стараются поддерживать близкие отношения из эгоизма, когда они как-бы путаются в своих чувствах к человеку. Тогда жертвы нацелены не на благо, а на то, что бы подкупить его, удержать, даже если в конечном итоге это принесет ему вред.

Однако, несмотря на все своеобразие жертвенной морали, она нам понятна в силу своей привычности. Без нее мы не могли бы поддерживать нормальных человеческих отношений, каждый бы думал только о себе и всем бы нам было очень плохо. Посредством добрых дел человек и сам приобретает определенную моральную ценность. Жертвы ради других учат ценить чужие жертвы, учат видеть страдания и зло, которые иначе могли бы и не открыться. Известно, что человек,

который не перенес сам потерь и лишений, часто не способен увидеть это в других, не способен на настоящее сочувствие. Жертвенная мораль как бы подталкивает людей в эту сторону, призывая их открыть в себе нравственную чуткость. Посредством личных отношений люди в конце концов приобщаются к ценностям, единым для всех. А значит жертвенную мораль, несмотря на все ее недостатки, надо беречь.

К сожалению, люди часто этого не понимают. Злоупотребление жертвенной моралью начинается с ее абсолютизации. Так, многие моралисты, непонятно почему уверовав в ее универсальность, распространяют ее не только на личные отношения, но и вообще на всех людей. Отсюда вытекают и чрезмерный гуманизм, и всякого рода социальная «халява», и такие постулаты, как «Я возлюбил вас, так и вы да возлюбите друг друга». Но это же явный перебор! Моральные требования должны быть хоть как-то выполнимы, иначе вся моральная конструкция становится не только невозможной, но и морально сомнительной. Ведь любя посторонних, мы тем самым фактически предаем тех, кто нам по настоящему дорог! Указанные особенности жертвенной морали – разборчивость, конфликтность, непрактичность, неформальность и крайняя иррациональность – делают ее абсолютно непригодной в качестве универсальной основы общества.

Вы можете возразить – а как же защита слабых? Разве общество не обязано заботиться о тех, кто наиболее уязвим? На это можно ответить очень просто. А зачем начинать с того, что превращать жизнь в борьбу? Зачем возводить погоню за личным успехом в моральную норму? Разве мы не можем сотрудничать, нам что, надо обязательно воевать?

Однако, очень уж соблазнительно попользоваться нашими слабостями. В данном случае я имею в виду не мыслителей, которые навязывают нам моральный долг по отношению к посторонним людям. Нашей беззащитностью перед моралью успешно пользуются всевозможные проходимцы, начиная мелкими жуликами и кончая хозяевами многомиллиардных

благотворительных фондов. Мы не можем избежать личных отношений, даже самых мимолетных. А там где личное отношение, личное впечатление – там и хоть маленький, но долг. Просто имейте это в виду. Если вам надо, например, собрать денег себе на лечение, подкрепите свою просьбу личной фотографией. А если вы идете собирать милостыню, прихватите с собой ребенка. Кстати, в данных случаях не следует путать мораль с жалостью. Разве дело в жалости, когда на улице, например, вас просит о небольшом денежном одолжении неопрятного вида человек? Вам просто неловко. Почему? Потому что он навязывает вам личные отношения. А с ними – и моральный долг. Но личные отношения – дело тонкое. Жертвы не любят когда ими сорят. И в результате мораль мстит тем, кто ее эксплуатирует – люди черствеют, становятся циничными. Мораль, жертвенная или нет, не терпит лжи, не терпит насилия. С другой стороны, честное обсуждение ее достоинств и недостатков, напротив, помогает ей – очищает и укрепляет. Согласны?

5 «ГЕРОИЧЕСКАЯ» МОРАЛЬ

Вторым видом морали, который встречается реже и название которого звучит приятнее для уха, является «героическая» мораль. Эта мораль тоже требует жертвы, но жертвы уже как правило несравнимо большей, которая превышает некоторый разумный предел, отчего нравственный долг приобретает новый масштаб, становится по-настоящему высоким. Героическая мораль обычно проявляется в виде боевого духа – когда человек рискует или даже жертвует своей жизнью во имя победы. Однако она уместна и в мирной жизни, где она приобретает форму гражданского мужества – человек говорит правду, отказывается выполнять незаконное требование, поддерживает несправедливо осужденного, и тем ставит под удар свое благополучие, свободу или даже жизнь. Подобная жертва не всем и не всегда под силу, и требуется не ради одного или даже нескольких близких людей, а во имя чего-то большего. Чего именно?

Начнем с того, откуда взялась героическая мораль. Очевидная причина ее появления – необходимость победы в борьбе с врагом первобытного коллектива – стаи или племени. Здесь мы видим определенную параллель с жертвенной моралью, у истоков которой лежала необходимость физического выживания особей, живущих какой-то мелкой группой. Однако теперь на кону стоит выживание коллектива в целом, причем не обязательно мелкого. Значит ли это, что для героической морали, по аналогии, высшей ценностью являются люди? На первый взгляд, так и есть. Однако давайте глянем глубже. Разве герой спасает своих соратников? Напротив. Человек, готовый пожертвовать собой, склонен требовать такой же готовности и от других. И он прав! Ведь научиться преодолевать страх мы можем только сообща, когда нам стыдно за свою трусость перед другими. Кроме того, общая борьба, помимо героев, рождает и патриотов, и шовинистов, и нацистов, а эти

персонажи как-то не были замечены в проявлениях избыточного человеколюбия. Да и вопрос физического выживания уже не так актуален. В наше время поражение в войне не означает всеобщей гибели. Люди как правило выживают — они либо вливаются в другой коллектив, либо их сообщество распадается на несколько мелких.

В чем же дело? В том, что героическая мораль не просто способствует выживанию коллектива, она его фактически формирует, делает жизнеспособным. Ведь прочный коллектив не получится просто оттого, что людям удобно жить рядом. На первый взгляд как раз получится — ведь наши предки объединялись ради выживания, но если приглядеться, мы увидим, что люди объединяются вокруг чего-то иного — это могут быть традиции, общая память, общая вера, идеология или какое-то иное культурное единство. И именно эта объединяющая идея, выраженная в культуре, именно это духовное, а не кровное родство или личные отношения, и уж тем более не потребность в собственном выживании, и делает возможным большой прочный коллектив. А с ним — и нас самих! Ведь мы становимся людьми только в обществе — это общество дает нам язык, разум и мораль. И люди хотят сохранить это духовное родство, это свое право быть человеком. А отсюда и подвиг! Ведь согласитесь, соотечественники иногда так раздражают, их хочется задушить собственными руками! :)

Таким образом, мы видим, что героическая мораль отрывается от природы и устремляется куда-то в мир духа, в мир абстракций. Ведь что такое коллектив? По сути это абстракция, это объединяющая идея, а выживание коллектива — выживание самой этой идеи. Героическая мораль выражает силу этой идеи, ее способность сплотить людей. И одновременно она порождает ее, ведь каждый подвиг укрепляет идею, вносит в ее основание новый кирпичик. А сама идея, при этом, ведет людей в сторону добра, она изначально имеет моральный смысл, ведь именно в добровольном отказе от материального, от природного, т.е. в жертве во имя абстракции, и проявляется способность быть человеком.

Это особенно хорошо видно в случае коллективных конфликтов, когда люди любят говорить, что они борются за правду, что правда на их стороне, что их дело правое. Казалось бы, откуда тут правда? Как раз оттуда, что объединяющая идея не только объединяет, она придает цель и смысл, ведь люди не просто живут рядом, они действуют, а значит коллектив объединяет людей занятых общим делом. А общее дело требует общей цели. А цель – правильность. И поскольку коллектив дает все это людям, он становится для них олицетворением этой правильности, независимо от того, осознают они всю эту «механику» или нет.

Но что, если человек видит, что его коллектив неправ? Станет ли он тогда проявлять геройство ради него? Ведь моральный выбор в любом случае остается за человеком. Иногда можно услышать: «права она или нет, но это моя страна». Однако в наше глобальное время, когда бессмысленность вражды и насилия становится все очевиднее, такой примитивный патриотизм уже как-то неуместен. И тогда мы видим, что люди отказываются поддерживать неправоное дело. И точно так же мы видим, как коллективы, которые предали свою идею, которые погрузились в аморальность – и страны, и даже империи – распадаются, исчезают в пыли истории просто потому, что они оказываются никому не нужны. Их некому теперь защищать.

Вы скажете, как такое возможно? Как правда, которая объединяла людей, вдруг становится ложью? Дело в том, что никакая объединяющая идея не универсальна. Она всегда конкретна, исторична, она опирается на определенное сообщество людей, определенные события, обстоятельства. А конкретное, в отличие от абстрактного, не может претендовать на абсолютную правильность. Ошибки всегда возможны. Ну не могут две воюющие стороны быть одновременно правыми. А вот обе неправыми – легко. Более того, застарелая, тяжелая вражда может окончательно выхолостить идею, убить ее, сведя к ненависти и жажде мести. Тогда люди начинают формировать свою идентичность, свое самосознание, на обособлении, на

противостоянии другим.

В случае гражданского мужества, когда человек борется за справедливость, за поддержание законности и порядка, правоту увидеть легче, а выживание коллектива как бы отодвигается на второй план. Однако и в данном случае мы видим конкретный коллектив. Человек, на самом деле, хочет сделать его лучше. Он мысленно опять опирается на своих соотечественников, он старается ради них, ради общего дела. Он опять на стороне добра – как и в случае войны, когда его коллектив хороший, а вражеский плохой. Но кто теперь противостоит ему? Кто враг в мирное время? Если мы столкнулись с продажным судьей, с вороватым чиновником или агрессивным полицейским, нам как правило противостоят не случайные люди, а система, которая сделала возможным нахождение этих людей на их местах. Источник всякой социальной несправедливости – это множество людей, объединенных своими интересами против всех остальных. И это сильный и страшный противник, а вовсе не случайные люди. Случайными они станут когда-нибудь в будущем. В наше время борьба с ними требует героизма.

Вы можете засомневаться – если героическая мораль нацелена на выживание коллектива, как сюда вписывается борьба за справедливость? Дело в том, что несправедливые коллективы не выживают. Не может коллектив, основанный на лжи и насилии, жить долго и счастливо. Ну как подобное может объединять людей? А значит выживание коллектива требует борьбы не только с внешним, но и с внутренним, скрытым врагом – с теми, кто лишает его смысла и цели, кто затыкает людям рты, подавляет их волю, кто убивает саму героическую мораль делающую возможным большой, жизнестойкий коллектив. Короче, с теми моральными уродами, кто тянет людей назад в пещеры, а страну – в пыль истории.

Таким образом, мы можем определить добро героической морали как благо коллектива, но коллектива все еще конкретного. Тем не менее, это крупный шаг вперед

по сравнению с жертвенной моралью, шаг в сторону универсальности, в сторону абсолютности добра и количества людей, объединенных этим добром.

Каковы свойства героической морали? Она неформальна. Хотя обязанность любить и защищать родину можно прописать где-нибудь в присяге или даже в конституции, реальной любви это поможет мало. Она конфликтна, хоть и не в такой степени, как жертвенная. Человек может принадлежать нескольким коллективам разного уровня, и когда они приходят в конфликт, он как бы разрывается между ними. В частности, неправоту собственной страны человек может видеть с точки зрения какой-то высшей, например общечеловеческой, правоты. Конфликты возможны между героической и жертвенной моралью. Первый из них проявляется в том, что когда человек жертвует собой, он одновременно жертвует и теми, кто от него зависит. Подобный конфликт вообще характерен для жертвенной морали, ведь любая жертва затрагивает остальных, но в данном случае из-за размера жертвы конфликт сильно усугубляется.

Вторым типом конфликта является следующий. Когда человек борется за победу, от его победы зависят множество незнакомых ему людей, его соотечественников. Но с другой стороны, в качестве противника он может увидеть конкретного, живого человека и испытать к нему какие-то личные чувства, например, уважение или даже симпатию. Подобным конфликтам мы обязаны возникновением правил сначала поединков, а затем и войн. Правда в наше время, когда войны ведутся все больше техническими средствами, правилами стало пренебрегать очень легко — ведь когда не видишь врага, он теряет человеческие черты.

За героическую мораль не следует принимать то, что можно назвать «групповой моралью», когда люди объединяются ради защиты своих интересов, привилегий, когда они хотят выгадать какие-то преимущества, когда они противопоставляют себя всем остальным, отгораживаются от них. Эта, с позволения сказать, «мораль» — на самом деле групповой эгоизм, не имеющий

ничего общего с жертвой во имя идеи. Впрочем, так может случиться и когда высокая идея умерла, а коллектив выродился в мстительную эгоистичную группу.

А всякий ли геройский поступок является следствием героической морали? Что, если героизма требует собственное выживание или помощь попавшему в беду человеку? Я думаю, в первом случае мы можем говорить скорее о мужестве, об отваге, а во втором – уместнее наверное говорить о жертвенной морали, ведь помощь конкретному человеку как правило не свободна от личного отношения. Человек может также проявить героизм выполняя служебные обязанности связанные с риском. А вот, скажем, является ли героем смертник, шахид? Некоторые скажут, зависит от его цели. Если он борется за свободу родины, с врагами, захватчиками, то он конечно герой! А если его цель – посеять панику, страх, унести жизни невинных людей, то при чем тут героизм? Я думаю, человек добровольно идущий на смерть в любом случае герой, однако из этого примера видно, что героическая мораль не гарантирует не только правильности целей, но и правильности методов.

Таким образом героическая мораль не свободна от своих сложностей. Интересно, что помимо конкретности объединяющей идеи, ставящей под сомнение ее безусловную правильность, имеется сложность, связанная, напротив, с ее абстрактностью. Неоднократно замечено, как человек готовый в бою на самопожертвование, в мирной жизни оказывается готов, извините, лизать задницу начальству ради каких-то материальных благ. Или как несомненно храбрый военный в быту оказывается трусом и предателем, не способным занять правильную гражданскую позицию. В чем причина такой метаморфозы? Дело в том, что, как ни странно, гражданский подвиг труднее воинского. На войне, в составе боевого подразделения, когда все нацелены на победу, когда каждый заинтересован в успехе, подвиг несет большой эмоциональный заряд. Он виден и ценен, его смысл всем понятен, он подает пример. В мирной жизни человек противостоящий злу как правило одинок, хуже того, его действия могут нанести вред

родным или коллегам. Его подвиг никому не известен, а если известен — вместо поддержки может вызвать недоумение или даже неприязнь благоустроенных окружающих. Ну что раскачивать лодку, мы ж не на войне! И конечно, если на войне враг виден, а силы соизмеримы, в мирной жизни все прямо наоборот. И потому одинокий гражданский героизм так редок и к сожалению как правило обречен.

Но точно так же обречен и деморализованный народ, не способный сплотиться вокруг своего морального ядра и дать отпор внутреннему врагу. Он превращается в безвольное стадо, с которым можно делать все что угодно. А значит, несмотря на то, что моралисты почему-то забывают нам об этом сказать, героическая мораль, с ее приятным названием но неприятной сутью, всем нам жизненно необходима. Ибо, да, нравственный долг такого масштаба, подвиг — вещь крайне неприятная. Но тем не менее, без способности преодолеть страх, этот самый сильный животный инстинкт, вопрос об окончательном превращении гомо-сапиенса в человека останется вечно открыт.

6 ЛИЧНЫЙ УСПЕХ ИЛИ ОБЩЕЕ БЛАГО?

Рассмотренными двумя видами мораль не исчерпывается. Напротив, только сейчас мы подошли к главному виду морали, который мы в дальнейшем будем называть объективной этикой или для краткости просто этикой. Ее также можно называть публичной или социальной этикой (или моралью). Мне нравится слово «объективная», поскольку это – самое важное ее качество.

Ну и раз уж мы заговорили о терминологии, давайте сделаем небольшое отступление. В наших беседах мораль и этика – не совсем то, что является общепринятым, если конечно «общепринятое» общепринято. Иногда мораль и этику смешивают, иногда считают, что мораль – это практика, а этика – теория. Однако, надо иметь в виду, что не может существовать теоретической этики, которая была бы отделена от практики. Не бывает описательной, дескриптивной этики или мета-этики, которая бы не являлась одновременно предписательной, нормативной, т.е. из которой не следовало бы практических выводов, ведь, как я думаю вы уже догадались, этика – это нечто большее, чем зарисовки народных нравов, наука или даже философия. Вспомните слова Аристотеля о добродетели!

Итак, что такое объективная этика? Это этика, лежащая в основании бесконечно большого коллектива, коллектива включающего всех. В этом случае его цель и смысл становятся действительно всеобщими – ведь противников у него нет и все его члены заняты одним делом. Этика здесь регулирует отношения между совершенно посторонними людьми, кто даже не подозревает о взаимном существовании. Вы спросите, что это за странная этика? Это уместный вопрос. Его вероятно тоже задавали себе философы, которые пришли к выводу

о невозможности существования объективной этики. И тем не менее, объективная этика существует. Даже несмотря на то, что люди не подозревают о ее существовании, или даже если они отрицают его, они тем не менее следуют ей, ведь все мы являемся членами этого бесконечного коллектива. Таким образом, мы видим, что уже здесь объективная этика парадоксальна – она, одновременно, распространена и максимально широко, ведь ей следуют все, и вообще никак, ведь о ней никто не знает. Как такое может быть?

Прежде чем объяснить это свойство объективной этики, заметим, что объективная этика и не может быть иной, ведь объективность означает, что люди следуют ей независимо от того, хотят они этого или нет, примерно как они подчиняются объективным законам мироздания. Но ведь мораль требует свободного выбора! Как это совместить? Отгадка парадокса проста – поскольку абсолютно свободный выбор всегда нацелен на абсолютное добро, любая мораль основанная на абсолютном добре является объективной. Вы спросите – но как люди могут выбирать абсолютное добро, если они не знают, что это такое? Так в том-то и смысл объективности, что люди выбирают его – пусть и не всегда удачно – даже не зная о нем. Вы опять усомнитесь – но возможно ли это? Да, и мы в этом скоро убедимся.

Как же найти в нашей жизни этику, о которой никто не знает? На самом деле это не сложно. Все мы пользуемся благами, которые нам предоставляет общество. Вот взять например мою любимую душегрейку. Это благо? Конечно благо! Где я его взял? Его кто-то сделал для меня. Не для меня лично, а для меня как абстрактного члена общества. Причем это было множество незнакомых между собой людей. Кто-то придумал фасон, кто-то связал, кто-то привез, кто-то продал. А еще много людей участвовали в процессе не подозревая не только обо мне, но и об этой душегрейке – кто-то готовил материалы, кто-то изготавливал инструменты, кто-то давал кредиты, кто-то печатал деньги и подсчитывал прибыль.

Вы скажете — при чем здесь какая-то этика? Это просто общество так устроено! Но в том-то все и дело. В обществе ничто и никогда не может быть устроено само по себе. Все в обществе строится благодаря конкретной воле конкретных людей, а люди руководствуются мотивами. И именно объективная этика порождает мотивы, делающие возможной такую организацию общества, при которой появляются общие блага. Ведь, я полагаю, вы уже догадываетесь, что общество теоретически может быть устроено так, например, что одежду будет носить только самый главный вождь, а все остальные — ходить, прикрываясь фиговыми листочками. Смысл этики в том, чтобы блага доставались всем, а не только сильным. Или иными словами, чтобы люди не воевали, а сотрудничали. Или еще иными словами, чтобы личный интерес каждого был направлен на одно, единое благо, стал как бы общим интересом.

Отсюда видно, что абсолютное добро с точки зрения объективной этики — максимально возможное, универсальное общее благо, общее не в рамках конкретного коллектива, а вообще всех, поскольку сотрудничество — универсально. И, кстати, это как раз тот самый случай, когда личное благо каждого совпадает с его моральным долгом — с тем, что является благом для других. Ведь общие блага нужны нам всем! Таким образом объективная этика не только делает заключительный шаг в сторону абстракций, но и добивается того, чего не могла добиться никакая другая мораль, превращаясь в практическое руководство к действию для каждого этического человека.

Значит объективная этика связана с распределением благ, со справедливостью? Конечно. Все мы хотим справедливого общества. Вы возразите, что справедливость — это фикция, сказка для дурачков, что люди только говорят о ней, а сами борются за свою выгоду, что совместить личное и общее невозможно, а значит, вся эта объективная этика — скорее всего какая-то хитрая демагогия. Однако это не так — общие блага действительно существуют, просто мы к ним привыкли и не замечаем. Например, чистый воздух, безопасные улицы, горячая вода, интернет. Вы снова возразите, что это плоды

технического прогресса, или это блага произведенные государством, или же это коммерческие блага полученные на свободном рынке в результате экономической конкуренции. Как говорил экономист Смит, это «невидимая рука рынка» магически превращает корыстный интерес каждого в благо всех. Экономист, однако, ошибся. Не существует никакой руки рынка, или руки демократии, или руки господ бога. Если уж говорить о руках, существует только рука объективной этики, которая, и правда, действует практически сама по себе. Да, экономическая конкуренция существует, но она не помогает, а мешает. Почему? Да потому что блага не могут получиться в результате борьбы, блага получаются только в результате сотрудничества. Плоды победы всегда достаются победителю, а потому самое выгодное всегда – наиболее эффективное насилие, и насилие, если его не ограничить, не останавливается пока не уничтожит конкурентов окончательно, а всевозможные виды насилия, включая экономическое, в нашей жизни процветают, уж поверьте. Вы скажете, а как же закон, как же наказание? Разве на рынке не выгодно быть законопослушным, честным, снижать риски? В том-то все и дело – для того, чтобы и закон, и наказание возникли и заработали, люди должны помнить о справедливости. И хотя они больше говорят о ней, они без нее не могут обойтись – иначе общества просто не получится. Конечно, абсолютная справедливость – такая абстракция которую никто не понимает, а насилие – вещь понятная и привычная. Но если бы общество держалось на одном только насилии, оно давно бы откатилось на уровень какой-то звериной стаи, а те, кто его практикует – стали бы наконец сами собой: гориллами, орангутангами или макаками. Даже это была бы не обезьянья стая, а стая каких-то амёб, которые жрут друг друга, потому что даже у волков есть зачатки справедливости.

Существует такое определение: справедливое общество – то, которое позволяет каждому добиваться успеха в соответствии с его способностями. Идея эта старая, но вполне живая. Особенно она популярна в либерально-рыночных странах, где обман «свободы каждого мусорщика стать миллионером» все еще

является основным средством промывки мозгов. Этот миф об успехе выглядит очень привлекательно. Действительно, разве это не справедливо, чтобы каждый добивался успеха на основе своих способностей? Однако несостоятельность этого мифа можно показать очень легко – даже не прибегая к демонстрации позорной практики означенных стран. Что не так с мифом об успехе? Во-первых, он ложен, во-вторых, он лжив. Имеется в виду, что каждый стремится к собственному успеху, но при этом строго соблюдая определенные справедливые правила социальной борьбы. Подход этот скопирован с игр. Что такое игра? Игра – это такое развлечение, когда люди хотят выиграть, но при этом следуя правилам. Что в игре главное? Выиграть? Нет. В игре главное – правила, без правил – это не игра. Те, кто нарушают правила, из игры выбывают. Откуда берутся правила? Их придумывают до начала игры. Можно ли менять правила во время игры? Абсолютно нет, это лишает игру смысла.

Вернемся к нашему мифу. Нетрудно видеть, что он – как бы продолжение игры, перенос ее на уровень всего общества. Но недаром говорят, что жизнь – не игра. Когда вся жизнь превращается в игру, исчезает внешний контекст, в котором устанавливаются правила. Кто их теперь должен устанавливать? Сами играющие? Это исключено. Вы скажете, что правила уже существуют, надо только следовать им. Но во-первых, это не так. Нельзя придумать правила жизни на все времена. Но может тогда можно их периодически пересматривать? Тоже нет, игра непрерывна. Может тогда можно придумать какой-то другой выход? Например, пусть некоторые люди, скажем юристы и политики, придумывают правила, а остальные соревнуются? Тоже не годится, потому что успех нужен абсолютно всем. И политика, и право – это лишь пути к успеху. Но, во-вторых, допустим, действительно, правила существуют и надо только следовать им. Сразу возникает вопрос, а что теперь главное – победа или правила? Ответ очевиден, недаром это миф об успехе. В игре «жизнь» ставки слишком высоки. Именно победа является целью этой игры, а правила соответственно отодвигаются на второй план – в этой игре победителей не судят, их просто некому судить. И в результате мы видим, как

за словами о справедливом успехе конкурентов и обманывают, и убивают. Мы видим, как те, кто захватил призовые места делают все от них зависящее, чтобы их успех остался с ними навечно. И по другому это работать не может. Потому что если не победа, а правила становятся приоритетом, обесмысливается сама идея успеха. Ну как можно ставить своей целью не победу, а следование правилам? Зачем правила, если не для того, чтобы давать возможность каждому добиться успеха? В чем их смысл? Так справедливость становится неизбежной жертвой, а правила, даже если они и существовали, постепенно исчезают.

Таким образом, мы видим, что личный успех и справедливость несовместимы. Как этика решает эту проблему? Во-первых, она запрещает личный успех в ущерб общему благу. Во-вторых, на первое место она ставит правила, моральные нормы. Но в чем же тогда их смысл? Как нормы связаны с общим благом? Может, они и есть общее благо? Несмотря на то, что среди мыслителей этот подход наиболее распространен, он явно ложен. Говоря конкретнее, сейчас под общим благом обычно понимаются все те социальные условия, включая право, которые позволяют обществу успешно функционировать. Спору нет, право – это общее благо, примерно, как горячая вода – полезное, но какое-то кущее. Ведь тогда не понятно ради чего жить, к чему стремиться. Этика, запрещая личный успех, который прекрасно обосновывается нашей эгоистичной природой, должна взамен предложить что-то не менее существенное. Общее благо должно указывать общую цель, ради которой все мы будем сотрудничать и достижение которой в итоге принесет благо каждому.

Справедливые правила, да и справедливость вообще – это только средство. Но средство не может быть абсолютным добром. Добро нам нужно само по себе, а не ради чего-то иного. Не может, например, человек стараться быть хорошим для того, чтобы заработать авторитет, репутацию, уважение, чтобы им восхищались и ставили в пример. Такое поведение означает, что «добро» – лишь средство для чего-то еще, и вот это «еще» – на самом деле и является добром.

В чем же смысл справедливых правил? Иногда говорят – во всестороннем развитии личности, чтобы человек мог проявить все свои таланты. Но это не снимает вопроса. Ведь чтобы изобрести какое-нибудь оружие, чтобы держать в страхе весь мир, или какую-нибудь финансовую схему, чтобы закабалить миллиарды людей – тоже надо обладать и талантами, и развитием. Еще вариант – справедливое общество должно предоставлять своим членам как можно больше прав и свобод. Но, опять таки, для чего?

Если мы заглянем вглубь истории, то увидим, что понятие общего блага всегда было несколько мутным. Философы Древней Греции, например, общее благо видели в сильном государстве и ставили его куда выше блага индивида. Вот как эту мысль выразил философ Демокрит: «Интересы государства должно ставить превыше всего остального и заботиться, чтобы оно хорошо управлялось [...] не следует [...] ради собственной пользы применять насилие против общего блага».

Эта мысль пережила тысячелетия. И сейчас еще имеются люди, которые ставят интересы государства, или страны, или народа выше личных. По крайней мере на словах. Но может быть в этом что-то есть? Может быть действительно общее благо – это государство? Или общество? Или даже этика, которое это общество формирует? Но чем больше мы размышляем над этим, тем меньше видим смысла. А зачем само общество? Разве не ради блага каждого из нас? А этика ради этики? Это бессмысленная рекурсия, которая делает следование ей пустым и ненужным! Идея универсального общего блага таким образом хоть и подводит нас вплотную к абсолютному добру, тем не менее пока не дает ответ на эту загадку.

7 ОБЪЕКТИВНАЯ ЭТИКА

Рассмотрим свойства этики. Начнем с самого странного – объективности. Почему мы называем этику объективной? Означает ли объективность этики, что она, подобно законам мироздания, существует независимо от нас? В определенном смысле – да. А именно, любой разумный человек не может не стремиться к добру, а значит не может не подчиняться этике. И непринципиально появилось ли добро одновременно с нами и понимаем ли мы его, мы от него неотделимы. Мы можем рассматривать этику как противоположность нашей животной природе. Ведь весь наш «свободный» выбор по сути ограничен только этими двумя альтернативами: или оставаться животным, или следовать этике. Соответственно, если мы признаем нашу животную природу объективно существующей, то же самое мы должны сказать и об этике.

Объективность этики проявляется в том, что мы следуем ей даже неосознанно, когда стараемся стать лучше, преодолеваем нашу природу, ищем в жизни смысл, делаем что-то, по нашему мнению, хорошее. Субъективными могут быть только наши ошибки на этом пути, но цель – всегда объективна. Подтверждение сказанному – моральные нормы, придуманные различными народами. Если мы попытаемся разобраться в их сущности, то за всем их многообразием увидим общий смысл. Этот смысл многие не видят. Многие считают что все культуры разные, в них нет ничего общего, все они одинаково ценны и, разумеется, все мы должны стать «мультикультуралистами» дабы обогатить себя традициями всех племен населяющих эту планету. И вот вам сразу пример того, как люди отрицая этику следуют ей. Потому что несмотря на явную утопичность этого призыва, именно этика делает возможными и саму эту позицию, и ее будущую практическую реализацию, т.е. объединение культур. Вы можете возразить – что общего между нами и какими-нибудь

людоедами? Да хотя бы то, что мы и сами были когда-то людоедами. И тот факт, что мы первыми продвинулись вперед по пути этики, не означает, что окажись эти людоеды на нашем месте, они бы сейчас не задавали аналогичный вопрос о нас.

Само собой, моральные нормы разных народов отличаются, но в их основе всегда лежат одни и те же универсальные принципы. Более того, чем лучше они выражены, тем общество не только справедливее, но и прогрессивнее, современнее, и в конечном итоге даже эффективнее. Ведь если это этика делает возможным существование общества, то любое общество просто обязано следовать этим принципам. Но есть ли они на самом деле? Давайте посмотрим. В каждом обществе существует тот или иной способ выработки и поддержания моральных норм, те или иные механизмы разрешения конфликтов и наказания преступников, та или иная общая и личная собственность, и конечно каждое общество стремится сделать жизнь своих членов лучше, создать блага — жилища, транспорт, медицину. Что же делает общества столь похожими друг на друга?

Разумеется, сотрудничество. И поскольку этика требует сотрудничества, она в обязательном порядке запрещает насилие, произвол, эгоизм, она делает людей все более самостоятельными, независимыми и свободными, предоставляет людям все больше возможностей для самореализации. И люди, и общество таким образом становятся все лучше и лучше, а значит они двигаются к чему-то хорошему, к добру. Я думаю, эту мысль стоит повторить, тем более, что несмотря на ее самоочевидность, некоторые отказываются ее понимать. Стаи животных объединяет страх и насилие, инстинктивная потребность выжить. Этика объявляет все это злом, а взамен предлагает добро — некий высший смысл, который делает возможным не только мирное сосуществование, но и все то хорошее, что мы ассоциируем с обществом — безопасность и здоровье, бытовые удобства и развлечения, творчество и науки. Мы видим, что несмотря на абстрактность добра, оно проявляется в реальной жизни в виде вполне конкретных благ.

Но чего мы часто не видим — что главное не блага, а само это добро. Именно в нем смысл этики. Потому что если видеть смысл только в благах, они исчезнут, а люди рано или поздно вновь станут животными.

Отсюда понятно, почему этика не зависит не только от индивида или группы людей, но и от целых народов. Принципы сотрудничества, создания и распределения благ, справедливости и конечно отказ от эгоизма и движение к общему благу — универсальны, пусть мы пока не понимаем их в полной мере. Если где-то во вселенной например существует какая-то иная цивилизация, то какой бы ни была ее история, если дать ей достаточно времени, она придет к виду требуемому этикой. Конечно, конкретная реализация будет своеобразной, но базовые принципы будут те же самые. И разумеется если мы когда-либо встретимся, то сможем найти общий язык и сотрудничать только благодаря этике.

Как же этика добивается своей цели? Главным образом благодаря максимальной формализации всего, до чего она может, так сказать, дотянуться. Требования этики не просто позволяют точное описание, это их единственно возможная форма. Потому что только так этика может уничтожить насилие между людьми, ограничить наши субъективные желания поступать как вздумается.

И для этого этика превращает нас в абстракции. Она устраняет из отношений людей все конкретное, личное, субъективное, все связанное с характером, семейным положением и даже биологией — ведь она присуща любым разумным существам! Соответственно, внутренний мир человека закрывается от посторонних, его цели и мотивы, личные качества и интересы, его желания и потребности этике безразличны. В этом этика идет прямо наперекор нашей привычке морально оценивать человека. Мы привыкли интересоваться зачем он совершил тот или иной поступок, какие у него были обстоятельства и причины, каковы его добродетели и пороки. Но все эти оценки годятся только для конкретных людей. Для

этики важно, чтобы человек строго следовал правилам.

Требования этики, ее формальные нормы, выражаются в законах, в праве. Право может быть прецедентным или позитивным, может быть римским или псковским, но правильным оно может быть только в той степени, в какой опирается на этику. Право позволяет нам строить социальные институты, учреждения и организации, которые работают как бы сами по себе, независимо от воли конкретных лиц. Таким образом, этика превращает нас в своеобразные «винтики», а общество – в идеально отлаженный «механизм». В идеальном обществе совершенно отсутствует произвол, потому что, если люди строго следуют правилам, каждый зависит только от всех вместе и ни от кого в отдельности. И здесь мы опять видим сочетание несочетаемого. Этика оказывается способна сделать каждого независимым и одновременно объединить нас в единое целое. Дать каждому свободу быть самим собой – и одновременно найти ему вполне определенное место. Позволить каждому достигать своей цели, реализовывать свои таланты и способности – и одновременно производить общее благо. Парадоксальность этики, кстати, еще одно ее неотъемлемое свойство.

Вы можете возразить – но ведь в обществе существуют и неформальные нормы! Не может общество регулироваться одним только правом. Взять к примеру вежливость. Ну как можно заставлять человека быть вежливым? Это же бред! Вы правы. Но дело в том, что наше общество еще очень далеко от этичного. В нем действуют не абстракции, а живые люди. Вы опять возразите – ну и что? Разве в этичном обществе не будет вежливости? Вы только не удивляйтесь, но не будет. И причина проста, вы просто забыли о ней. Ну или я, поскольку я говорю за вас :) Вежливость – это проявление морали личных отношений. Абстракциям не нужна вежливость. Если люди четко выполняют свои функции, вежливость становится избыточна. Она конечно может сохраниться какое-то время как дань традиции, но и только. Уже сейчас, если вы вдруг оказались где-то в этичном обществе и пишете письмо в какую-нибудь

организацию, вам нет нужды обращаться к конкретному человеку с челобитной: «Глубокоуважаемый имярек! Простите за беспокойство! Нижайше прошу...» и т. д. и т. д. Вы пишете просто: «Тем, кого это касается» или сразу излагаете суть дела. Другой вопрос, что даже в абсолютно этичном обществе останется личная сфера с ее неформальными нормами, которые сложились исторически под действием жертвенной морали. Но важно отметить, и важно понимать, что личная сфера не имеет к публичной прямого отношения. Это совершенно отдельная сфера, своего рода наследие нашей биологической реальности. А вот если вообразить, что когда-нибудь в будущем люди станут какими-нибудь там биороботами или иными формами трансгуманной жизни – нужна ли биороботам жертвенная мораль? Я думаю, нет. Но что точно нужно – этика! Без нее люди не смогут обойтись никогда.

Еще одно свойство этики заключается в том, что она не указывает человеку как ему поступать. Этика только запрещает. Это тоже очень интересное свойство, потому что этика умудряется делать нас свободнее путем запретов. Негативность требований этики прямо вытекает из ее формального характера. Потому что, ну как можно в явном виде заставлять человека, обязывать его выполнять свой моральный долг? Принуждение к жертве сразу обесмысливает ее. И поэтому правовая система этичного общества всегда строится на принципе «разрешено все, что не запрещено, а что запрещено – ясно прописано в законах».

Благодаря этому свойству этики, мы можем сразу отделить предположительно этичные законы от всевозможного нормативного творчества, коим столь богаты современные законодательные органы. Конечно, запреты тоже можно высасывать из пальца, их собственно и высасывают, но если в случае запретов по крайней мере есть предмет для дискуссии, то уж всевозможные прямые требования, как например, платить налоги, или подчиняться человеку в форме, или иметь обязательную страховку – такие прямые требования точно не имеют к этике никакого отношения. Тут возникает интересный

вопрос — а как же этика оказывается способна с помощью запретов строить этот «идеальный общественный механизм»? Ведь если она ответственна за создание всевозможных социальных институтов, видимо она и порождает все эти правила и инструкции, которые прямо предписывают то или иное действие? На самом деле, этика конечно не строит «машину общества», она только позволяет, помогает ее построить, и, соответственно, она помогает создать эти инструкции — сделать их правильными, ясными и общедоступными. И люди выбирают следовать этим инструкциям или нет, когда решают иметь дело с конкретным институтом. Это результат их свободного выбора в отличие от этических норм, которые являются обязательными с момента вступления в общество, то есть — всегда.

Не требуя от нас жертвы, этика, однако, требует нечто большего — строго следовать правилам. Без этого никакие механизмы работать не будут. Но и эта жертва в итоге оказывается вовсе не жертва, поскольку этика милостиво сдобривает ее тем, что дарит нам взамен общество, без которого мы при всем желании жить не можем. И тут мы опять видим парадокс — налагая на нас моральные требования, которые в своей основе являются результатом свободного выбора, этика делает нас все более и более зависимыми от общества, то есть она фактически лишает нас этой свободы выбора! Парадоксальность этики сильно усложняет ее понимание. Ну как можно в здравом уме осмыслить все эти парадоксы? Практически никак! Но дело в том, что мы должны, мы не можем следовать этике слепо, поскольку будучи разумными существами, мы обязаны познавать окружающий мир, а значит — понимать этику.

И это приводит нас к еще одному свойству этики — ее зависимости от всех нас. Да, очередной парадокс независимой этики! В отличие от жертвенной или героической морали, которые налагают свои требования не спрашивая нашего желания, этика интересуется нашим мнением. И не просто интересуется, а настоятельно просит его высказывать. Потому что иначе откуда возьмутся все ее формальные нормы? Этика, несмотря на свою всемогущую руку, не умеет писать. Она

не может оставить нам заповеди на камне или подбросить библию. Все ее нормы — продукт нашего коллективного творчества. За всяким правилом стоят вполне конкретные люди с их идеями, и значит долг каждого из нас — участвовать в создании и улучшении правил, в формировании все более правильных общественных институтов, потому что такие институты могут быть сформированы только сообща. Вы конечно заметили еще один парадокс? Как можно строго следовать правилам и одновременно стараться изменить их? Такова этика.

Что касается ее одновременной зависимости и независимости от нас, то это противоречие можно объяснить с помощью простого соображения. Если этика зависит сразу от всех, то вклад одного на фоне остальных стремится к нулю. Возможно, в этом заключается причина и ее объективности, и ее универсальности?

8 ЗАКОНОМЕРЕН ЛИ ПРОГРЕСС?

Вопрос об объективности этики весьма коварен. Ведь если она действует независимо от нашего осознанного желания, не является ли ее «рука» таким особым, моральным законом природы? Ведь должны же быть у развития общества какие-то законы? Их, кстати, даже периодически находят – объективные законы общества ищет множество наук!

Уже в самой этике явно скрыт намек на нечто подобное. Так, ее требование о постоянном улучшении и умножении формальных норм должно приводить к этической динамике общества, а поскольку подобное требование не может выполняться без цели и смысла, оно указывает и определенное направление, оно, очевидно, ведет нас в сторону добра. Прогресс – это синоним улучшения и мы действительно видим его. Я думаю, мало кто из нас, несмотря на все сложности современной жизни, хотел бы вернуться не то что в пещеры людоедов, а даже лет на сто назад. Ну а раз движение, да еще в определенном направлении, существует, у него должны быть закономерные причины.

Однако, очевидно и другое – что в обществе действует множество самых разных сил и как раз силы морали из них наименее заметны. Многие критики вполне убедительно доказывают, что, напротив, морально общество падет все ниже и ниже, оно деградирует прямо на глазах. А значит, у развития общества должны быть какие-то иные причины. Наиболее вероятная – научно-технический прогресс. Ведь открытия и изобретения происходят, они внедряются в практику – и вот результат налицо. Менее заметен, но также существует, экономический прогресс – экономика растет, строятся дома, дороги, магазины. Еще менее заметен, но также присутствует, и прогресс в культуре – люди пишут новые книги, музыку,

снимают фильмы. Культура, несмотря на свой постоянный упадок, время от времени радует нас чем-то хорошим. И за этой активной троицей следует, хоть и не спеша, не слишком заметный для глаз прогресс в области права и политических институтов.

Все это так. Но все эти очевидные факты скрывают простую истину – технические, экономические или культурные достижения могут стать общим достоянием только благодаря этике, а значит никакой прогресс не может без нее обойтись. Какой смысл в открытиях, если они остаются коммерческой тайной или оказываются заблокированы патентным правом? В чем смысл экономического роста, если доходы растут у одних и тех же семей? Что толку в изобилии книг... хотя какое может быть изобилие, если массы не умеют или не хотят читать? Разве подобное состояние дел совместимо с прогрессом? Более того, именно вклад каждого, т.е. общее сотрудничество, и может приводить к появлению новшеств. И коль скоро общество развивается, пусть даже временами оно приходит в упадок – сотрудничество работает. А поскольку сотрудничество опирается на право, право на самом деле не следует за другими силами, а создает условия для их проявления. Это именно совершенствование правовых норм и появление у населения соответствующей способности им следовать составляет суть прогресса.

Так что, если эволюция общества существует, в ее основе лежит этика. Но ведь эволюция – это же такой природный закон, правильно? А значит, этика закономерна – она проявляется как объективная движущая сила. А раз так, почему бы нам не открыть ее законы? Вы вероятно уже догадались, что мы столкнулись с очередным парадоксом, осмыслить который людям пока не удастся. Действительно. Как только мы открываем законы этики, этика умирает. Потому что все, что тогда нам остается – расслабиться и плыть по течению, позволив ей все сделать за нас. Но с другой стороны, у всякого целенаправленного движения просто обязаны быть закономерные причины. Мы видим, что с вопросом о законах развития общества что-то фундаментально

не так. И нельзя сказать, чтобы это был мелкий и какой-то несущественный вопрос. Напротив, он стоил людям много крови в прошедшем столетии. Как же подойти к его решению?

Во-первых, мы можем отвергнуть прогресс как иллюзию. Но тогда нам придется отвергнуть и эволюцию в целом, а это уже проблематично. Во-вторых, мы можем продолжать искать законы эволюции, и соответственно, законы организации развития и общества — чем с завидным упорством занимается множество людей в самых разных областях знаний. Правда при этом забывая признать иллюзией уже этику. В-третьих, мы можем признать наше поражение и просто сказать, что законов у этики, а значит у прогресса, а значит у эволюции, нет и быть не может. Последняя позиция выглядит как какое-то мракобесие, отрицание науки и вообще, как нечто невысказанное в наше рациональное время. И тем не менее, мы должны принять именно ее, потому что она, несмотря на свою парадоксальность — а может именно благодаря ей — является единственно правильной.

Разумеется, законов у этики нет. Соответственно, эволюция общества есть, но законов у эволюции нет. Поэтому и искать их не нужно, это пустая трата времени. Ведь всякий найденный «закон» перестанет работать как только он будет найден. Разве не в этом заключается наша воля? Мы же можем нарушить любые законы! Из нашей позиции, кстати, следуют довольно неприятные выводы. А именно, что не существует и всех прочих общественных законов, коими занимаются социальные науки, включая такую науку, как экономика. Ни один экономический закон не будет работать без нашего участия, без нашей воли. А наша воля управляется этикой. И еще, конечно, природой со своими законами, но знаем мы эти законы — выживание, размножение, личный и групповой эгоизм, купить подешевле — продать подороже... Это мы все знаем и это нам не интересно, потому что чем этичнее человек, тем меньше он зависит от своих инстинктов. Иными словами, чем дальше идет прогресс, тем меньше роль в обществе законов естественных, и больше — юридических, опирающихся на этику.

Подобную позицию трудно принять еще и потому, что все последнее столетие нам основательно промывали мозги доказывая обратное. Да и здравый смысл сопротивляется. Мы же видим все эти общественные силы! Один человек, может и может что-то там свободно выбрать, но все вместе? А отсюда и законы организации больших систем, и экономические циклы, и информационные взрывы, и культурные революции. Все это так. Массы действительно часто покорно подчиняются всевозможным общественным силам. Но за всякой силой стоит конкретная воля, а за волей – конкретный интерес. В обществе борются, если так можно выразиться, две большие стороны. Первая – это природа, в виде наших животных потребностей, заставляющая нас хапать, срезать углы, наживаться на других, в общем, делающих из нас гомо-сапиенсов, и вторая – это этика, в виде норм, призывающих нас стать людьми и трудиться на общее благо. И если вторая сторона ведет нас вперед, к миру и процветанию, то первая тянет прямо в противоположном направлении, в царство животных с милыми ее сердцу бесконечным насилием и страхом. Эти две стороны можно назвать «зло» и «добро», и исход их борьбы, как и следовало ожидать, вовсе не предрешен.

Аналогичный парадокс кстати ученые видят и в эволюции природы. Последние три столетия они пытались найти законы, объясняющие эволюцию животного мира, а последнее время – и эволюцию вселенной, включая появление жизни. Увы, все, что они пока нашли – что законов развития, по-видимому, нет. И это хороший, если не сказать очевидный, результат, потому что новое не может появляться предсказуемо. Иначе оно не было бы новым.

Но разве научно-технический прогресс не является закономерным? Разве законы физики, например, не «только и ждут», чтобы их открыли? Это все обман зрения. Прогресс – это результат идей, пришедших кому-то в голову, но идеи – как и все новое – не приходят по закону. По закону не появляются ни гении, ни таланты. Открытия конечно будут сделаны, но где

и когда — неизвестно. Иногда говорят, что научно-технический прогресс — следствие экономического развития, дескать в обществе появляется запрос, потребность, и люди уже тут же придумывают как ее удовлетворить. Возможно. Но всякое конкретное техническое решение — а это собственно и есть прогресс — остается непредсказуемым. Да строго говоря, и не может у общества, в отличие от людей, быть потребностей. А если б и были? Вот если у вас например появится потребность родить идею — вы ее родите? Я не думаю. А бывает идеи приходят сами и оказываются никому не нужны. И пылятся годами, пока общество их не признает и не начнет использовать. Или вообще забудет, чтобы потом открыть заново. Так что тут как повезет.

Соответственно, мы можем вывести один единственный «закон» развития общества. У движения вперед нет никаких законов, но при этом движение назад — абсолютно закономерно. Почему это так? Да потому, что на стороне зла — силы и законы природы, зло есть всегда, оно работает как часы, в то время, как добро появляется непредсказуемо. Для его появления необходима этика и воля, как ни парадоксально это звучит. И поэтому любое общество гарантировано деградирует, когда в нем перестают появляться идеи. И последнее время мы наблюдаем в точности эту картину. Все великие идеи прошлого — греческая демократия, римское право, христианская любовь, просвещение, свобода-равенство-братство, либерализм и социальное государство — все они пришли к своему упадку. И посмотрите — опять потоки лжи, опять насилие, войны, социальное расслоение. И не надо думать, что все как-то само собой образуется и устаканится. Ничто, кроме зла, не происходит само собой. Как только граждане какой-то страны перестают думать об общем благе и начинают думать о своем собственном — такая страна обречена. Конечно, в зависимости от силы ее традиций и прочности институтов она какое-то время протянет — сильная дольше, слабая меньше — но итог будет один.

На это возможно следующее простое, если не сказать

примитивное возражение. Упадок и возрождение чередуются – а это же закономерность! А значит, рано или поздно все будет хорошо. Не будет. Из того, что все чередуется, не следует закономерности. Да если бы и следовала, очередного возрождения можно ждать века. И какой смысл в таком ожидании? Но ждать нет смысла по другой причине. Возрождения может не наступить, а если его тупо ждать – оно не наступит совершенно точно. Это к примеру как ехать на машине – надо поворачивать то направо, то налево. Чем не закономерность? Но на самом деле, вполне можно обойтись например без поворотов направо. Поворачивайте только налево и вы приедете куда вам надо. То же самое в обществе – у падения нет дна. Поэтому, если людям надо – они действуют. Рождают идеи, трудятся на общее благо. Люди не подчиняются законам и не ждут, пока эти законы подчинят их.

И все же, так ли уж мы свободны, или несвободны, в выборе будущего? Если все мы – продукт эволюции, почему бы не предоставить ей и дальше возможность идти своим чередом? Ведь насколько легче остаться гомо-сапиенсом и посвятить свои силы и разум борьбе за власть, за личное обогащение, за победу над конкурентами. Пусть борьба решит кто прав, пусть эволюция выберет лучших и пусть этика – если она действительно существует – трудится так же как она трудилась и раньше, без нашего участия! Ведь таким образом будущее само станет лучше, причем, что важно, безошибочно, и мы не будем нести никакого груза ответственности за него. Давайте спросим себя, предоставляет ли нам этика такой выбор? Можем ли мы от нее отказаться? Ни наука, ни история, ни кто-то или что-то ответ за нас не даст. Только наша совесть. Вот вы например, согласны отказаться от общего блага и посвятить себя насилию?

Мы конечно можем отказаться и тогда эволюция будет продолжаться, в этом нет никакого сомнения. Мир станет лучше, но не благодаря нам, а вопреки. Его просто сделают лучше другие люди. Эволюция общества – это история разума, история идей. От древней демократии к социальной справедливости, к правам человека – это и есть подлинная история прогресса,

история борьбы добра и зла, история освобождения. Увы, в школе нам обычно рассказывают, напротив, об ужасах – о войнах, революциях, катастрофах, о великих военачальниках и правителях. Нам рассказывают историю зла. Почему? Да потому что они и пишут ее, все эти «победители», люди посвятившие себя насилию, проникнутые культом силы. Они и нам хотят навязать этот свой культ, помешать нам узнать нашу истинную историю – людей, кто рождали идеи и претворяли их в жизнь. И поэтому я бы на эволюцию не рассчитывал.

9А ГОМО-САПИЕНС ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

Тема у нас сегодня и в следующий раз будет довольно сложная. Мы попробуем наконец разобраться в том, что и почему скрывается за словами об «абсолютном добре». Правда, я думаю, если вы принимали участие в наших предыдущих беседах, вы уже догадались что. Ну, а если не принимали – возможно вам будет интересно вернуться назад и попробовать догадаться самим (подсказка: беседа №3).

Напомню краткую предысторию. Как нам удалось установить, человек произошел... не от обезьяны, а от гомо-сапиенса. А вот гомо-сапиенс, тот – да, произошел от обезьяны. Почему. Дело в том, что мораль – та граница, которая отделяет свободное существо от мира животных, а значит человека от гомо-сапиенса. Один соответствует нашей биологической реальности, а другой – моральной. Все мы являемся одновременно и гомо-сапиенсами, и людьми, но к сожалению, являемся в разной степени. Каждый из нас, осознанно или нет, когда-то делает свой выбор, оставаться ли ему гомо-сапиенсом или стараться стать человеком. Нам сейчас не важны причины выбора, важен результат. А он таков.

Тот, кто руководствуется своими желаниями, прихотями, чувствами, кто не ищет в жизни иного смысла, кто не задумывается о морали, о добре – это гомо-сапиенс. Тот, кто стремится стать лучше и сделать лучше окружающий мир – это человек. Гомо-сапиенс – это «венец природы», высшая форма жизни, вид фауны. Он рационален, умеет находить пути к достижению своей цели и добиваться личного успеха. Он социален и поддается обучению, он способен усваивать правила для адаптации к обществу и легко обходит их как только видит, что это сойдет ему с рук. Цель и смысл существования гомо-

сапиенса — выживание, размножение и, конечно, удовольствия. Эта цель задана его животной природой и изменению не подлежит. Он это понимает и оправдывает, объясняя себе и другим, что люди — это животные, что все мы, как достоверно выяснила наука, являемся гомо-сапиенсами, что все вокруг подчиняется законам природы, а разговоры о добре и зле — это сотрясение воздуха и разводка лохов.

В отличие от гомо-сапиенса, человек способен ставить абстрактные цели и стремиться к ним в ущерб личному благу. Человеку не интересны блага как таковые, ему интереснее сотворить что-то новое, раскрыть свою уникальную личность, выразить себя. Человек обладает не просто рассудком, а разумом, он придумывает правила и следует им по собственной воле, потому что понимает, что в этом есть смысл, что правила приносят пользу всем. Так человек организует общество и направляет к единой цели энергию всех, включая гомо-сапиенсов, которые таким образом подчиняются этике не подозревая об этом. Между человеком и гомо-сапиенсом пропасть, и заключается она в том, что человек не следует своей животной природе, а преодолевает ее, и делает он это ради общего блага, которое является для него высшей ценностью, выше и собственного выживания, и собственного размножения.

Так мы подходим к нашей сегодняшней теме. Что же такое это «общее благо», ради которого человек трудится, пренебрегая своим животным благополучием? Общее благо — это синоним абсолютного добра, конечной цели человека и смысла его существования. Проблема с этой сущностью в том, что невозможно понять, что это такое. Действительно, что может быть настолько универсальным, чтобы объединять в своем отрицании природы буквально всех, включая гипотетические вземные разумные существа? Загадка добра мучила людей с того момента, когда они осознали свою способность идти против природы. Сила, скрывающаяся за добром, необычайна. Только нечто невероятно могущественное способно преодолевать природу, ее всеильные законы. Но что это может быть? Люди давали этому разные имена, но устоялось название

«бог». Только богу под силу такие подвиги. Однако, что же это такое? Наверное, бог должен быть похож на нас, ведь только у нас есть свобода выбора и понятие о добре. Поэтому люди очеловечивают бога, они разговаривают с ним, советуются, молятся, но ответа от бога нет. И его не будет, потому что бог – это не человек, бог – это выдумка. За добром скрывается не бог, не Мировой дух, не Высшая сила и не Источник Мироздания. Впрочем, с последним пока еще не все ясно. Возможно добро – действительно источник мироздания, мы пока этой темы касаться не будем.

Но что же тогда скрывается за абсолютным добром? Разумеется то, что мы часто неверно называем «свободой». Прежде чем обосновать или объяснить почему это так, надо хоть пару слов сказать о самой свободе. К сожалению, сколько слов о свободе ни скажешь – их будет недостаточно. Свобода не поддается ни пониманию, ни объяснению. Только не подумайте, что это такая хитрость с моей стороны – чтобы избежать объяснений. Свобода действительно загадочна и ее загадки – причина того, почему люди до сих пор не смогли разобраться ни в морали, ни в самих себе. Кстати, это может быть и причина, почему многие выбирают оставаться гомосапиенсами – они просто не в состоянии уразуметь что такое свобода!

Свобода непознаваема – это ее принципиальное свойство. И этого не надо пугаться, не надо думать, что мы столкнулись с «мистикой» или «откровением». Познание мира бесконечно, а значит всегда останется нечто непознанное. Например, мы никогда не узнаем, что было «в начале» и что будет «в конце». Так почему бы не признать честно, что в мире есть нечто непознаваемое? Это не только правдоподобно, но и вполне рационально – если помогает понять все остальное!

Но почему свобода непознаваема? Для ответа спросим себя, что значит понять нечто, познать это? Познать – означает уметь предсказывать дальнейшее поведение. Узнать закон природы означает связать следствие и причину. Познать суть феномена,

явления означает выяснить его причины и, соответственно, уметь предвидеть его последующие проявления. Иными словами, знания дают нам более-менее надежное видение будущего, даже если это видение ограничено небольшим сроком. Отсюда понятно, почему свобода непознаваема. То, что является свободным – непредсказуемо.

Непознаваемость свободы выражается в ее парадоксальности. Таким образом свобода оказывается способна заставить разум бесконечно думать об одном и том же, и в конце концов находить выход там, где его меньше всего ждешь. Каждая такая находка является творческим актом и победой разума. Свобода манит людей и отталкивает гомо-сапиенсов, и поэтому свобода – наиболее эксплуатируемое и, я бы сказал, оболганное понятие. Мы по привычке рассматриваем свободу с бытовых позиций – как безграничную волю, как возможность делать все что хочешь, как отсутствие любых запретов. Разумеется, это чушь. Неограниченная свобода превращает человека в дикое животное – и это тоже парадокс свободы.

Ну хорошо, допустим, мы не понимаем что такое свобода. Но разве свобода – не средство для чего-то еще? Зачем нам свобода, если мы не знаем что с ней делать дальше? Парадоксальность свободы прекрасно подходит для ответа на этот вопрос – свобода бесконечна, мы можем вложить в нее любой смысл, который нас устраивает. Но какой нас устраивает, какой смысл правильный? Единственный возможный ответ – тот, который уже содержится в свободе! Иными словами, правильное всегда – сама свобода. Она как бы воплощается для нас во все, что нам кажется желанным, хорошим, т.е. в добро. Выбор, который она нам предоставляет – это своего рода уловка, чтобы мы могли выбирать добро сами, чтобы мы потом несли за это ответственность. Ведь мы, фактически, не можем избежать выбора! Так свобода дает нам все, что надо для полноценной жизни – и возможность выбора целей, и подсказку для этого выбора – необходимость нести в мир добро, т.е. свободу. Посредством нас свобода творит сама себя. И одновременно – творит нас, делая из гомо-сапиенсов людей.

Свобода скрывается и за абсолютным добром, и за высшей ценностью, и за общим благом. Все эти термины равнозначны. К ним можно добавить моральный абсолют, правду, духовное родство, цель прогресса, а также, вероятно, Первопричину, Творца и Господа Бога. Но при всем обилии терминов, свобода остается величайшей загадкой мироздания, которую никому не суждено разгадать. Она превращает детерминированный, скучный, предсказуемый мир в мир, где есть место нашему разуму, воле и смыслу.

Чтобы как-то обосновать все эти заявления, начнем с вопроса о том, почему свобода является высшей ценностью. С точки зрения логики, ответ прост. Свобода предоставляет нам выбор, а значит — и все остальные ценности. Она является их источником, ведь ценность возникает в результате оценки, а оценка необходима, чтобы сделать выбор.

Вы возразите, что ценности существуют и помимо свободы, что они уже заложены в нас. Например без жизни тоже не было бы всех остальных ценностей, потому что не было бы нас. Но это не совсем так. То, что заложено в нас природой, не имеет никакого отношения к ценностям. У животных нет ценностей, жизнь для них — абсолютная необходимость. Какой смысл оценивать жизнь, если нельзя избежать ее необходимости? Если ее ценность за пределами нашего понимания и нашей воли? Свобода, с другой стороны, предоставляет нам выбор, а с ним возможность и оценивать жизнь, и даже распоряжаться ей. Таким образом, свобода — первая, основополагающая ценность. Вы скажете, что первая не значит высшая, что свобода — ценность не для всех, что для многих людей свобода не ценность, им важнее какие-то другие ценности. Иными словами, что универсального добра нет, что оно у каждого свое. Но тут просто легкое недопонимание. Ведь поскольку без свободы не будет всех остальных ценностей, то выбор ценности уже предполагает свободу. Иными словами, когда каждый может выбирать себе свои высшие ценности — это и есть свобода.

Вы спросите, как же тогда люди выбирают оставаться гомо-сапиенсом? Где же тут свобода? Это всего лишь еще один парадокс свободы, но он не должен сбивать нас с толку. Свобода налагает на нас и выбор, и ответственность за него. Конечно, преодолеть свои инстинкты, лень, невежество бывает трудно, почти невозможно. Но мы сейчас говорим о ценностях, а не о том, есть ли у нас силы стремиться к ним. Ценности позволяют нам распознать того, кто, в отличие от животного не имеющего выбора, выбирает быть животным. Животные не знают зла, но гомо-сапиенс служит ему сознательно, что является очевидным дефектом разума, моральным уродством. Ибо разве может нормальный человек осознанно выбрать зло? Нет. Поэтому выбор зла несвободен, он детерминирован и его так или иначе можно предсказать. Соответственно, свободный выбор зла, выбор в отсутствии принуждения, является «приговором» разуму.

Да, для многих есть ценности более важные, чем свобода – например, здоровье, благополучие, любовь, продление рода. Но свобода универсальна, а все подобные ценности у каждого свои. Если бы каждый ставил свою жизнь выше всего остального – о каком обществе мы бы могли говорить? Ведь своя жизнь как высшая ценность обесценивает жизни других, потому что они превращаются в средство для своих эгоистичных целей. Но самое смешное, что это обесценивает и собственную жизнь – ведь она конечна. В чем тогда ее смысл? Жизнь сама по себе не имеет ценности, в чем ценность жизни, скажем, холерной палочки? Человеку нужна не жизнь как таковая, а свобода. И то же самое можно сказать о продлении рода и даже о существовании человечества. Ради чего жить человечеству? Ради самого себя? Жизнь ради жизни? Вы скажете, что свобода тоже ради свободы. Но жизнь бессмысленна, если она не меняет ничего вокруг, если она не улучшает мир. Жизни животных не несут никакой пользы. Напротив, они пользуются окружающей средой и вымирают, когда эта среда оказывается использована до конца. Улучшить же мир можно только путем созидания, а для этого необходима свобода. Нетрудно видеть, что все указанные

выше «ценности», которые якобы выше свободы — лишь инстинкты, заложенные в нас нашей животной природой, и чтобы следовать им вовсе не обязательно быть человеком, достаточно оставаться, или вернее «выбирать» оставаться, гомо-сапиенсом.

То же можно сказать и о счастье. Разве цель жизни и высшая ценность — не счастье? Неважно как оно достигнуто, главное быть счастливым. Но тут-то и кроется подвох. Счастье слишком расплывчато, оно настолько расплывчато, что возможно правильный путь к счастью — и есть счастье! Можно ли например быть счастливым за счет других? В одиночку? Счастливым, когда вокруг все несчастны? А может быть самые счастливые те, кто лишены разума — гомо-сапиенсы, но нужно ли людям такое счастье? Так или иначе, если каждый может выбрать себе счастье по вкусу — мы опять приходим к свободе.

Любые ценности, за исключением свободы — хоть немного субъективны, они принадлежат или конкретному человеку, или конкретной группе людей. Свобода, с другой стороны, не просто абсолютно универсальна, она одна на всех. При малейшей попытке присвоить ее, она исчезает. Почему это так, мы скоро увидим.

9Б АБСОЛЮТНОЕ ДОБРО

Продолжим размышлять о свободе. Начнем с вопроса, почему она абсолютное добро. Во-первых, почему абсолютное? Тут, я думаю, интуитивно понятно почему – абсолютней свободы ничего нет. Будучи непостижимой для разума, свобода – это сущность сама по себе, она сама себя определяет. Смысл абсолюта заключается именно в том, чтобы служить своего рода недостижимым маяком, на который можно ориентироваться в любых ситуациях, а в данном случае – служить и моральным идеалом. И поэтому все, что приходит к нам в голову, все наши идеи, наши цели и планы, мы оцениваем с точки зрения свободы. Альтернатива абсолюту – нечто, не имеющее ничего своего, что может быть понято только в связке с чем-то другим. Как легко видеть, таковым и является все, что приходит к нам в голову. Парадоксальность свободы прекрасно проявляется в том, что наше «я», будучи порождением свободы, одновременно является собой ее полную противоположность, поскольку сутью этого «я», взятого в отдельности, является, если так можно выразиться, абсолютная относительность, субъективность, которую мы обязательно стараемся преодолеть, поставив на твердую опору, привязав к чему-то внешнему, чтобы добиться хоть какой-то объективности в нашем понимании окружающего мира. Таким образом, в этом процессе поиска истины мы опять видим абсолютность свободы, которая является одновременно и источником наших мыслей, и их конечной целью.

Во-вторых, почему свобода именно добро? То есть, не просто та формальная ценность, из которой вытекают все остальные ценности, а нечто действительно ценное в самом прямом смысле слова – самое желанное и самое необходимое всем нам?

Вы никогда не задавались вопросом, почему хорошего так мало, а плохого так много? Почему добра вечно не хватает, в то

время как зло — постоянный избыток? Чтобы ответить на этот вопрос, надо поставить его с головы на ноги. Не чего-то мало потому что это добро, а что-то добро потому что его мало. Любой избыток превращает нечто в зло, а нехватка — в добро. Говоря иначе, добро — то, чего нам не хватает. Отсюда видно, что добро обладает одним парадоксальным свойством — чем быстрее мы гонимся за ним, чем успешнее мы его добиваемся, тем быстрее оно от нас ускользает. Как бы мы не стремились к добру, мы его не догоним. И поэтому, если мы хотим найти то единственное основание всякого блага, которое может носить объективный характер, мы вынуждены остановить свой взор на свободе. В парадоксальности вечно ускользающего добра как раз и проявляется свобода как его основание, поскольку только свобода обладает этим характерным свойством — исчезать тем вернее, чем ближе мы к ней. Именно свободы нам постоянно не хватает, в любой момент времени, всегда. Свобода — то, чего не бывает много. И в детерминированном мире иначе быть не может.

Если мы взглянем в суть всего, что представляется нам благом, то за внешней оболочкой увидим именно свободу, которая ощущается как избавление от любой нехватки, от любого ограничения. Что и проявляется в нашем свободном выборе. Если вы помните, такой выбор всегда идет против какого-то насилия, будь это насилие наших инстинктов, постороннее принуждение или непреодолимые законы внешнего мира. Выбирая, мы стараемся избавиться от всего этого. Возьмем простой пример. Человек хочет есть. Ему нужна пища, которая представляется ему благом. Съедая ее, он утоляет голод и пища теряет для него свою привлекательность. Но в чем заключалось благо? К чему он на самом деле стремился? К свободе от голода! Именно этого он изначально желал, именно свобода скрывалась за нехваткой пищи, именно она сделала пищу благом. Вы спросите — а разве животное не поступает так же? Внешне так же, но суть совершенно другая. Голодное животное ест не потому что стремится к свободе, оно подчиняется инстинкту. Голодный человек выбирает есть потому, что хочет избавиться от голода и заняться чем-то другим. Странно? Да, но человек живет

не чтобы набивать брюхо, у него другая цель, и пока у него есть эта другая, высшая цель, все его желания будут подчинены ей. А значит, все что ему мешает, все что его ограничивает – то есть любое насилие – будет рождать желание избавиться, освободиться.

Вы скажете, что у животного тоже есть цель – выжить. Но это, строго говоря, не цель. Цель, как и ценность, требует выбора, а какой у животного выбор? Вы скажете – но ведь человек свободен поставить себе любую цель? А раз так, вечно сытое брюхо вполне может оказаться его высшей целью! Не может, потому что если он поставит себе такую цель – или думает что поставит – разве освободится он от голода? Нет, он станет рабом своего брюха, он станет вынужден постоянно бороться с голодом. Потому что нельзя поставить цель, которая уже стоит, нельзя сделать выбор, который уже сделан за нас природой. Если вы не забыли, как и в ситуации с субъективными ценностями, как и в ситуации морального выбора, свобода требует от нас правильных ценностей, правильного выбора и, соответственно, правильных целей. Да, это парадокс свободы, которая одной рукой дает нам выбор, а второй отбирает, но избежать его нельзя. Свобода требует сделать альтернативный природе выбор, т.е. выбор самой свободы. Все остальное – выживание, набитое брюхо – это подчинение природе. Высшая цель должна быть действительно высшей.

А что если у человека нет цели? Все просто – такого не может быть, потому что тогда это не человек, а классический случай гомо-сапиенса. Другое дело, что выбрать правильную цель в жизни бывает трудно, но трудность выбора цели – не причина ее не выбирать. Вы скажете, как раз причина – потому что если выбрать правильную цель трудно, почему бы тогда не заморачиваться, а выбрать заведомо неправильную, ошибочную цель? Иными словами, прикрыться высшей целью, а самому продолжать жить как животное, поедая все вокруг. Да бога ради! Обмануть себя легко, особенно если хочется, но нам важна суть, так? Что нам за дело до того, кто обманывает себя, считает себя человеком, а сам – лишь придаток к своему брюху?

Мы то знаем, кто он есть! Нельзя стать свободным по ошибке, обманывая себя или воображая себя свободным, как бы нам иногда этого не хотелось.

Но в чем же смысл нашей погони за свободой? Нашей беготни по кругу за ускользающим добром? Ведь очевидно, что мы освобождаемся только ради самого освобождения! На самом деле, наше стремление к свободе не бессмысленно, это не пустой бег на месте, свобода действительно приносит блага, голодные действительно становятся сытыми. Недостижимость свободы – это всего лишь гарантия того, что наше движение к ней будет бесконечным, что она будет служить своего рода вечным маяком, вечным генератором добра. Вы скажете – но ведь неправильная цель точно так же приносит блага! Как же тогда отличить правильный выбор от неправильного, добро от зла? Неправильный выбор приносит не блага для всех, а личное или групповое благополучие, которое в силу этого является временным. Если правильный выбор ведет к большей свободе, то насилие, напротив, в конце концов приводит к тому, что человек теряет возможность выбора. Именно поэтому поставив себе цель уже заданную природой – сытость, удовольствия, власть – человек фактически становится ее рабом. Свобода не прощает слабости, она требует постоянных усилий воли.

Для иллюстрации рассмотрим случай нескольких альтернатив. Скажем, двое голодных и один кусок хлеба. Первая альтернатива – победить соперника и завладеть хлебом, вторая – поделить. Какой выбор сделает свободный человек? Где он получит больше свободы? Я знаю, многие предпочтут убить соперника и будут думать, что стали самыми свободными – ведь теперь некому покуситься на их добро. Однако свободный человек никогда так не поступит. Насилие не может вести к свободе, потому что рано или поздно придет кто-то кто убьет вас. Свобода – это не минутная радость сытого брюха, не краткий миг освобождения, а гарантия дальнейшей свободы. Высшая цель потому и называется высшей, что она не ограничивается настоящим, а ведет человека всю жизнь и даже дальше. Умение увидеть, найти такую цель – вот что

требуется для правильного выбора.

Этот пример демонстрирует важную мысль. Как мы можем в общем случае знать, какая альтернатива правильна? Где больше свободы? Мы не можем этого знать в принципе, потому что иначе свобода была бы познаваема. Как правило результаты нашего выбора становятся понятны потом. Но зато мы знаем способ поиска ответа на этот вопрос. Вы вероятно скажете – это метод научного наблюдения и эксперимента? Да конечно, но этого не достаточно. Как показывает пример, нам надо посоветоваться. Сам человек, один, без посторонней подсказки, никогда не сможет сделать правильный выбор. Во-первых, потому что насилие всегда затрагивает других. Во-вторых, потому, что один человек обладает лишь субъективным взглядом на мир, независимо от того, как долго он будет его наблюдать. А значит, найти ответ мы можем только сообща, только согласовывая наши действия.

И это приводит нас ко второму сегодняшнему вопросу: почему свобода – общее благо? А именно потому, что она возможна только совместно – в ней, собственно, и заключается причина того, почему люди создали общество. Или наоборот, почему общество создало людей. Свобода – это универсальная идея любого коллектива, а нормы этики – ее единственная возможная гарантия. Свобода и этика составляют моральное ядро общества, которое люди творят путем сотрудничества, совместного поиска и жертв. Сила его проявляется не только в подвиге во имя коллектива, но и в порядочности, честности, верности слову, доверии к людям – короче во всем том, без чего невозможны правила, на которых держатся социальные институты. Ведь какой смысл им следовать самому, если не следуют другие? Этика возможна только если каждый знает, что и все другие думают так же. Общество накапливает моральное ядро веками, скрепляя его культурной оболочкой – общими традициями, привычками, историческими мифами, идеологиями, искусством. В этом и заключается прогресс, потому что скачком внедрить моральные нормы невозможно. Зато их можно быстро разрушить, посеяв рознь и несогласие, разжигая

вражду и ненависть. Что бывает в этом случае? Страна распадается, а народ исчезает. Без культуры нет народа, без этики нет культуры, а без свободы нет этики.

Уровень этики отражает уровень насилия, допустимый в обществе. Чем насилия больше, тем общество слабее. Взаимная неприязнь, отчужденность разрушают общество, так же как преступность, злоупотребления властью, произвол. Напротив, мир и согласие, взаимное уважение, терпимость и доверие приводят к наиболее эффективному сотрудничеству. Этика делает возможным право, а право – экономику, науку, искусство. Человек без этики – это гомо-сапиенс, которого не сдерживает ничего кроме страха. И если таких особей становится слишком много – общество попросту невозможно. Кто там будет следить за порядком, откуда там возьмется, к примеру, экономика, «общее хозяйство»? Украсть или отнять легче, чем сделать или купить. И поэтому в стране где воровство – норма, нет и не может быть экономики.

Таким образом, свобода, будучи абстракцией, абсолютным добром, делает возможным общество, которое дает нам уже все виды конкретных благ. Отсюда понятно, почему свобода возможна только как одна на всех. Если кто-то совершает насилие, обманывает других, покушается на их свободу с целью расширения своей собственной, он добивается в точности обратного – он уничтожает общую свободу. Во-первых, он прямо лишает свободы тех, против кого он совершает насилие, во-вторых, он косвенно лишает свободы всех остальных, поскольку порождает недоверие, разрушающее социальные институты, и в-третьих, он лишает свободы себя, потому что уже ждет отпора, реакции. Место свободы занимает страх за последствия.

В заключение замечу, хотя возможно это уже лишнее, что свобода не имеет ничего общего с тем, что под ней понимается в учении либерализма, где она почему-то считается высшей ценностью. Истинная свобода объединяет, либеральная – разъединяет, превращая общество в сумму враждующих индивидов. Это свобода эгоиста, которую все остальные, однако,

непонятно с какой стати должны защищать. Можно сказать также, что это свобода животного, которое неожиданно обрело разум, но не знает как им воспользоваться. К счастью люди знают.

10 ЦЕЛИ И ВРЕМЯ

Как вы полагаете, что предпочтительнее — 100 рублей сразу или 200 потом? Уже по такой постановке вопроса видно, что ближайшее имеет приоритет. Срочные, неотложные задачи гораздо важнее, чем планы на дальнюю перспективу, ведь от их решения зависит наша жизнь прямо сейчас. Но этот же вопрос можно сформулировать иначе: что важнее — свое личное благополучие или общество с его благом? Связь между вопросами неочевидна, но она есть. Попробуем ее найти.

Человек не может жить без цели, но где он ее возьмет? Самое легкое — найти близкую цель, которая имеет ясный личный смысл. Чем цель ближе, тем ее достижение проще, а результат — ощутимее. Придумывать такие цели легко потому, что они в большой степени определяются чем-то не зависящим от нас — обстоятельствами, событиями, на худой конец чувствами и желаниями. В пределе они вообще могут свестись к простым реакциям на внешние и внутренние раздражители. Хочется есть — надо поесть, велят встать — надо встать. Думать тут особо не надо. Но если думать, то можно заглянуть немного вперед. Где и как раздобыть денег, если думать не хочется? Попросить, украсть, отнять. Если немного подумать, можно найти простую работу или сообразить какую-то схемку, что-то купить, перепродать. Если подумать еще, можно спланировать вперед на несколько лет, открыть дело, создать что-то. Если впереди вся жизнь, то и думать придется долго, выбирать профессию, образование.

Очевидно, что чем менее свободен человек, тем больше он озабочен своими ближайшими проблемами, а чем свободней, тем более далекие цели он способен ставить. С дальними целями все обстоит довольно сложно. Во-первых, такую цель даже придумать бывает трудно. Чем простор для фантазии больше, тем

сильнее надо напрягать мозг и выдумывать что-то свое, что-то новое, что не определяется ни природой, ни обстоятельствами. Во-вторых, такую цель трудно достигнуть. Чем цель дальше, тем меньше ее достижение зависит не только от наших способностей, но и вообще от нас. Будущее слишком завязано на других людей, чтобы каждый мог планировать что-то в одиночку. В-третьих, такая цель непрактична, она мало влияет на ежедневную реальность или приносит какие-то осязаемые результаты.

Мысля чисто рационально человек не способен планировать слишком далеко – ведь жизнь на самом деле коротка. Зато если рациональность отбросить, можно увидеть такие цели, которые иначе не увидишь. Скажем, полеты к звездам, эликсир молодости, процветание родной страны, справедливое общество. Именно такие, предельно непрактичные, труднодостижимые, абстрактные цели и называют высшими – потому, что они слишком далеко и высоко, чтобы их можно было увидеть, не то чтоб достигнуть. А главным образом потому, что благо которое может принести их достижение является уже не столько личным, сколько общим. И чем цель дальше, тем более общее благо лежит в ее основе. Если близкие цели позволяют обойтись примитивной рациональностью, то высшие цели требуют умения мечтать, недоступного животным.

Отсюда понятно, почему ставить дальние цели мало кому под силу. Не существует никаких рациональных способов сделать так, чтобы свое личное, что всегда ближе и родней, от чего зависит наша жизнь в данный момент, оказалось менее важным, чем то, что будет потом, а тем более то, что вообще неизвестно будет или нет. Ставить дальние цели не менее иррационально, чем ставить общее благо выше личного.

Тем удивительнее, что люди способны на это.

Как же им это удастся? Что заставляет людей отказаться от своих сиюминутных интересов и заглядывать вдаль выбирая общее благо? Свобода конечно. Будучи нашим вечным маяком, она, так сказать, освещает нам путь, придавая смысл времени.

Мы видим, что близкие цели конфликтны, они вызывают насилие вследствие ограничений и нехватки. Но зато в будущем мы видим массу возможностей и разрешение любых проблем. Будущее всегда лучше настоящего, и чем оно дальше, тем оно привлекательней. Можно сказать, что если в физическом смысле время — это характеристика движения, процесса, то в моральном — это разница между добром и злом. У животных нет ни прошлого, ни будущего. Но человек, во-первых, желает будущего, потому что оно несет добро, а во-вторых, творит будущее, чтобы оно несло это добро. Наши планы всегда выражают надежду на лучшее, и чем будущее отдаленнее, тем планы смелее, а полет фантазии свободнее. Все наши дальние цели, все что приходит нам в голову — это лишь воплощения свободы, это именно она является нам в виде мечты, наделяя смыслом нашу жизнь.

Но как людям удастся претворять мечты в жизнь? Как они избавляются от насилия? Они договариваются. Договор — вот то универсальное средство, которое делает возможным дальние цели, сотрудничество и общее благо. Любое насилие, любые конфликты вызываются несогласованными целями, и поэтому люди, вместо того, чтобы воевать и грабить друг друга, берут себя в руки, успокаиваются и начинают разговаривать. И пока они разговаривают — им нет нужды воевать. Но договор — не просто временная замена насилию, это победа разума над природой с ее инстинктами и чувствами. Не будет большим преувеличением предположить, что разум и возник из необходимости договора. Возник с единственной целью — объединить людей и сделать их свободными. Разум — это качество не индивида, а общества. Один человек никогда не приобрел бы разум, но в коллективе он начинает понимать других, а через них — и самого себя. Понимание делает возможным доверие, а доверие — договор.

И, кстати, именно поэтому те, кто заинтересован в насилии, стараются сорвать договор, посеять рознь и вражду, оболгать и обмануть. Разум противостоит насилию уже самим фактом своего существования. Вот почему так важно постоянно думать,

сомневаться и искать свои собственные ответы. С сомнения начинаются мысли, а с них — свобода. Те твердолобые, кто не могут «поступиться принципами», кто навечно застыли в своей правоте, это несвободные люди, они никогда ни с кем не договорятся. Вы спросите — но как же тогда быть с сомнениями в самой свободе, в этике и в добре? Правильный вопрос. Конечно, сомневаться надо, и ничего страшного тут нет. Свобода настолько загадочна, что иначе все равно не получится. Она требует сомнений в самой себе — это еще один из ее парадоксов. Важно лишь не оставаться вечно в сомнениях, а время от времени приходить к твердым решениям. Каким образом? Слушать других и искать общее согласие.

Договор — вещь чрезвычайно трудная. С животной точки зрения договор невозможен — всегда выгоднее обмануть и предать. В природе все подчинено выживанию, а настоящее имеет бесконечный приоритет перед будущим. Договор начинается с понимания бессмысленности насилия, детерминизма, предопределенности. Разум знает то, чего не знают чувства — что наступит завтра, а потом еще завтра, а потом еще и еще. И нам опять придется начинать все с начала. Предвидя будущее, люди начинают планировать, управлять желаниями и потребностями. Вы скажете, что животные тоже предвидят, они способны, например, делать запасы. Да, но они это делают инстинктивно, они не регулируют свои потребности, а служат им. Люди, в отличие от животных, строят планы осмысленно, они преодолевают свои потребности, они меняют будущее. Ведь оно, на самом деле, близко! Надо всего лишь подождать, заглушить свои сиюминутные желания, потерпеть до завтра. И все! В этом, в сущности, и заключается отказ от насилия. Как просто, правда?

Но так ли это просто? Увы, далеко не каждый может преодолеть собственную природу. Такого раба своего брюха заботит только быстрый доступ к благам и он не знает меры в своем стремлении к ним. Ему всегда мало, и чем больше он накопил, тем страшней ему все это потерять, тем менее он свободен. И при этом он знает, что рано или поздно потеряет все.

Насилие не дает гарантий, поскольку никакая победа не вечна. Вечные гарантии может дать только договор.

Но в чем смысл таких гарантий? Зачем нам вечность, если от нее нет никакой практической пользы? Эти вопросы можно продолжить. Зачем нам высшие цели? Зачем быть людьми? Конечно дело не в гарантиях и не в практической пользе как таковой. Рационального ответа на эти вопросы не существует. Договор, как и мораль в целом, иррациональны или лучше сказать «надрациональны». Единственный возможный ответ – такова свобода.

А свобода, как мы уже говорили, рано или поздно возвращается к нам в виде практических благ. Договариваясь и сотрудничая люди оказываются способны создать такие блага, которые нельзя создать никак иначе. Разве можно построить справедливое и эффективное общество, если стремиться только к личному благополучию? Все приобретенные таким образом блага временны. Бесконечно расти могут только блага, созданные общим трудом. А общий труд требует общей цели. Именно в этом, в конечном итоге и заключается суть согласования – в нахождении общей цели. И как вы догадываетесь, самая дальняя возможная цель, цель устраивающая абсолютно всех – это сама свобода, несмотря на то, что мы не можем себе ее даже вообразить. Соответственно, невозможен и никакой индивидуальный успех, отдельный от других людей. Все что мы делаем требует общества, как бы нам иногда не хотелось обратного!

Но как возможна общая цель, когда каждый мечтает о своей собственной? Возможна, ибо такова свобода. Только она обладает этим удивительным свойством – позволить каждому иметь свою цель и одновременно сделать ее частью общей, ведь улучшая мир, делая его свободнее, каждый делает свободнее всех! А иначе и договориться будет трудно, ведь ближние цели у всех похожи, природа не отличается фантазией – всем нам для жизни надо примерно одно и то же. Отсюда и причина конфликтов, поскольку ресурсов, благ – когда они требуются

сразу всем — как правило не хватает. Если будущее — одно на всех, то настоящее — у каждого свое.

Так мы возвращаемся к борьбе сиюминутных желаний и дальних планов. Природа плотно руководит нами, не давая заглянуть в будущее. Мы для нее — роботы. Она посылает нам сигналы — чувства, желания, потребности — и мы следуем им. Свобода же требует от нас задуматься и заглянуть в будущее, увидев там то, ради чего стоит бороться со слепой, но могущественной природой. Ближайшие интересы людей сталкиваются, они вызывают насилие. Конфет всегда мало, их не хватает на всех. Но чем дальше вперед способны заглянуть люди, тем легче им договориться, тем больше возможностей для сотрудничества. Они всегда придумают способ как сделать больше конфет! Цель общих планов — будущее без насилия, и чем сильнее люди верят в него, тем они свободнее уже сейчас. Ведь недаром говорят, что предчувствие удовольствия не меньше чем само удовольствие! Шутка. Договариваясь, мы становимся свободнее уже сейчас, потому что перестаем воевать и начинаем сотрудничать.

Но верим ли мы? Еще одна проблема со свободой в том, что она требует веры. Не веры во всякую чушь, как противоположность научной рациональности, а веры в лучшее будущее, как противоположность рациональности эгоистичной. Вера в будущее — это вера в успех договора, в успех наших планов. И эта вера неотделима от доверия к людям. Ведь если мы знаем, что каждый хочет свободы, мы можем доверять, мы знаем, что нас не обманут. Вы скажете, как можно верить, если свобода требует сомнений? Чем больше мы размышляем о свободе, тем меньше мы ее понимаем. Свобода отказывается даваться нам в руки, и тогда вместо свободы у нас остается только надежда — на то, что мы когда-нибудь сможем договориться.

11 ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

Несмотря на то, что свобода давно уже стала популярным словом и даже социальным идеалом, люди пока следуют объективной этике неосознанно и, разумеется, далеко не всегда. Осознание требований этики рано или поздно приведет также к осознанию необходимости заключения общего, одного на всех договора. Такой, общественный договор ляжет в основание универсального права, а момент его заключения – в любой форме, требующей личного участия каждого человека – будет означать переход от насильственного общества в котором мы живем к свободному. Момент этот неблизок. Посмотрим почему.

В прошлый раз мы остановились на том, что договор требует доверия, веры в людей. Эта вера основана на понимании. Но что конкретно мы понимаем? Мы понимаем, что имеем дело с разумным человеком, потому что разумный человек не приемлет насилие. К сожалению, никаких логических, математических или иных теоретических, равно как и эмпирических, способов убедиться в разумности других, кроме самого договора, не существует. Наука нам здесь помочь не может. Хуже того. В понимании и объяснении мира, наука полагается на чистую рациональность. Развевая в пух и прах глупые религиозные суеверия и заняв место главного морального авторитета, наука, однако, не может предложить нам никаких рациональных оснований для доверия и договора.

Рациональность идет прямо против доверия. Чем больше мы размышляем, анализируем, чем дольше ищем основания для договора, тем скорее найдем причину по которой доверять не стоит. Вы пробовали когда-нибудь договариваться с волком или медведем? С хищником невозможно договориться, а гомо-сапиенс – самый сильный и умный хищник. Договор налагает на него ограничения, но всякий кто добровольно ограничивает

себя гарантированно проиграет. С точки зрения выживания, правила – путь к вымиранию. Некоторые ученые пытаются построить модели, показывающие, что честный договор выгоден. Но у них не получается. И, разумеется, не получится. Люди не равны – кто-то сильнее, кто-то слабее. Если слабому еще есть смысл договариваться, в чем смысл сильному?

Договор отрицает само понятие борьбы, победы. Он идет против природы, он требует равенства сторон. А откуда в природе равенство? Его там нет. И значит, люди не могут быть равны ни в чем, кроме одного – они равны в свободе, всякое иное равенство есть попытка насильственно их уравнивать. Отсюда, кстати, видно, что любые идеи социального договора, как договора между властью и народом, или между большинством и меньшинством – это суррогат, профанация идеи договора. Договор возможен только между равными и только тогда, когда он обеспечивает им равную свободу.

Но что такое равенство в свободе? Можно ли его как-то формализовать? Конечно нет. Свобода – это абстракция и потому отсюда не вытекает никаких конкретных, практических выводов. Самое бесспорное, до чего пока дошла философская мысль – равноправие, формальное равенство каких-то прав. Но без равенства возможностей, равенство прав – фикция. Более того, даже равенство возможностей, хотя совершенно непонятно как его обеспечить, обычно понимается как всего лишь равенство условий для социальной борьбы. Но если есть борьба, есть победители и побежденные. Какое может быть между ними равенство?

Помимо индивидуального неравенства, между людьми существуют и коллективные различия – языковые, культурные, расовые. Пока люди группируются для борьбы друг с другом, пока они видят смысл и правду в собственном коллективе, об общем договоре не может быть и речи. И вот вам еще один пример бесплодия рациональности. Вы никогда не задумывались, что само изучение истории в ее нынешнем виде, само осознание того факта, что одни группы людей убивали и угнетали другие,

порождает коллективную ответственность и необходимость поквитаться? Прошлое насилие рождает будущее.

Рациональность легко оправдывает насилие. Например, одним из возможных способов решения проблемы договора выглядит принуждение. Почему сотрудничество лучше всего получается в малом коллективе – бригаде, общине, коммуне? Потому, что люди знакомы друг с другом. Потому, что проступок вызывает личную неприязнь и приходится идти на жертвы чтобы сохранить нормальные отношения. Или же человек не имеет возможности покинуть коллектив и подчиняется большинству. Но в любом случае, в личной сфере нет свободы, ибо свобода возможна только там, где люди не зависят друг от друга.

Однако сфера личных отношений конечна. С ростом коллектива личные связи слабеют. Можно ли доверять незнакомым? Можно. В крупном коллективе существуют свои механизмы солидарности – традиции, культура, идеология. А если этого недостаточно, помогает наказание тех, кто злоупотребляет общим доверием и наносит ущерб остальным. Уже сама угроза наказания настраивает людей в правильном направлении и повышает уровень сознательности. Причем люди остаются формально независимы друг от друга, они зависят от коллектива в целом, ведь источник наказания – нормы коллектива, а не обиды конкретных людей.

Значит ли это, что возможна свобода насилием? Нет конечно. Однако с рациональной точки зрения принуждение эффективно. Соблазнительная легкость такого подхода быстро ведет к эскалации насилия – от промывки мозгов до массовой бойни во имя светлого будущего. Принуждение – это в сущности попытка превратить коллектив в одну большую коммуну, и чем коллектив больше, тем сильнее приходится принуждать. Только полные безумцы могли применять этот подход в огромной Российской Империи. Масштабы насилия, которое потребовалось для построения коммунистического «рая», превзошли все мыслимые пределы.

Вопрос допустимости зла во имя добра — это извечный вопрос целей и средств. Откуда он взялся? Из все той же парадоксальности свободы. Свобода невозможна принуждением. Но с другой стороны, те кто отказываются от договора, выбирают насилие сами, иной альтернативы нет. Каков же выход из парадокса? Разумеется, благие цели не могут достигаться негодными средствами, этика в этом вопросе не допускает никаких двусмысленностей. Но что же тогда такое наказание? Это ответное и, что важно, соизмеримое насилие. Я надеюсь вы согласитесь, что одно дело насилие в ответ на насилие, и другое — насилие как метод принуждения к договору.

Этика — единственный выход из тупика рациональности. Будучи практическим средством, обеспечивающим свободу, этика предъявляет вполне конкретные требования, делающие возможным договор. Они включают, условно говоря, этику заключения договора и этику его соблюдения. Первая требует, как минимум, абсолютной честности и полной открытости, без которых невозможно взаимное доверие. Кроме того, она требует нейтральности и объективности в оценке как собственной позиции, так и позиций партнеров, потому что иначе не получится договориться и найти решение устраивающее всех. Этика соблюдения договора требует, как минимум, верности слову, точного следования правилам полученным в результате договора и ответственности за свои действия. Но что делать, если правило оказалось неправильным? Нарушать? Нет. Необходимо вернуться к договору и найти новое правило. Общественный договор — это единый и непрерывный процесс, в котором правила самого договора точно так же получаются в результате договора. Никакие формальные, рациональные, научные методы или законы не могут избавить людей от необходимости придумывать правила, на которых строится общество. Участники договора должны сами найти как заменить силу, лежащую в основе их отношений, разумом.

Здесь, собственно, и проявляется равенство сторон — каждый из нас, будучи разумным существом, способен находить новое, творить. Можно сказать, что люди равны в своей уникальности.

Вспомните, как двое голодных поделили кусок хлеба. Это решение — пример того, как можно преодолеть природу, используя этику и свои способности к творчеству. К сожалению, не все решения бывают столь просты. Если двое договорятся сравнительно легко, то чем больше людей, тем поиск решения труднее, и тем оно становится менее частным и более общим, универсальным. Легко договориться о куске хлеба, но как — и главное о чем — договориться людям всей планеты? Нас много и мы разные, а потому первая идея, способная объединить всех — это, вероятно, простая идея отказа от насилия.

Иными словами, прежде чем люди окажутся способны успешно ставить такие цели как полеты к звездам, им придется навести порядок на Земле. Эта цель общего договора уже давно осознана. Вот, например, как ее сформулировал философ Руссо: «Найти такую форму ассоциации [...] в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе». Люди пока не нашли решения. Демократическое государство — наиболее успешная политическая форма, но успешная главным образом по охвату населения. По качеству результат плох — оно почти целиком основано на насилии. Оно правда и ограничивает насилие, но в основном физическое. Очень слабо ограничивается экономическое и другие виды насилия. Да и с физическим не все гладко, поскольку сама идея демократии — не что иное как идея насилия большинства над меньшинством.

Помимо политических форм общества, у нас пока нет и экономических. Ни капитализм, ни социализм не удовлетворяют этике. Первый практикует насилие путем поощрения эгоистического интереса, второй силой насаждает общий. Разумеется, излишне напоминать, что этика не требует конкретной модели социального устройства, однако какая бы модель ни нашлась, она будет опираться на этику, поскольку без этики не будет работать никакая модель.

Помимо недостатка работоспособных идей, у нас нет и способа проверить их на практике, поскольку слишком

могущественные силы противятся любым попыткам изменений. И это не просто нехорошие люди. Они конечно есть, но главная беда не в них, а в том, что огромные массы населения категорически отказываются самостоятельно искать информацию, учиться и просто думать. Идеи свободы трудны для понимания, они пока не могут распространяться сами собой, захватывать умы и претворяться в практику, формируя общество. Ведь смысл идей в том и заключается, чтобы люди руководствовались ими сами, а не дожидались принуждения. Кроме восприимчивых мозгов, идеям необходимо и свободное информационное пространство, которое оказывается невозможно, если разумных людей мало или если они разобщены. Людям еще предстоит найти, если так можно выразиться, информационные формы общества. Нынешнее информационное пространство – это издевательство над этикой.

В какой же степени возможен договор на практике? Не является ли он этаким утопичной идеей, которой всегда будут пользоваться хитрые чтобы эксплуатировать доверчивых? Увы, пока оснований для оптимизма немного. Однако у человечества есть и успехи. Идеи свободы и договора уже общеизвестны, люди поняли, что им надо согласовывать интересы. Можно сказать, что договор зародился, он уже проявляется местами и временами. Так, в цивилизованных странах люди уже не боятся, что завтра их поработят, отнимут имущество, убьют. И хотя свободы там мало, у людей есть планы на будущее, они уверены в нем, и поэтому они могут полнее реализовывать свои способности, искать и находить решения проблем. Договор проникает в жизнь – этика, накапливаясь со временем, как бы растит сама себя. Человечество очень молодо. Нет никаких сомнений, что оно придет к договору рано или поздно. Возможно через сто лет, возможно через тысячу, возможно через сто тысяч. Свобода вечна, она умеет ждать.

12 ДОСТОИНСТВО, ЧЕСТЬ, ПРЕЗРЕНИЕ

Как вы наверняка заметили, требования, предъявляемые этикой к человеку, поистине нечеловеческие. И это правильно! Совершенство недостижимо – иначе достигнув его, человек оказался бы в тупике. Однако понимая недостижимость идеала, человек, тем не менее, ощущает потребность к нему стремиться. Преодолеть холодную рациональность рассудка помогают моральные чувства. До сих пор мы в основном рассматривали этику как бы извне, со стороны общества. Давайте заглянем внутрь человека. Что побуждает его быть этичным?

Одним из моральных чувств является чувство собственного достоинства. Когда человек преодолевает насилие, проявляет личность, когда он понимает, что его воля, его мораль оказываются сильнее природы, он испытывает своеобразную гордость за себя, он ощущает свою особую значимость, свою моральную ценность. Осознать свое достоинство – значит осознать себя свободным человеком. Отсюда видно, что вопреки популярному мифу, в современном обществе достоинство не присуще каждому просто по факту рождения, оно – результат целенаправленных усилий.

Поскольку в ценностях легко запутаться, давайте уточним, что такое моральная ценность. Моралисты любят говорить об универсальной ценности личности, ценности человека. Однако не существует ценности личности или ценности человека вообще, так же как не существует личности или человека вообще. Существует конкретная личность, и потому ее ценность есть тоже ценность для кого-то конкретного, для того, кто знает, любит или еще как-то ценит человека, для его родных, друзей, коллег. Т.е. ценность личности принадлежит личной сфере, сфере жертвенной морали. И она имеет мало общего с достоинством,

поскольку люди ценят друг друга не за их свободу, а скорее за ее отсутствие. Чтобы убедиться в сказанном, заметьте, что, например, степень какой-либо обиды зависит от близости между людьми — что позволено близким недопустимо между малознакомыми.

В публичной сфере тоже есть ценность человека, например экономическая или военная. Это — ценность ресурса, ценность в глазах тех, кто хотел бы человека эксплуатировать. Кроме того, существует и ценность человека с точки зрения свободы — это ценность его заслуг, ценность пользы которую он принес обществу. А что же тогда такое моральная ценность человека с точки зрения этики? Это ценность самой его свободы. И поскольку свобода одна на всех, ценность эта одна у всех. Иными словами, достоинство человека не определяется ни его профессиональными успехами или военными заслугами, ни руководящей должностью или общественным положением, ни его личным обаянием или размером кошелька. Соответственно, если некто не обладает достоинством, ничто из перечисленного его не заменит.

В этом равенстве заключается важный смысл. Достоинство хоть и зарождается внутри, но проявляется не в самомнении, не в желании выделиться, возвыситься над окружающими, а напротив — оно как бы открывает человеку глаза и он начинает видеть достоинство других, начинает питать к незнакомым людям своеобразное уважение, начинает ценить чужую, а точнее общую, свободу. Достоинство отражает одновременно два взаимоисключающих качества свободного человека — во-первых, его уникальность, особенность, его право на собственное мнение и собственный выбор, а во-вторых, его равенство с другими.

Что ведет нас прямоком к договору. Внутренне ощущаемое равенство всех свободных людей — вот механизм, который делает возможным договор. Достоинство не позволяет унижать других и не позволяет унижаться самому. Оно поддерживает своеобразный баланс в отношениях, который абсолютно

необходим для свободы, поскольку любое отклонение от подобного баланса равнозначно насилию. Вы спросите – при чем тут насилие? При том, что насилие – это обязательно унижение человека, попытка превратить его из активного, действующего субъекта в бессловесный объект.

Но как достоинство может работать в публичной сфере? Разве унижение не производится лично? Это зависит от вида насилия. Скажем, оскорбление – это эмоциональное насилие, оно требует личных отношений. Однако, когда на людей сбрасывают бомбы, или лишают средств к существованию, или поливают ложью из телевизора – унижает ли это их? А когда людей не слышат и не замечают, рассматривают как массу, толпу – унижает ли это? А скажем, когда лично вас обижают, приговаривая «ничего личного, просто бизнес» – унижает ли это? Ответ во всех случаях один – да. Любое низведение человека до роли объекта, средства для чьих-то целей, осуществляется ли оно лично или нет, есть ущемление его свободы и унижение его достоинства. И этот факт не зависит от того, понимает ли человек эти тонкости.

Вы спросите – а как человек может унизить себя сам, он что, должен совершать над собой насилие? Нет, насилие само вас найдет. Достаточно перестать стремиться к свободе и подчиниться, вернуться на уровень раба природы, гомо-сапиенса. Человек ценен своей свободой, а поскольку свобода вечно ускользает от нас, в реальности человек ценен своим стремлением к ней. Иными словами, достоинство – это не состояние человека и не качество его характера. Достоинство необходимо постоянно утверждать. Поэтому даже когда человек теряет свободу, оказывается в безвыходном положении, он может сохранить достоинство – если не сдастся.

Чем человек свободнее, тем сохранить достоинство легче. Но если оно утеряно, восстановить его трудно. Если вы не забыли, в начале мы говорили о сломанных людях. Почему только единицы способны найти в себе силы раскаяться, искупить вину и вновь стать достойными людьми? Потому что,

помимо своей свободы, сломанный человек утратил веру в себя. Да, этика опять требует веры, на этот раз – веры в собственные силы. Эту веру, как и доверие, как и любую настоящую веру, легко потерять, но трудно обрести. Вот почему важно не только закалять с детства волю, но и воспитывать в себе достоинство, беречь его. Этому иногда помогают семейные и народные традиции. Когда есть на кого равняться, когда знаешь, что в тебе есть нечто переданное с генами – пусть это всего лишь иллюзия – проще обрести веру в себя, ведь вера иррациональна. К сожалению, традиции бывают разные, речь идет о хороших традициях. И их тоже надо беречь.

Хранить достоинство помогает пример других и особенно принятые в обществе соответствующие нормы поведения. Так мы приходим к понятию чести. Если достоинство, как и равенство, не формализуемо, то честь – это исторически обусловленная попытка выразить достоинство формально, хоть и не обязательно письменно. В силу этого, честь несет на себе отпечаток ее источника, определенной группы людей – сословия, класса или иной социальной структуры. Честь помогает группе выделить себя, морально подняться над остальными. Таким образом, честь в какой-то степени отражает иерархическое строение общества.

Честь проявляется как верность группе, неукоснительное следование ее нормам поведения и ответственность за их нарушение. То есть она почти точно совпадает с этикой соблюдения договора. И это не случайно – первоначально честь зародилась в верхушке, элите общества и зародилась она вследствие необходимости договора. Но договора только между самыми сильными, и поскольку такой договор опирался на силовой баланс, кодексы чести не включают в себя первую часть этики договора – открытость, честность и объективность. Также обычно допускается отступление от норм в отношении к прочим, не причастным к договору.

Из сказанного видно, что честь – это в сущности анахронизм, ступень к универсальному человеческому достоинству, так же как иерархия – ступень к свободному обществу. Однако в наше

время, когда достоинство все еще редко, а та честь что была практически исчезла, считать ее анахронизмом явно преждевременно. Почему честь исчезла? Иногда можно услышать, что моральные проблемы нашего времени – следствие упадка религии. В чем-то это верно. Наука не способна дать нам моральные ориентиры, и следовательно не способна заменить религию в вопросах морали. Моральный вакуум не смогла заполнить и философия. Однако, честь исчезла по иной причине, причем ее исчезновение внесло особый вклад в разложение общества.

Моральные нормы чести накапливались веками, передаваясь с воспитанием и традициями. Если бы общество развивалось постепенно, с ростом образования и благосостояния нижние слои усваивали бы нормы верхних. Однако история распорядилась так, что почти одновременно произошли несколько революций и войн, в итоге которых прежняя мировая элита была практически уничтожена. И хотя в этом было много справедливого, вместе с элитой были уничтожены и важные моральные традиции. Вместо аристократии наверху оказались в лучшем случае воры и жулики, а в худшем вообще убийцы. Представительная демократия, как и следовало ожидать, без морали оказалась неработоспособна. А посему можно смело предсказать, что нынешняя плачевная ситуация будет и дальше усугубляться до тех пор, пока человечество не сумеет выработать новые моральные нормы, которые, хочется надеяться, будут основаны на объективной этике и общем договоре.

В паре с достоинством работает презрение. Презрение – это нормальная реакция человека на гомо-сапиенса. Нельзя презирать животных – их можно, например, бояться или жалеть – поскольку животные, равно как недееспособные люди, не свободны в своем выборе. Презрения заслуживает тот, кто способен стать человеком, но выбирает оставаться гомо-сапиенсом. Презрение хорошо работает в коллективе, как например в случае героической морали, когда люди совместно преодолевают страх. Но преодоление страха – это лишь частный случай, ведь человек может испытывать трудности и с другими

инстинктами. Стыд перед окружающими, боязнь упасть в их глазах, опозориться, стать предметом насмешек — это тоже моральный механизм, помогающий преодолевать природу. К сожалению, если человека окружают сплошь моральные уроды, механизм не работает. В одиночку стать человеком невозможно.

Но как мы знаем, где пролегает черта между теми ситуациями, когда человек не хочет преодолеть свою слабость и теми, когда не может? Когда он заслуживает презрения, и когда, например, нуждается в помощи? Обычно мы ее интуитивно чувствуем, или же мы можем опираться на то, что является общепринятым. Так, скажем, если от человека нельзя требовать героизма, то вполне можно требовать умерить свои аппетиты, жадность, тщеславие, стремление к успеху за счет других. Я думаю, в наше время большинству людей уже вполне по силам не быть гомо-сапенсами, поскольку они как правило сыты, одеты и грамотны.

Гомо-сапиенсу чуждо само понятие достоинства, поскольку он не понимает и не приемлет равенства. Поднимаясь по социальной лестнице, он тоже испытывает гордость победителя, но победителя не над природой, а над сородичами, которая поэтому не рождает достоинства — когда придет неизбежное поражение такой «победитель» вновь превратится в ничтожество. Вместо достоинства гомо-сапиенсу свойственно проявлять либо высокомерие, либо подобоострастие. В этом суть его стайной, иерархической психологии, поскольку его победа — это возвышение за счет унижения других. И в этом кстати ответ на вопрос, почему насилие, в том числе накопление власти и капиталов, часто осуществляется без видимой практической пользы. Для гомо-сапиенса важен сам факт унижения других, сама возможность насилия.

Соответственно, успешный гомо-сапиенс не способен понять за что его презируют. Обычно рабы вообще не задумываются об этом, считают это естественным. Но если рабам повезло вылезти, как говорят, «из грязи в князи», они начинают воображать себя элитой. Тогда можно наблюдать, как подобные

«князья» льнут к остаткам инородной аристократии, покупают поместья, яхты, спортивные клубы. И хотя нынешняя аристократия давно растеряла свою честь, она еще способна относиться к холоумам как к холоумам. Достоинство не купишь. Напротив. Чем больше гомо-сапиенс старается преуспеть в этом, тем менее достойно он выглядит.

13 В ЧЕМ СМЫСЛ ПРАВИЛ?

Одним из парадоксов свободы является парадокс правил. Он заключается в том, что свобода в обществе достигается путем запретов. Иного пути к свободе не существует. Несмотря на то, что звучит парадокс действительно противоречиво, смысл его прост и понятен. Этика запрещает насилие, а насилие — враг свободы. Однако эта простота кажущаяся.

Во-первых, идея запрета насилия требует уточнения — что такое насилие? Как отличить насилие от этических, правомерных действий? Еще интересней, что если мы уберем из картины мира свободу, все что останется — силы природы, причинность, детерминизм, т.е. насилие в том или ином виде. Каким же образом добавление в эту картину запретов вызывает появление свободы?

Во-вторых, неясно для чего нам такая свобода. Свобода должна звать к чему-то хорошему, к добру, придавать смысл. А что хорошего в запретах? Что мы должны делать, когда запретим насилие? Именно на этом вопросе мы остановились, когда рассматривали личное и общее благо. Если вы помните, запрещая личный успех в ущерб общему благу, этика на первое место ставит не успех, а ограничения, правила. Но как правила связаны с целью, ради которой стоит жить? Кому нужны правила ради правил?

Ту же проблему вы могли заметить, когда мы говорили об общественном договоре. Договор — это согласование интересов, он должен порождать общую цель. Но как получается, что он порождает правила? Откуда они берутся? И куда деваются цели?

Наконец, ту же проблему иногда формулируют как наличие

двух видов свободы – положительной и отрицательной, свободы «для» и свободы «от», свободы самому выбирать себе цели, искать смысл в жизни, и свободы от ограничений, преград, постороннего вмешательства. И на первый взгляд – это действительно две совершенно разные свободы.

В корне проблемы – суть, сущность свободы. Зачем нам свобода? Что она дает? Запреты? Но смысл свободы не может заключаться в запретах. Человеку нужны блага, удовольствия, радости жизни! С другой стороны, смысл свободы не может заключаться и в благах, потому что насилие принесет их быстрее. Очевидно, разгадка в том, что все мы вправе наслаждаться, но не за счет других, поскольку любое подобное удовольствие обернется страданием, когда такое же удовольствие будут испытывать за счет нас. Но где лежит эта золотая середина между страданиями и удовольствиями? Какая связь между запретами, благами и свободой?

Чтобы разобраться в этой проблеме, рассмотрим следующую простую модель. Пусть имеются некие существа, которые живут потребляя различные ресурсы, причем не обязательно материальные. Соотношение потребителей и ресурсов таково, что ресурсов всегда не хватает на всех. Поскольку потребители не могут выжить без ресурсов, между ними начинается борьба, в итоге которой лишние потребители погибают. Нетрудно видеть, что наша модель вполне правдоподобно описывает живую природу с ее детерминированной борьбой за существование.

Теперь предположим, существа решают, что настало время стать людьми и начинают договариваться, пытаются покончить с борьбой за существование. Возможно ли это? В рамках детерминизма, природных законов – нет. Природа требует сократить лишние рты и никакой договор тут не поможет – никто умирать не захочет. Единственное возможное решение – не сократить поголовье потребителей, а увеличить количество ресурсов. Причем, заметьте, это удивительное, поистине революционное решение, во-первых, не вытекает ни из каких природных законов, а, во-вторых, вследствие этого оставляет

полностью открытым вопрос о том, как его можно практически реализовать.

Наша модель помогает понять смысл парадокса правил. Удовлетворение потребностей в ресурсе есть необходимая предпосылка ограничения взаимного насилия, а потому любой запрет есть одновременно неявное, но безусловное требование изыскать недостающий ресурс. Скажем, правило «не убий» в ситуации недостатка хлеба не может быть удовлетворено. Даже если никто никого не станет убивать, кто-то непременно умрет от голода — и к его смерти приложат руку те, кто съели хлеб. Стало быть, у людей не остается иного выхода, кроме как раздобыть достаточно хлеба. Это не только позволит удовлетворить запрет, но и станет шагом вперед на пути свободы, поскольку сделает людей менее зависимыми от хлеба. Можно сказать, что запрет насилия является своего рода «запретом» детерминизма, способом направить усилия человека не на выживание, а на освобождение.

Но как возможно подобное освобождение? Как найти способ увеличить количество ресурсов? Загадка. Запрет сродни приказу «пойди туда не зная куда, принеси то не зная что». Однако этика и не может быть иной, она не может выражаться в конкретных указаниях что и как делать, потому что подобное указание, как бы замечательно оно не выглядело, как бы оно не указывало на общее благо, свободу не увеличивает, а ограничивает. Запрещая же детерминизм, этика открывает людям простор для творчества, она подсказывает им абсолютно иной смысл существования, она указывает путь к свободе.

Самым первым и самым легким способом раздобыть ресурсы был, да и пока остается, грабеж соседей. Однако постепенно, с расширением пространства договора и накоплением культуры, на первое место выходит производство ресурсов, т.е. прежде всего творческая деятельность. Именно необходимость избавиться от взаимного насилия, а вовсе не любопытство, трудолюбие, интеллект или еще какие-то неведомые силы эволюции, заставила людей трудиться, познавать мир, идти

по дороге прогресса. Да и в наше время запреты работают точно так же, помогая двигать прогресс. Тот же элементарный запрет воровства, который каждый нормальный человек выпитывает с молоком матери, уже заставляет его идти и работать, производить что-то полезное другим, создавать общие блага.

Так мы возвращаемся к радостям жизни. Эти радости с точки зрения свободы не просто нейтральны, если не касаются других. Они вполне могут быть добром, если даются другими людьми, и именно свобода позволяет так организовать общество, что радостей становится там бесконечно много. Запрет нашей животной природы оказывается полезней захвата ресурсов. Свобода словно обманывает природу — она заменяет ограниченные базовые потребности на безграничные новые удовольствия. Однако обмануть природу трудно. Соблазн бесконечных благ может сыграть злую шутку. Поэтому для полноты в нашу модель надо добавить паразитов, которые живут среди людей, но живут по законам животных. Они не только не производят новые ресурсы, но напротив — стремятся захватить вновь созданные и тем ухудшить ситуацию, вернув ее к борьбе за существование. Речь идет о наших старых друзьях, гомо-сапиенсах. В отличие от животных, паразиты возводят насилие на новый, бессмысленный уровень, поскольку стараются захватить больше ресурсов, чем они в состоянии использовать.

Как на практике появились запреты? Очевидно, первые цели людей были детерминированы борьбой за выживание, и первые запреты возникли в процессе столкновения этих целей. Столкновение привело к конфликту, и договор появился из необходимости его разрешения. Первые договоры выполняли две функции — разрешение конфликтов и их предотвращение. Можно разрешить конфликт тихо, сговорившись против других. А можно — открыто и гласно, оповестив о решении всех. Во втором случае решение есть уже указание на то, как впредь не надо поступать чтобы конфликт возникал. Такое решение — это прецедент, правило на будущее, т.е. фактически запрет определенного поведения.

Только запреты могут обуздать насилие. Ни братская любовь, ни добрая воля, ни бесхребетный гуманизм на это не способны. Правила этики, а не накопленные ресурсы – вот истинное богатство общества. Без этики любые запасы мгновенно исчезнут. Некоторые люди говорят – правила это ерунда, главное – полагаться на свою совесть. Или говорят – чем следовать плохому закону, лучше нарушить его во имя высшей правды. Эти люди ошибаются. Главное – следовать правилам. Нет никакой высшей правды, высшей справедливости или высшего блага ради которого можно нарушать законы. Способность следовать правилам невзирая на собственные интересы, собственное мнение или интуицию отличает цивилизованного человека от дикаря. Если правило плохо, его можно и нужно поменять, но если правилам не следовать – не будет вообще ничего.

Иными словами даже плохой, несправедливый закон лучше хорошего и справедливого беззакония. Но конечно, сказанное верно если, во-первых, имеется правильная процедура принятия законов, и во-вторых, речь идет о законе принятом в результате такой процедуры. Только в том случае, когда сам человек согласился с законом в рамках договора, скрепил его своим словом, закон имеет моральную силу. Отсюда видно, что нынешние законы такой силы не имеют. Однако, означает ли это, что моральный долг каждого – их нарушение? Нет конечно. Из того, что человек не участвовал в обсуждении и принятии УК вовсе не следует, что у него есть моральное право убивать и грабить. Большинство запретов попавших в своды законов имеют моральные основания. Просто пока мы живем в насильственном обществе, каждый закон приходится оценивать опираясь на собственную моральную интуицию.

Итак, запреты приводят к новым целям, конфликты целей приводят к новым запретам. И то, и другое – две стороны одной медали, точно так же как свобода «от» и свобода «для». Все это – одна и та же свобода. Судите сами. Свобода «от» появляется только если в свободе есть потребность, т.е. имеется какая-то цель. А это уже свобода «для». С другой стороны, свобода «для» вытекает из свободы «от», поскольку человек

выбирает из того, что может выбрать — в детерминированном мире свободной цели иначе взяться неоткуда.

Иногда свободу воображают в виде некоего «пространства» возможностей и тогда говорят, что «свобода одного кончается там, где начинается свобода другого». С этой точки зрения можно сказать, что бесконечный круговорот запретов и целей все точнее и точнее определяет черту, отделяющую эти «свободы». Однако надо помнить, что свобода — одна на всех, она одинакова с обеих сторон этой условной черты. Иными словами, в отношении людей должен быть точный баланс, а свобода «от», которая по сути есть свобода от насилия других, должна в точности совпадать со свободой «для», которая есть не что иное, как свобода насилия в отношении других.

Рассмотренный сегодня парадокс позволяет лучше понять, что скрывается за словом «свобода». Он также объясняет почему мы часто неверно понимаем ее, почему слово «свобода» является не вполне точным. Свобода не заключается в отсутствии преград каким-нибудь желаниям, действиям, отсутствию помех какому-нибудь свободному полету или падению. Равно как и свобода — это не изобилие благ, которые когда-нибудь польются таким потоком, что даже деньги станут не нужны. Сущность свободы — это творчество, созидание. Именно оно проявляется в свободе воли, в свободе мысли, в способности человека вести себя независимо от любых внешних и внутренних причин, в способности создавать новое — то, что не может быть объяснено предыдущим ходом вещей, событиями или обстоятельствами. «Свобода» же реализации этой созидательной, творческой способности не является чем-то отдельным, потому что ее реализация — это она сама и есть, ибо все остальное вокруг нас — только преграды.

14 ЗАЧЕМ ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК?

Если свобода – это способность творить, то как получается, что творческих людей мало? Разве большинство не следует привычкам, устоявшимся социальным нормам и своей биологической природе? Действительно, на первый взгляд, создавать новое, проявлять какие-то творческие способности, таланты, мало кому под силу. Однако, как ни странно, это не так.

Вмешательство в природу, нарушение «естественного хода вещей» – самая первая потребность человека. Человек всегда хочет проявить свою волю, утвердить себя, убедиться что он может поступать по-своему, наперекор внешним обстоятельствам и даже внутренним побуждениям. Почему? Потому что только так он становится свободным, растит свое «я», находит смысл в своих действиях. Создание собственной уникальной личности, выработка собственного взгляда на мир, выбор жизненного пути – это все творчество. И по другому стать человеком невозможно – иначе это будет не жизнь, а бессмысленное, животное существование. В верчении Земли вокруг Солнца или в следовании животного своим инстинктам смысла нет – они просто подчиняются силам природы. Точно так же нет смысла в бесконечной борьбе гомо-сапиенса со своими сородичами.

Свободная личность – это прежде всего активный субъект, деятель, созидатель. Его творческие способности требуют применения, а потому каждый человек рано или поздно задает себе один и тот же вопрос – зачем я пришел в этот мир, что я принес с собой, что я оставляю после себя? И хотя вопрос звучит ужасно высокопарно, деться от него некуда. Он даже стал чем-то вроде сакраментального. Дескать, смысл жизни – загадка, никто не знает ответа, а кто говорит что знает – или лгун, или глупец. На самом деле, ответ конечно существует и даже не является такой уж большой загадкой. Сам вопрос уже предполагает ответ.

Каждый человек может, и в сущности должен, менять мир, а значит ответ в том, чтобы изменить его правильно, создать хоть чуточку новый, лучший мир. Однако, именно в этом месте многие останавливаются. Почему?

Во-первых, потому, что им лень. Эта причина звучит несерьезно, но в реальности она самая важная. Лень – это усталость от борьбы с природой. Природа никогда не устает, силы же человека ограничены. Думать – что нам кажется простым и легким занятием – тяжелый труд и очень многие, а на самом деле большинство населения, при первой же возможности перестают размышлять. Если ребенок развивается практически сам по себе, то когда естественный рост мозга заканчивается, его дальнейшее развитие зависит от самого человека. Лению объясняется огромное количество неинтересных, серых «личностей», верящих во всякую чушь и не желающих хоть что-то менять.

Во-вторых, потому что в несвободном, несправедливом обществе человек вынужден тратить силы на борьбу за собственное благополучие, за удовлетворение своих потребностей, а когда они оказываются удовлетворены, им овладевает желание накопить запасы, чтобы вновь не оказаться в унижительном положении. Фактически, человек становится жертвой насилия, он лишается возможности что-либо менять.

В-третьих, даже если с возможностями все в порядке, люди часто не знают чем себя занять. Трудность выбора цели стала «притчей во ясызех». Понятно, что жить просто чтобы жить хорошо не имеет смысла. Но как найти иной смысл? Где взять достойную цель?

Давайте мысленно спросим родителей – почему они работают? Некоторые ответят – чтобы жить. Некоторые – для удовольствия, потому что работа нравится. А некоторые наверняка скажут – потому что я хочу принести пользу, хочу прожить жизнь не зря. Как вы думаете, в чьей жизни больше смысла? Наверное – последних. Польза, которую они

приносят – самый верный признак того, что они создают что-то новое, делают мир лучше. Вы скажете, что первые две группы тоже живут не зря. Они ведь работают, им платят зарплату, а значит их труд кому-то нужен, они тоже создают что-то полезное. Да, «новое» – понятие растяжимое. Любое создание ресурсов – творчество, ведь этих ресурсов не «предполагалось» в природе, без людей они бы не появились. Однако согласитесь, создание способов создания ресурсов – куда новее. Одно дело, когда человек творит осознанно, и совсем другое – когда он отбивает время у конвейера. Ибо в последнем случае неясно, а кто создает новое – он сам или тот, кто его туда поставил?

Соответственно, неясно, чьи цели человек обслуживает, кому он приносит пользу. А это, на самом деле, и есть суть вопроса. Часто можно услышать – «не ради себя стараюсь, ради детей!» Так наверное мог сказать каждый хищник, если б умел говорить. Человек, однако, хочет быть уверенным, что он все делает правильно. Откуда же он берет эту уверенность? Как он может убедиться, что его вклад стоит того, чтобы жить? Единственный критерий – мнение других людей, а значит мы опять возвращаемся к договору, который теперь приобретает новую функцию – оценка вклада человека и соответствующая благодарность общества. Нетрудно видеть, что чем шире договор, чем больше людей в нем участвует, тем оценка точнее, тем вероятность ошибки меньше. И это логично. Мир принадлежит всем, а значит и польза должна быть общей. И тогда выходит, что чем больше смысла в пользе другим, тем меньше его остается в собственном благополучии, как бы нас ни пытались убедить в обратном прагматики и циники.

Но что делать, если общество несправедливо? Какой смысл улучшать мир, если есть те, кто улучшают только собственную жизнь? Увы, общим благом пользуются все, но вкладывают в него по-разному. Эгоисты, нахлебники, паразиты – как быть с ними? Однако, опять таки, сами эти вопросы уже подсказывают ответ – улучшать мир! Ведь творчество не ограничивается производством ресурсов. Не менее важно, а пожалуй даже важнее, социальное творчество – способы распределения

ресурсов, модели общественного устройства. Кроме того, требуется и внедрение моделей, борьба со злом, со структурами насилия и эксплуатации. Вы можете сказать – но ведь этика отвергает насилие? Да. Насилие, как метод борьбы, характерно для героической морали. О границе между ними, о насилии как методе, мы поговорим позже. Сегодня мы говорим о цели.

Вернемся к нашим сомнениям. Улучшать мир трудно, а иногда и опасно. Можно ли как-то рационально обосновать эту цель? Зачем делать мир лучше? Не для себя, не для своих детей, а вообще?

Затем, что в этом есть смысл, и этот смысл – единственно возможный. Свобода, как водится, не оставляет нам иного выбора. Вы возразите, что это демагогия и будете правы – с точки зрения личного интереса. Рационально обосновать далекие цели, благо воображаемых потомков, да еще связанное с риском для себя, нельзя. Но, с другой стороны, каковы альтернативы? Бесцельно размножаться? Драться за «место под солнцем»? Ладно, допустим на каком-то этапе без этого сейчас не обойтись. Ну а потом? Разве это может быть целью хорошего человека? Реально выбор таков – сделать мир или хуже, или лучше. Не подумайте, что я пытаюсь убеждать, просто помогаю посмотреть на вопрос с разных сторон. Ведь если действительно искать смысл, смысл уже есть поразмышлять – сам процесс поиска меняет человека, создает новую личность, а это шаг к свободе!

Смысл всякого бытия лежит вне его, где-то впереди, а всякая цель имеет смысл только если является частью более общей, более далекой цели. Значит, хотим мы или нет, только свобода может являться источником и целей, и смысла. Она предоставляет каждому возможность придумать ей конкретное воплощение в собственной цели – без чего смысла просто не было бы. Ведь если все вокруг подчиняется законам природы, законам борьбы за выживание, если будущее предзадано, смысла что-либо делать, менять, нет. Причем этот вывод не зависит от того, знаем ли мы эти законы. Отсюда, кстати,

вытекает, что свобода — это нечто большее, чем качество человека или общества, ибо и само существование общества должно иметь смысл. Соответственно, свобода лежит за пределами не только общества, но и мироздания — только так само мироздание приобретает смысл.

Вы скажете, что это соображение слишком абстрактно, а свобода собственной парадоксальностью обманывает сама себя. Почему бы не воспользоваться ей и не отказаться от общего блага ради собственного? Ведь люди смертны. Что нам с того, что будет потом? Вы правы, смертны. Однако именно этот факт придает смысл тому, что будет потом. Бессмертным незачем что-то менять — они и так рано или поздно получают все что им надо. Смысл как раз в том, чтобы преодолеть неизбежное. Меняя мир, человек побеждает смерть. Его дела, его замыслы и идеи, а значит и его личность, продолжают жить.

Вы скажете — мир подвижен и все наши изменения обязательно исчезнут. Поразительно, но это не так, и существование общества тому подтверждение. Прогресс — это накопление общего труда, общего блага. Тот факт, что все меняется, лишь заставляет нас искать возможность наиболее фундаментальных изменений. Чем больше людей будет затронуто нашими действиями, чем больше их подключатся и начнут менять мир в том же направлении, тем эффект будет сильнее и долговременней. То есть предпочтительный творческий результат заключается не в физических изменениях мира, а в идеях, в том, что способно подвигнуть людей, увлечь их. Люди должны видеть пользу, видеть тот же смысл, что и автор идеи. А значит, чем менее практичен результат, чем он абстрактнее, чем он более общий и универсальный, тем он правильней.

Чем новее идея, тем она лучше, потому что люди обычно стремятся к новому, новое обладает огромной притягательной силой. Почему это так? Потому что творчество, как и разум — коллективно. Собственная, обычно ограниченная способность творить сочетается в человеке с поистине безграничной

способностью ценить то, что создали другие. Иначе и договор был бы невозможен, общества бы просто не получилось.

Но почему новое обязательно лучше? Почему бы наоборот – не разрушить то, что было плохо построено? Может, так тоже станет лучше? Ответ в том, что разрушение – это всегда возврат к старому, к тому что уже было. Менять мир трудно, и чем новее результат, тем труднее его получить. Самое же легкое, всегда и везде – сломать то, что построили другие. Разрушение – инстинкт победителя, дикаря. Вы возразите – а если люди ошиблись и построили что-то плохое? Это значит они не создали ничего нового, они были бездарны и приняли за новое то, что было раньше. Примерно как строили коммунизм, а построили рабство. Новое не заключается в новых словах, чтобы понять смысл его надо прочувствовать. Вы скажете – но тогда разрушить такую плохую постройку все же имеет смысл? Тогда все таки будет лучше? Нет, даже разрушив плохое, мы получим только что-то еще хуже. Чтобы исправить ошибку надо обязательно искать новое, творить, создавать, иного выхода нет. Нельзя тупо возвращаться назад, это никогда не принесет ничего хорошего.

Свобода придает смысл нашей деятельности и чем больше людей признает ее результат, тем деятельность полезнее, польза объективнее, а жизнь осмысленнее. Легко ли найти такую цель, а тем более достигнуть ее? Нет. Но правильная цель, как и собственная правота, прибавляет человеку силы. Каждый может приносить пользу соответственно его способностям и развивать их так как он считает нужным. Можно выдумывать глобальные идеи, а можно выпекать хлеб. Свобода гарантирует, что каждый найдет себе применение. В этой универсальной применимости – важная черта объективной этики. Она не требует подвига, не требует любить ближнего, не требует отказаться от мирских благ и забыть самого себя. Надо лишь принести максимальную пользу всем. Этика практична – она наполняет смыслом любую жизнь.

И все же – в чем смысл жизни? :) В свободе конечно. Смысл

правил – побудить человека к творчеству. Смысл творчества – принести в мир новое. Смысл нового – сделать мир свободнее. А смысл свободы – сама свобода, потому что свобода – это добро, а добро самодостаточно, оно нужно нам само по себе, без всякого дополнительного смысла.

15 СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СВОБОДА (ВОЛИ)?

То, что мы свободные люди, творцы и созидатели, занятые улучшением мира, конечно лестно. Однако не оторвались ли наши беседы от реальности? Есть ли хоть какие-то доказательства существования свободы? В конце концов, разве не должна этика покоиться на прочной основе – на знаниях, на здравом смысле и разуме?

В наше время олицетворением разума является наука. Успехи науки кардинально изменили нашу жизнь. Нет ни одного человека, кто не верил бы науке. Более того, кроме науки вообще непонятно чему можно верить. Между тем, как раз в вопросе свободы мнения ученых, мягко говоря, разделились. Существует ли свободная воля? Спор тянется веками. Вся история науки, все ее, так сказать, существо, однозначно доказывает – природа подчиняется законам. Даже случайность вполне может быть описана вероятностно-статистическими методами. Нет ничего, что может возникнуть ниоткуда, само собой и вне связи с окружающим миром. Соответственно, все наши действия и даже мысли есть всего лишь отражение огромной массы причин и условий в которых мы находимся. Ученые сканируют мозг человека, пытаются найти там ту точку, в которой возникает вся эта сомнительная «свободная воля». И иногда кажется – вот-вот еще немного и она будет найдена, а там глядишь, будут открыты и законы которые нами руководят. И нельзя сказать, чтобы усилия ученых были совсем уж тщетны. Мы все лучше и лучше понимаем себя. Однако можно смело добавить, что ни точка, ни законы найдены не будут. Свобода – это не иллюзия. Она – объективное свойство человека, а следовательно – и мира, который нас породил.

Чтобы разобраться в этом запутанном вопросе нам придется

немного отступить от этики и опять углубиться в отвлеченные размышления. Начнем с пары очевидных возражений. Во-первых, почему не иллюзия? Мир действительно детерминирован – не обнаружено ни одного явления у которого не было бы причины и которое не могло бы быть описано тем или иным законом. Если же что-то происходит как кажется беспричинно, то это либо случайность, либо, скорее всего, следствие нашего незнания. Второе возражение – даже если свобода воли реальна, нет никаких оснований полагать, что она существует в объективном мире независимо от нас. Она могла появиться в результате эволюции примерно так же как появились жизнь и разум. Ведь из того, что на нашей планете есть жизнь не следует, что вселенная «живая», что жизнь присуща ей сама по себе, независимо от земных живых организмов. Аналогично, из того что мы обладаем разумом не следует, что где-то существует Мировой Разум, от которого мы приобрели способность мыслить.

Начнем с первого – мир детерминирован, он подчиняется законам. Наблюдая, мы все лучше и лучше понимаем его, мы открываем все новые и новые законы, и этот процесс познания бесконечен. Если нам кажется, что мы способны произвольно менять будущее, что мы обладаем «свободой воли» – это потому что мы пока плохо понимаем условия и механизмы работы мозга, мы еще не все нужные законы открыли. Мозг – необыкновенно сложная система, все ее состояния невозможно просчитать, но в любом случае работа мозга закономерна, как и все вокруг.

Эта точка зрения «предельно» рациональна. В отличие от «нормальной» рациональности, которая ищет как лучше добиться поставленной цели, эта отрицает саму возможность цели. Действительно, откуда может взяться цель? Если все вокруг подчиняется законам, то будущее лишается смысла, оно оказывается предзадано даже если допускает какие-то случайные вариации. Соответственно, наше существование точно так же лишается смысла. Вселенная, полностью управляемая законами, перечеркивает все, что делает осмысленной нашу жизнь. Будущего фактически нет.

Но может, это так и есть? Едва ли. Тот факт, что мы задаем этот вопрос, что мы ищем смысл, уже говорит о том, что смысл есть, иначе вопрос нет смысла задавать, более того, он даже не мог бы возникнуть. То есть вопрос сам отвечает на себя. А есть смысл – значит есть свобода. Ну подумайте сами – какой смысл познавать мир, если его движение предзадано? Что нам дает его познание? Ужас ясного, неизбежного будущего – самый ужасный ужас на свете. Какой, к примеру, сумасшедший хотел бы знать дату собственной смерти? А к этому и сводится сущность познания предзаданного мира. Иными словами, сам факт того, что мы познаем мир, ставим вопросы, говорит о том, что будущее не определено, что у познания есть цель и эта цель имеет смысл.

Далее, если мы заглянем в себя, то убедимся, что свобода мысли (а затем, следовательно, и воли) – это самое реальное что есть на свете, самое реальное из всего что мы можем осознать. Все вокруг может быть только сон, но наша способность видеть этот сон, размышлять о нем, сомневаться в нем – абсолютно реальна. Да, мозг, рассудок, взятый сам по себе – машина. Он подчиняется своим, вполне определенным законам. Например, он не может по собственному желанию выключиться, не может игнорировать накопленные знания, не может не подчиняться логике. Но при всем при этом, наша способность принимать осмысленные решения отражающие только нашу волю вполне убедительна для нас. А наша ответственность за наши действия – еще убедительнее. Я думаю, вряд ли кто-то захочет лишней раз убедиться в ней совершив противоправный поступок. Без свободы воли нет ничего – ни права, ни общества, ни нас самих, ни даже окружающего мира, который мы наблюдаем! В частности те, кто считает, что все их мысли и действия порождаются по какому-то закону, тем самым признают, что они – роботы, автоматы, и соответственно любые беседы с ними бессмысленны. Из чего мы можем заключить, что таких среди нас нет, они уже покинули нас. А значит, есть смысл продолжить.

Вы спросите – но почему мы тогда не можем понять, откуда берется свобода воли? Где в мозге она «спрятана»? Ответ как раз

и заключается в том, что если бы мы поняли это — она бы исчезла. Ведь что значит «понять»? Найти причину, выяснить механизм. Отсюда видно, что попытки ученых сканировать мозг чтобы «найти» свободу воли уже заранее основаны на отрицании ее существования, т.е. они ищут сами не зная что. Ученых можно понять — это их работа, они должны открывать законы. Проблема на самом деле шире. Она заключается в том, что нельзя открывать законы следуя закону. А именно это вытекает из отрицания свободной воли. Т.е. сама наука как таковая без нее невозможна. Если разум действует по закону, если будущее предзадано, это не наука, а бессмысленная программа, часть общей программы мироздания.

Таким образом, само существование науки доказывает реальность свободной воли. Вы спросите — почему же ученые так упорно отрицают ее? Потому что если полагать мир свободным, наука еще быстрее теряет смысл! Ведь предмет поиска ученых — закономерности, твердые знания. Получается, единственная возможность смысла науки — наличие и свободы, и детерминизма одновременно. Но это же парадокс — не может мир быть одновременно и детерминированным, и свободным! Парадоксы мешают науке, противоречие в теории — признак ее ошибочности. Выходит и тут смысла нет! Наука — бессмысленная вещь! Как можно после этого что-то требовать от ученых?

Это была шутка. Как же выпутаться из этой логической ловушки? Единственный выход — признать ограниченность логики, ограниченность нашей способности познавать мир. Свобода — непознаваема, и в этой непознаваемости сокрыт ответ на все наши проблемы. И это хорошо, что свобода такая! Если бы мы могли понять свободу, она бы исчезла, превратившись в детерминизм — в знания и в логику. Вот тогда наша жизнь точно потеряла бы смысл, а сами мы превратились в автоматы, управляемые заложенной в нас программой. Свобода хороша такая, какая она есть — непознаваемая. Более того, нельзя не признать, что сама свобода настойчиво внушает нам эту мысль своими парадоксами. Она словно ждет, пока мы поймем эту простую истину.

Перейдем ко второму возражению. Напомню, суть его сводится к тому, что свобода воли появилась вместе с людьми. Однако, свобода воли не могла просто взять и появиться из детерминированной природы, поскольку детерминизм запрещает такую возможность. Все, что появляется должно иметь причину, быть обусловленным. Но свобода не может иметь причину, она не может быть закономерной! Свобода непримирима с детерминизмом. Ни жизнь, ни даже разум не отличаются от косной природы в такой степени. Жизнь и разум — разум в смысле рассудка, чистой рациональности — это всего лишь очень сложная материя, она подчиняется тем же законам. Но про свободу воли мы вынуждены сказать, что она не появилась, а проявилась — поскольку беспричинное появление свободы в детерминированном мире невозможно, свободная воля лишь проявляет ту свободу, которой уже обладает материя и которая существует независимо от нас. Этим же объясняется невозможность появления в детерминированном мире нашего вопроса, о чем я уже сказал — ни концепция свободы, ни концепция смысла в таком мире просто не могли бы возникнуть.

Таким образом, логика требует признать объективное существование свободы. Однако сразу встает новая проблема — свобода не может существовать! Ибо, если она существует независимо от нас, она превращается из свободы в необходимость, ведь от нее уже невозможно избавиться. И самое смешное, что это действительно так — даже если бы мы решили стать животными, это был бы наш свободный выбор. Но при этом, он еще и невозможен — давая якобы «свободный» выбор свобода одновременно нагружает ответственностью за него, требует сделать его правильно. Иными словами, свобода содержит в себе свое собственное отрицание. А потому, уже сам вопрос существования свободы лишен смысла. Нам остается признать неразрешимость парадокса существования и не морочить себе голову, поскольку без свободы все будет гораздо хуже, чем с ней. Мы вынуждены принять свободу ради нас самих, просто потому что нам так надо.

И в самом деле. Можем ли мы отрицать не только самое очевидное, но и самое важное, что есть в этом мире, самое важное в жизни каждого из нас? Это не только непродуктивно, это откровенно глупо. Ведь от существования свободы зависит и наше существование как разумных людей, каждый из которых является личностью. Если же мы не понимаем что-то, нам следует скорее усомниться в нашей способности понимать, нежели в нашей способности быть свободными.

Мы не способны понять свободу. К сожалению, это еще не все, ибо отсюда сразу следует наша неспособность быть свободными, поскольку именно познание делает нас таковыми – только зная, понимая закономерности, мы можем их нарушать. Итак, в вопросе свободы наш рассудок, очевидно, бессилён, а значит нам остается только вера. Но даже здесь нас ждет подвох, ибо как разумный человек может верить в существование неизвестно чего?! Со свободой непонятно буквально все. Единственное, что нам понятно – мы обречены быть вечными слепцами без всякой надежды на прозрение. И в это очень не хочется верить. Согласитесь, верить в науку куда приятней! Что же делать? Каждый должен решать сам. Разве не в этом его свобода?

Именно в этом! Необходимость убедиться в собственной свободе, в том что она (и следовательно мы сами!) действительно существует – вот что скрывается за поисками смысла в нашей жизни. Только так можно заставить нас бесконечно искать, преодолевая все новые и новые рубежи. Все, что мы делаем познавая и меняя мир – гонимся за свободой. Ее нельзя познать, и одновременно можно, ведь мы меняем мир, мы делаем его лучше. А значит все то хорошее, что мы вносим в мир – это и есть свобода!

Да, давайте посмотрим на существование свободы с этой стороны. Откуда берется все то новое, что мы создаем? Из нашей головы, из нашей свободы. А разве это не является самым верным доказательством ее существования? Свобода

обманывает нас не только в своей непознаваемости, но и в своем существовании, ибо мы создаем ее своими руками! Свобода существует только, если (и до тех пор, пока) мы верим в нее – и трудимся ради нее.

16 СУЩЕЕ И ДОЛЖНОЕ

Вера в будущее и лучший мир возможно вдохновляет — когда хочется придумывать захватывающие цели, творить и все такое. Но жизнь, к сожалению, бывает жестока — и тогда мораль не столько увлекает нас в светлое будущее, сколько требует мужества прямо сейчас. Борьба со злом, за право называться человеком, за свое достоинство и свою свободу, как всякая борьба тяжела и опасна. А поскольку наше общество еще очень далеко от свободного, мораль как правило ассоциируется не с радостью творчества, а тяжестью ответственности. Согласитесь, слово «долг» — вовсе не радостное.

А потому у людей, помимо вопроса о смысле жизни, часто возникает другой важный вопрос — «А так ли уж нужна эта мораль?» Вопрос этот не менее трудный. И дело не в том, что человек слаб. Сила духа опирается на веру, но даже вера нуждается хоть в каких-то осмысленных основаниях. Где их взять? В бесконечных парадоксах свободы? Думать — это труд, причем труд в данном случае не просто не гарантирующий облегчения моральной ноши, но, напротив, гарантирующий дополнительные проблемы в случае успеха. Оттого, в условиях постоянной борьбы за выживание, смысл следования нравственному долгу, морали и всему хорошему становится в высшей степени сомнительным.

Вопрос о том, зачем человеку быть человеком, философия осознала как проблему «сущего и должного». Суть ее в том, что нет прямой связи между тем, что существует вокруг, «сущим», и тем, что мы должны делать, «должным». Второе не вытекает из первого. Вы спросите — ну и что? А то, что если одно не вытекает из другого, неясно откуда оно вытекает. Логика подсказывает, что в мире существует только то, что существует, что реально и необходимо, а все остальное — выдумки

не заслуживающие внимания. И к этим выдумкам при желании можно легко отнести мораль с ее долгом.

Давайте подумаем об этом. Мы знаем, что вокруг нас есть реальный мир, который прекрасно существует без нас и независимо от нас. Одновременно, в каждом из нас заложены моральные требования, которые ставят под сомнение не только естественное стремление к собственному благополучию, собственную правоту, но и правоту других людей, правоту целых стран и народов. Откуда взялись эти требования? Попали к нам из реального мира? Но никакого морального долга в нем не наблюдается даже под микроскопом. Реальный мир – это факты, о которых мы знаем или нет, и истинность наших знаний зависит не от нашего желания, а только от самих фактов. Моральные же требования переменчивы и субъективны, это наши ценности и идеалы, про которые в лучшем случае можно сказать правильны они или нет, но это мнение рождается внутри нас и объективной верификации не поддается.

Однако если этих требований нет в реальном мире, откуда берется их правильность и, соответственно, их сила? Неочевидность связи, а точнее очевидная несвязанность сущего с должным, служит совершенно непроверяемым свидетельством того, что моральный долг не имеет никакого отношения к действительности, это просто выдумка. Поэтому без решения проблемы сущего и должного вряд ли можно считать любую этическую систему убедительно обоснованной. Необоснованная же этика едва ли вообще может претендовать на звание «этики», это просто еще одна религия, ибо для религии нет проблемы сущего и должного – существование бога, как источника морального долга, не подлежит сомнению верующими.

Проблему, в принципе, можно и игнорировать, но тогда появляются такие странные идеи, как, например, популярное одно время «естественное право», предтеча нынешних прав человека. Нетрудно видеть, что словосочетание «естественное право» – это оксиморон. «Естественное» – это сущее, а «право» – это должное. Другой пример – популярная ныне

эволюционная этика, генетическая мораль и подобная наукообразная чушь. Все попытки объяснить появление морали эволюцией, как бы они ни казались убедительны, ни на шаг не приближают нас к ее обоснованию. И наконец, что тогда ответить на утверждение писателя Достоевского «если Бога нет, то все позволено»?

Как философы решали эту проблему? Долгое время они поступали просто – полагали, что идеалы не менее реальны, чем сама реальность. Более того, осознавая превосходство морали над бытием, они придавали идеалам черты некой первопричины мира. Например философ Платон поместил идею блага во главе своего царства идей. Философ Аристотель провозгласил принцип ума как действенного начала мира и высшего совершенства. Стоики понимали логос как моральный и одновременно космический первопринцип. Схоластики расценивали наиреальнейшее сущее и совершеннейшее сущее как тождественные.

По мере развития науки и рационального знания идеализм вышел из моды. Однако люди некоторое время не замечали проблемы. Они рассуждали так – раз мы живые существа, нам, естественно, надо жить. Откуда и вытекают моральные требования. Наконец философ Юм усомнился в этой очевидной истине. Нельзя сказать, что людям раньше не приходило в голову кончать жизнь самостоятельно. Просто это казалось и аморально, и неестественно. Юм догадался, что это в высшей степени естественно. Из того что мы живем, вовсе не следует что мы обязаны жить дальше. Сам он правда, своей идее не последовал – однако вопрос поставил.

Должны ли мы жить? Нет. А должны ли мы умереть? Тоже нет! Мы можем жить, а можем умереть – в этом наша свобода. А что ж мы тогда должны? К чему призывает нас моральный долг? Мы не знаем. А если б и знали? К чему бы он нас не призывал, какой бы долг ни казался нам правильным, как его обосновать – неизвестно. Но необоснованный долг не может быть долгом! Тупик. Долг есть и одновременно его нет.

Многие ломали головы над этой загадкой. Подход идеалистов убедительно продемонстрировал философ Кант. Он сказал, что есть два мира – реальный и идеальный. В реальном мире правят естественные законы, а в потустороннем, трансцендентном и умопостигаемом, правит свобода и моральный закон. Причем поскольку второй мир все же главнее первого, долг есть просто потому что он есть. Оба мира не связаны между собой, а человек, чудесным образом, оказывается где-то посередине – одной ногой в реальности, а другой – в свободе. Однако, несмотря на всю убедительность такого положения, оно убедило не всех.

Материалисты, во главе с философом Марксом, пошли другим путем. Нет не только идеального мира, сказали они, нет и самой морали. Это все выдумка тех нехороших людей, кто старается обмануть других и воспользоваться ими к своей выгоде. Это все буржуи и эксплуататоры. История материалистична, а общество подчиняется законам. Раз живем – надо жить. И не просто жить, а хорошо, правильно и справедливо! Надо дать власть хорошим людям, чтобы они изгнали плохих и построили новый, лучший мир, мир настоящей пролетарской морали... В итоге Маркс вынужден был бросить философию.

Мучительная проблема сущего и должного не решена до сих пор. Трудность ее, как вы уже догадались – в парадоксальности свободы. Мораль невозможна без свободы, но та же свобода невозможна без того, чтобы нельзя было отвергнуть мораль. Но что же это за мораль, если ее можно отвергнуть? С другой стороны, что же это за свобода без морали?

Как решается эта проблема? Так же как решается проблема существования свободы – это, по сути, одна и та же проблема. Вы скажете – что, опять эти бесконечные хождения по кругу? Да! Знак свободы – сомнение. Законам природы сомнение не свойственно. Сомневаясь, мы проявляем нашу свободу, а значит сомнение в самой свободе, в ее существовании –

не просто некий ее фирменный знак, а прямое доказательство ее существования.

Существует ли моральный долг? Безусловно – как и свобода. Долг невозможно избежать, не «избежав» одновременно свободы. Получается, от жизни отказаться можно, а от долга – нет! Неудивительно, что подобного долга нет в реальном мире – он действительно выше реальности. И никакие отговорки нам не помогут. Даже если кому-то хочется отказаться от своей свободы, он не может отказаться от своей ответственности. Вы скажете – а как же аморальные люди? Как им удастся отказаться от долга? Да просто! Моральные уроды – рабы своей биологии. Для них не проблема отказаться от того, чего у них нет – своей свободы. Для нормальных же людей долг реален. А наличие долга, в свою очередь, служит еще одним свидетельством наличия свободы.

Мы не можем не быть свободны, даже тогда когда хотим отказаться от свободы. Отказ – это уже выбор. Свобода первична, она – факт реальности. Но как из этого факта вытекает долг? Ответ в том, что свобода – одновременно и факт реальности, и наивысшая ценность, относительно которой мы меряем все остальные ценности. И разделить эти две стороны свободы невозможно. Чтобы быть свободным надо хотеть быть свободным, а чтобы хотеть быть свободным надо быть свободным.

Выходит, мы хотим свободы, даже когда не хотим свободы? Выходит так. Тут проявляется проблема той своеобразной «необходимости» свободы, о которой я упомянул в прошлый раз. Если свобода существует, то сделать вид, что ее нет, нельзя. Свобода превращается в необходимость, почти такую же как и все прочие материальные силы.

Впрочем, бесконечное блуждание в парадоксах свободы занятие непродуктивное. Но не следует думать, что проблема сущего и должного бессмысленна. Важно различать существование материальной реальности и «существование»

свободы. Из фактов реальности не вытекает ничего, что делает нас людьми — ни морального долга, ни ценностей и идеалов, ни всего остального составляющего человеческое общество, ибо ничто вытекающее из материального мира не может миновать нашу оценку и наш выбор. Отсюда также следует невозможность существования никаких естественных, равно как и рациональных критериев для определения какой долг, какие моральные требования, ценности и идеалы правильны, а какие нет. Договор — единственный способ нахождения правильности наших идеалов.

«Необходимость» свободы — особенная. Моральная детерминация не является собственно детерминацией, поскольку свобода не принуждает, несмотря на то, что она «требует». В принципе, договор — единственная вещь, которую свобода действительно требует. При этом, принудить к договору нельзя, ибо такой договор неправомерен, да и просто невозможен. По сути, мы не знаем какой долг вытекает из свободы, что именно она требует, что должно получиться в итоге договора. Свобода не формализуема — нельзя вычислить большую или меньшую, лучшую или худшую свободу. Более того, даже истинно свободный выбор не является собственно выбором, поскольку исход выбора можно оценить вероятностно. Свобода требует не столько выбрать, сколько придумать, создать новую альтернативу, творчески найти выход из детерминированного набора возможностей.

Короче, все что можно сказать: первый и главный долг каждого стать человеком, а как — его личное дело. Хорошая новость в том, что в отличие от требований героической морали, озабоченной не столько свободой сколько благом коллектива, это требование этики весьма скромно, причем, заметьте, оно остается негативным, ведь ответственность возлагается на гомо-сапиенса не за его бездействие, не за его нежелание договариваться, а за его аморальное поведение, за следование своей животной природе.

У проблемы сущего и должного есть еще один аспект. Эту

проблему иногда формулируют как вопрос, что первично – бытие или сознание. С легкой руки пропагандистов от философии многие считают что бытие определяет сознание. К сожалению, это так – для тех, кто не умеет мыслить самостоятельно. Такие рассматривают должное как производное от сущего, и тогда это «должное», неудивительно, сводится к каким-то там законам борьбы, диктатуры и прочего бесконечного насилия. Что, в свою очередь, сильно осложняет жизнь свободным людям. Люди же придумывают идеи о том, как сделать мир лучше. И их сознание в конце концов творит бытие.

В чем и заключается важный аспект нашей сегодняшней проблемы. Т.е. теперь речь идет не о том, как должное вытекает из сущего, а наоборот – как сущее вытекает из должного. И тут видно, что если должное есть следствие реально сущей свободы, то лучший мир есть возвращение той же свободы назад в реальность. Таким образом, пока мы думаем, что движемся к свободе, это на самом деле свобода воплощает себя – посредством нас.

17 ЗАЧЕМ ПОЗНАВАТЬ МИР?

Непознаваемость свободы имеет вполне объективное основание. Мы способны твердо знать лишь прошлое, да и то недавнее. В будущее можно только верить — и наша вера материализуется, когда мы сообща творим это будущее. Но как можно верить неизвестно чему? Как творить непонятно что? Как договориться, если основа нашего согласия принципиально неформализуема? Хотим мы или нет, непознаваемая свобода требует познания — иначе не может быть никакой свободы.

И, как ни странно, мы вполне способны на это. Недаром мы столько говорим о ней, и, я надеюсь, не зря — я надеюсь, мы все лучше и лучше понимаем ее. Возможно, пришло время попытаться дать свободе определение. Надо же по меньшей мере сформулировать нашу общую цель!

Увы, мы не можем вот так сразу определить свободу. Каждый человек волен дать ей свое определение — и в этом заключается его свобода. Мы называем свободу тысячью имен. Свобода обычно является нам в конкретном желании, это то, чего нам не хватает, о чем мы мечтаем. Жажущий хочет не глотка воды, а свободы от жажды, алчный — не денег, а свободы возможностей, которые они дают, властолюбец — свободы делать что ему вздумается. Даже желая смерти, человек на самом деле желает свободы, свободы от того, что сделало невыносимым его жизнь. А может ли быть свобода от свободы? Может! Как выразился поэт Высоцкий «мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду!» Но на самом деле герой Высоцкого хочет именно свободы — от пустоты, неопределенности, бессмысленности. Да, свобода бывает трудна, она требует выбора и ответственности за него, но даже в этом случае человек хочет свободы — свободы от выбора и от ответственности. Но не преувеличение ли это? В определенном смысле, да. Человек не всегда свободен в своем

выборе. Иногда воды хочется потому, что нет сил терпеть. Однако будучи свободным, человек всегда выбирает свободу.

Как же нам быть? Как договориться о конечной цели, если с ней абсолютно все неясно? Так же, как люди делают всегда, когда хотят свободы — они договариваются о том, что ясно, или по крайней мере, может быть ясно. И это, как нетрудно догадаться, противоположность свободы — природа с ее законами. Мир, к счастью, хоть в чем-то не зависит от нас, а значит его знание дает нам почву для согласия.

Вы спросите — при чем здесь знание? Что толку знать как устроен мир, если из сущего не следует должного? Ответ в том, что это не совсем так. Ведь согласитесь — свобода, связывая одно с другим, должна таить в себе какой-то способ перехода от сущего к должному. И он есть — должное рождается из отрицания сущего! Но что значит «отрицать»? Как это? Это значит идти наперекор природе, отвергать все, что нам ясно, что нам известно о ней — любую необходимость, любое принуждение ее законов. В этом суть осознанного, морального выбора. Мы должны сделать так, чтобы события всегда меняли свой ход, чтобы будущее перестало вытекать из прошлого — так мы преодолеваем прошлое, отталкиваемся от него. Зачем? Затем, чтобы быть свободными! Меняя будущее, мы не только доказываем нашу способность делать это, но и выражаем себя, ведь будущее теперь зависит только от нас, от нашего желания, от нашей фантазии и нашей мечты. Выражаясь кратко, должное — это преодоленное сущее, так же как свобода — это преодоленная необходимость.

Однако мы не можем просто взять и отвергнуть законы природы. Нам надо придумать как это сделать. А чтобы придумать, надо понимать природу, знать как она работает. Иначе нас не только постигнет неудача, но мы, в лучшем случае, думая что победили природу, будем следовать ее законам сами не осознавая этого. Стало быть, чтобы увериться в своей свободе, надо сперва узнать какой-то природный закон, убедиться, что мы понимаем его правильно, а затем нарушить его, убедиться что мы

можем его преодолеть, что наша воля сильнее закона.

В этом и заключается конечная цель познания. Всякая иная цель бессмысленна. Мы не можем познавать мир с целью более эффективного следования его законам, поскольку законы всегда действуют максимально эффективно — с «их» точки зрения :) Точно так же, мы не можем познавать мир просто из любопытства, не меняя его. Знание законов дает нам знание будущего, но predetermined будущее вступает в конфликт со свободой. Знания несут с собой ответственность, и эта ответственность — за будущее. Наш долг — сделать его лучше.

Чем больше мы знаем, тем больше шансов изменить будущее. И тем легче нам творить, поскольку само творчество не может взяться на пустом месте, без знаний. Процесс творчества как бы «питается» знаниями, он по сути заключается в манипуляции ими. Ведь мы не можем отменить причинность, выдумать будущее из ничего — будущее всегда зависит от прошлого, вытекает из него. А значит нам надо суметь изменить будущее так, чтобы оно одновременно и стало новым, и логично следовало из прошлого. Как нам это удастся? Мы преодолеваем действие одних законов при помощи других. Мы не столько выдумываем будущее из ничего, сколько направляем его в нужную сторону, и это направление указывается свободой, которая, если вы не забыли, помимо всего прочего работает у нас маяком.

Для иллюстрации возьмем земное притяжение. Люди долгое время притягивались к земле не отдавая себе в этом отчета. Постепенно они заметили этот факт. Естественно, у них возникло желание освободиться от притяжения. Они углубились в исследования, изучение птиц и т. п. В итоге притяжение больше не является для людей проблемой, по крайней мере на Земле. При этом закон притяжения продолжает работать — люди научились его преодолевать используя свои знания и идеи. Еще пример — закон выживания сильнейшего. Он тоже действует, но люди научились обходить его помогая выживать слабым, запрещая грубую силу.

Отсюда кстати видно, что окончательно убедиться в том, что мы поняли некий закон природы правильно, можно только преодолев с его помощью другой закон. Именно в этот момент будущее начинает зависеть от нашего желания. Новое, более свободное будущее говорит о том, что наши знания верны. Таким образом свобода является не только критерием правильности наших действий, но и критерием истинности наших знаний.

Вы скажете – но как может быть критерием непонятно что? Только так и никак иначе – ведь иначе нам потребуется критерий истинности для самого критерия! На практике, однако, все несколько проще. Мы можем не понимать свободу, но мы ее «чувствуем». И чувствуем мы ее лучше всего тогда, когда нас ее лишают, когда мы вынуждены поступать определенным образом. Что, естественно, происходит именно тогда, когда мы знаем об этом. Вот почему мы можем сказать, что критерий истинности дан нашему разуму «априорно», т.е. до всех остальных знаний. С чувства свободы начинается и потребность в познании мира, и воля к его преобразованию.

Но как получается, что мы чувствуем свободу, если мы познаем ее разумом? Разве разум не оперирует формальными концепциями? И разве чувства, со своей стороны, не коренятся в нашей животной природе? Во-первых, чувства проистекают не только из биологии. Так, мы говорили уже о моральных чувствах – презрении и достоинстве. К ним можно добавить стыд, угрызения совести, чувство долга, а также такие феномены, как ощущение «правильности», моральную интуицию, творческое вдохновение и, например, чувство справедливости, которые, как и все упомянутое выше, есть производные от чувства свободы. Во-вторых, разум не следует сводить к рассудку – логической машине, заточенной на манипуляцию формальными абстракциями. Именно разум, а не рассудок, является источником чувства свободы, которое остается чувством, а не знанием, потому что свобода формально непознаваема, потому что разум не может выразить свое знание о ней в виде ясных концепций.

В сущности, чувство свободы — это чувство различения добра и зла, а поскольку добро императивно, чувство свободы не просто ощущение — оно рождает специфический мотив, потребность действовать. Именно здесь кроется источник морального долга — и ценности, и сопутствующие им стремления, которые берутся как бы «неизвестно откуда». Этим также объясняется, почему объективная этика негативна — она знает, что такое зло, что мы должны менять, от чего отталкиваться, но не может точно указать нам, что такое добро — добро остается на уровне субъективного «чувства».

Вот почему свобода одновременно и наша цель, и источник нашего движения к ней, а «цель» свободы, выходит, заключается в том, чтобы воплотить саму себя, что недостижимо никакими детерминированными методами — только творчество, только выход за пределы обыденного, скачок в абсолютную неизвестность. А если обобщить, если вспомнить, что мы — часть мироздания, получится, что свобода лежит в основе всего сущего, она его порождает, так же как породила когда-то нас. Теперь и проблема существования свободы становится понятней — с одной стороны, свобода не может породить саму себя, а с другой, она «вынуждена» постоянно именно это и делать, иначе бы ее не существовало.

Понимание свободы, таким образом, плавно перетекает в понимание всего того, что свобода породила. И это возвращает нас к началу — мы познаем свободу «от противного», когда открываем законы природы, которые нас ограничивают, а идем к ней, когда преодолеваем эти законы. И чем дальше мы идем к свободе, тем лучше мы ее понимаем — благодаря тому, что лучше понимаем ее противоположность.

Здесь может скрываться отгадка определения свободы — нам надо попытаться определить свободу от противного, отталкиваясь от ее альтернатив. Каковы они? Самая очевидная — насилие людей. Значит свобода — отсутствие насилия? Да, но откуда берется насилие? Это следствие, или лучше наследие, законов живой природы, инстинктов. А откуда инстинкты?

От окружающей физической реальности, ее законов. В совокупности, альтернативы свободы сводятся к детерминизму. Что это такое? Это регулярность, обусловленность, законосообразность в самом широком смысле, ибо все существующее проявляется постоянно, единообразно и регулярно. Регулярности мы мыслим как законы, а ощущаем как силы, поскольку через постоянство проявлений природных объектов выражается их сущность. Можно говорить о детерминизме физическом, биологическом или социальном, соответственно характеру сил действующих на каждом из этих уровней организации материи.

Какова же противоположность детерминизма? Если детерминизм – это постоянство, свобода – переменчивость, детерминизм – предсказуемость, свобода – непредвиденность. Таких пар можно составить много – закономерность/случайность, причинность/самопроизвольность, ограниченность/беспредельность. Но самым общим свойством детерминизма является определенность. Что это такое? Хоть что-то определенное, хоть что-то позволяющее дать определение, сформулировать понятие, сформировать точку зрения. Значит свобода – полная неопределенность? Да. Однако, является ли противоположность определенности неопределенностью? И да, и нет. Да – понятно почему. А почему нет? Потому что противоположность чему-то – уже какая-то определенность, взаимосвязь, логическая детерминация. Отсюда вытекает, что свобода не может быть формально определена – даже от противоположного.

К свободе неприменимо само понятие «определение». Мы можем только стараться объяснить как мы понимаем свободу. И это то, что люди делают в процессе договора, совместно познавая и преодолевая детерминизм. Однако, поскольку договор невозможен без общих оснований, на практике необходима хоть какая-то отправная точка для поиска согласия. Как же быть? Я думаю, вполне логично, очевидно и правильно, если договор начнется с определения понятия «договор», которое безусловно включает в себя отказ от всех видов насилия.

18 ИСТИНА И ПРАВДА

Возможно, наши беседы кажутся вам не слишком убедительными. Это объяснимо. Убедительны сложные научные тексты, с формулами и таблицами, ссылками и цитатами. Убедительны обстоятельные, трудные для понимания философские трактаты — ведь мир сложен, а значит недоступен непосвященным. И конечно, убедительны яркие художественные образы и железная логика. Ничего этого нет в наших беседах. Так можем ли мы считать объективную этику убедительно обоснованной? Мне кажется да, ведь она опирается на то что наиболее правдоподобно и весомо для каждого человека — на здравый смысл и чувство свободы. Что касается упрощенной формы и языка наших бесед — мир конечно сложен, но именно поэтому для его объяснения лучше использовать простые и ясные средства. В конце концов, наша цель — разобраться, понять.

Но если этика и кажется нам обоснованной, можно ли считать ее истинной? Для ответа надо выяснить, что значит «истинной». Однако, если мы спросим себя «что есть истина?», то увидим, что ответа на этот вопрос нет. Ибо не зная истины, мы не узнаем и какой ответ правилен. Выходит, истиной может быть все что угодно? Нет конечно! Как же быть?

Разобраться в вопросе можно, если сперва выяснить, зачем нужна истина. Затем, чтобы мы могли ей воспользоваться, могли действовать, могли менять мир в правильном направлении. Истина — то, без чего наши действия будут неправильными, иными словами сделают мир не лучше, а хуже. Вот почему вопрос об истине — не научный или отвлеченно-философский. Это прежде всего практический, и даже не столько практический, сколько моральный вопрос — ведь речь идет о нашей конечной цели. А значит, это не только истина говорит нам о верности этики, но и этика — о верности того, что мы считаем истиной.

Уже отсюда видно, что истина и свобода близки, ведь это именно свобода — то, к чему мы стремимся. Но свобода непознаваема, а истина не может быть непознаваема! В чем тут дело? В том, что истина — это та сторона свободы, которую мы видим, когда стараемся понять, познать мир. Можно ли познать истину? Да, но бесконечно малыми порциями — свобода гарантирует, что нам всегда будет что познавать. Если свобода вечно ускользает, истина остается с нами — как та часть знаний, в которых мы уверены на 100%. Есть такая притча. Ученик спросил учителя: Учитель, почему вы говорите, что мало знаете, ведь вы знаете намного больше меня? В ответ учитель нарисовал два круга — маленький и большой. Первый — твои знания, второй — мои. Заметь, чем больше я знаю, тем лучше я вижу, что не знаю еще больше. Итак, очередной парадокс, верный признак свободы. Чем больше мы знаем о мире, тем меньше мы о нем знаем, ибо чем больше мы знаем, тем ближе мы к свободе, а значит — тем менее понятным становится мир.

Как мы находим истину? Как мы знаем, что наши знания верны? Некоторые люди утверждают, что истина приходит им путем озарения или доносится голосом сверху. Однако более правдоподобно, что мы убеждаемся в ней своими глазами, а если глаз недостаточно, используем другие органы. Долгие наблюдения позволяют подметить повторы, выявить закономерности, придумать обобщения, и эти догадки и правда похожи на озарения. На некоторые закономерности можно опираться в размышлениях — так люди пришли к логике. Однако чувства, включая и чувство свободы, могут обмануть, а размышления — быть ошибочны. Как отличить личное субъективное мнение от объективной истины?

Надо посоветоваться с другими — примерно так же, как это происходило при дележке хлеба. Не существует никаких более объективных путей к истине, им просто неоткуда взяться. Соответственно, нет никакого абсолютного знания, постигнув которое можно стать навечно правым. Разум — продукт общества, наши знания всегда опираются на предыдущий опыт

человечества, а любой наш результат будет переосмыслен грядущими поколениями. Весь храм знаний, что построило, строит и будет строить человечество – результат общего, непрерывного договора. Поэтому можно сказать, что критерий окончательной истины – всеобщее согласие, которое, очевидно, так же недостижимо, как и свобода.

Тем же самым заняты ученые. Они наблюдают, размышляют, ставят эксперименты, проверяют результаты, пишут статьи, обсуждают и – приходят к согласию. Вы скажете – а разве не существует самоочевидных истин? Например, в математике? Математика – лишь модель, она применима к реальности только в простейших случаях. Чем ближе к свободе, тем менее она применима, и с другой стороны, тем менее самоочевидны становятся ее истины. Математики уже добрались до такого уровня сложности, что вынуждены опираться на доверие и договор – разобраться в их построениях трудно им самим.

Договор требует этики. Свобода каждого иметь собственный взгляд на мир является необходимым условием поиска истины, потому что если бы у всех было одно мнение, мы бы никогда ничего не нашли. Однако своего мнения недостаточно, необходимо стремиться к согласию. Но достижимо ли согласие в принципе? Да – в том случае, если есть нечто общее для всех нас. Верно и обратное. Если свободные люди пришли к согласию, нечто общее нашлось, ибо только на основе чего-то объективного возможно совпадение их уникальных, субъективных точек зрения.

А вдруг люди ошиблись и согласились с какой-то ерундой? Разве мало в истории подобных примеров? Да, и потому консенсус – лишь формальный критерий истины. Значит нужен и сущностный, формирующий основания для согласия. Некоторые считают им практику. Действительно, знания нужны чтобы применять их на практике. Но разве цель практики – доказать истинность знаний? Вовсе нет. Соответственно, почему бы некто не мог поставить себе цель, напротив, обмануть, выдать ложь за истину? Таких примеров тоже немало.

Отсюда следует, что не всякая практика, а лишь свобода, успешность движения к ней может быть сущностным критерием истины. Но подобная этическая практика связана не только с сущим, но и с должным. Значит истинность наших знаний об объективной реальности не может быть оценена вне истинности наших идеалов и целей. Посему дальнейший анализ истины требует разделить ее на две части – истину познавательную, которую будем называть просто истиной, и истину созидательную, моральную, в которой вы наверняка узнали правду. Что такое «просто» истина? Это верные теоретические, экспериментальные, юридические или обыденные знания о прошлом и настоящем, о детерминированной части мира, о его закономерностях и фактах. Правда же – это истинность будущего, это та правильность наших целей, планов и конкретных действий, которая ведет к свободе, позволяет отделить добро от зла.

Истина и правда не совпадают, как не совпадают сущее и должное. Каким бы верным не было наше знание о мире, оно не подскажет нам каким мир должен быть. Но есть и связь, как мы обнаружили в прошлый раз. Можно сказать, что правда – это «преодоленная» истина, ведь успешный результат требует преодоления законов детерминизма. Тогда успех подтверждает правильность наших действий, что в свою очередь подтверждает истинность наших знаний. Если мы смогли воспользоваться ими на общее благо, если все мы стали свободнее – мы можем быть уверены, что наши знания верны. А итоговый договор лишь формально фиксирует тот факт, что каждый его участник чувствует новую свободу.

Сказанное может показаться не вполне очевидным. Почему бы не обойтись одной истиной, без правды? Как иногда говорят – наука объективна, она не зависит ни от идеалов, ни от идеологий, ни от чьих-то субъективных интересов. Однако, это не так. Реальность – да, не зависит, но, во-первых, процесс познания движим людьми и в зависимости от того, какие цели ставят перед собой люди, процесс может привести

к противоположным результатам. Что логично — ведь сам научный консенсус невозможен без этики, без честного желания найти истину. Вторая причина заключается в том, что объективная точка зрения, чтобы быть действительно объективной, должна лежать вне наблюдаемого мира. Однако единственная такая «точка зрения» — это свобода, именно она противоположна детерминированной части мира являющейся объектом познания.

Или иногда говорят, что познание — это де такая неотъемлемая черта человека. С таким же успехом можно сказать, что неотъемлемая черта человека — например, смотреть телевизор. Познание — лишь часть процесса движения к свободе. Познание и преобразование мира неотделимы. Мы познаем процесс преобразования и преобразуем процесс познания. Познавая мир мы его меняем, а меняя — познаем. Истина «сама по себе» никому не нужна, а значит без правды нет истины. С другой стороны, без истины правда будет опираться на чистую веру, станет неотличима от религии.

Деление на правду и истину способствует лучшему пониманию наших действий. Как на практике мы приходим к твердому знанию? В обоих случаях — и в процессе поиска истины, и в процессе утверждения правды — мы стараемся предугадать будущее, а затем проверяем наши догадки. В случае истины, ученые строят гипотезы основываясь на наблюдении и анализе прошлого. Одного этого, конечно, мало — необходима интуиция, пронизательность, т.е. творческая энергия свободной личности. Затем ученые проверяют гипотезу. Проверка заключается в эксперименте, в сравнении предполагаемого и реального будущего. Можно ли раз и навсегда доказать верность гипотезы? Нет, можно доказать лишь ее неверность. Любое опровержение является окончательным приговором, в то время как совпадение, подтверждающее гипотезу, может быть случайным, объясняющимся неизвестными факторами. Почему это так? Почему убедительным является именно отрицательный результат?

Потому что нам не дано знать окончательную истину, мы

можем знать лишь ее противоположность — то, что неверно, неправильно. Будущее непредсказуемо, но теория пытается предсказать его — и потому она всегда остается лишь предположением. Ошибки же принадлежат прошлому, а прошлое убедительно, поскольку детерминировано. Детерминизм очень убедителен — никто в здравом уме не станет спорить с логикой или с силой тяжести. Поэтому, если проверка выявила противоречие с фактами или с логикой — это твердое, хоть и негативное знание. По сути, все наши знания — это знания о наших ошибках, хоть и выраженные в обратном, позитивном виде. Как вы думаете, не помогает ли сказанное объяснить парадокс из нашей притчи?

Итак, в случае истины основой консенсуса является детерминированная реальность запечатленная в прошлом. Как обстоит дело в случае правды? Как теперь мы предугадываем будущее? Как проверяем наши догадки? Теперь мы не наблюдаем мир, а отталкиваемся от реальности, познанной на первом этапе процесса. Нам надо преодолеть закономерное будущее, предсказанное нашими знаниями. Для этого мы придумываем как изменить мир, как сделать его лучше, и при этом мы опираемся на чувство свободы, которое проявляется во вкусе, в интуиции, в том, что мы принимаем одни идеи и цели, и отвергаем другие основываясь только на том, что кажется нам более или менее правильным.

Но как мы оцениваем результат? Откуда мы знаем о новой свободе? Как и в случае истины, мы не можем точно сказать, когда правы, но зато можем быть абсолютно уверены, когда неправы. И в этом нам опять помогает детерминизм. Мы можем чувствовать свободу смутно, но зато отчетливо ощущаем насилие, можем быть сомневаемся в новом, но уверены в избитом и надоевшем. Если в случае истины детерминизм убеждает нас своей логичностью и своей неизбежностью, то в случае правды он убеждает нас злом. Зло, в отличие от добра, наглядно и не требует дополнительного убеждения. Это вполне твердое знание. Соответственно, будущее лучше тогда и только тогда, когда в нем меньше зла.

(Тут я должен кое-что уточнить. В отличие от науки, где договор — реальность, в области морали договор пока умозрительен, он едва намечается среди мыслителей. Не следует принимать за процесс морального познания то, что постоянно происходит в жизни: войны, революции, геноциды, идеологическую вражду. Это лишь борьба гомо-сапиенса за ресурсы, не имеющая отношения к договору. «Мы» — не они.)

Таким образом, и в случае истины, и в случае правды, мы тестируем будущее, хоть и немного по-разному. Так мы движемся к свободе, отбрасывая то, что мы признаем неверным путем договора. Ни чувства, ни разум не могут дать нам окончательного знания, но зато помогают обнаружить промахи. Можно сказать, что если истинность и правильность — всего лишь правдоподобны, то ошибки и зло — вполне убедительны.

19 КУДА ИДЕТ ЭВОЛЮЦИЯ?

Вопрос о реальности свободы неизбежно упирается в проблему ее сосуществования с детерминизмом. Как оно возможно, если они исключают друг друга? И так ли уж будущее непредсказуемо? Может быть правы ученые пугающие нас «тепловой смертью» вселенной? А с другой стороны, если свобода — действительно объективное свойство мироздания, как можно в этом убедиться? Как она проявляется, помимо нелепых парадоксов и неясного будущего? Почему мы ее не видим, а видим только бесконечное множество всевозможных законов?

На самом деле свобода, а точнее следы ее пребывания, просто бросаются в глаза! Она реальна так же как реален наш мир, ибо без свободы он был бы совсем другим — вечно одним и тем же. И это был бы вовсе не наш мир — нас бы там просто не было, потому что в детерминированном мире ничто не появляется само по себе, потому что новое не вытекает закономерно из старого. Мироздание бесконечно и неисчерпаемо только благодаря тому, что в нем присутствует некое творческое, созидательное начало.

А значит мы вполне можем наблюдать свободу, ее работу, в том, что ученые называют «Большой эволюцией», эволюцией вселенной. Впрочем я думаю, мы можем смело добавить к этому и малую тоже, а также прогресс, который есть не что иное, как продолжение эволюции в обществе. Так что не будет большим преувеличением сказать, что без свободы не было бы не только нас, но и вообще ничего, не было бы самого мира, потому что все новое, что появляется в нем — появляется недетерминированно. И жизнь, и планеты со звездами, и сама вселенная — все это когда-то появилось первый раз, а значит свобода, несмотря на ее неуловимость, более чем реальна.

Из многих пар противоположностей, которыми мы пытались определить свободу, для понимания эволюции удобно взять пару «повторяемость/неповторяемость». Повторяемость позволяет нам наблюдать мир и открывать его законы, а неповторяемость, с другой стороны, отражает ключевой аспект свободы – рождение нового. Да, свобода никогда не повторяется. Можно ли открыть уже открытый закон? Сочинить уже сочиненную мелодию? Построить уже построенный дом?

И если бы все повторялось – откуда взялось бы время? Именно непредсказуемость свободы, ее «вневременность», делает его возможным. Иными словами, время – не только моральный, но и физический эквивалент свободы. Философ Бергсон заметил по этому поводу: «Время – это сотворение нового или вообще ничто». А все мы знаем, что время существует, что вселенная движется во времени, она не стоит на месте и не возвращается назад.

Вы можете возразить – а разве не существует однонаправленных детерминированных процессов? А как же второе начало термодинамики? Безусловно, такие процессы существуют, но они не порождают ничего нового, потому что всегда сопровождаются противоположными процессами. Например, рассеяние энергии (или, как принято выражаться, рост энтропии) компенсируется гравитационным самообразованием звезд (и вероятно другими неизвестными пока процессами образования космических объектов). Эта цикличность, повторяемость, наличие встречных процессов, приводит к динамической стабильности, которая в свою очередь делает возможным существование материальных объектов – от элементарных частиц до всей вселенной. Никакое существование не является раз и навсегда данным, застывшим. Материя постоянно движется, а потому детерминированность выражается в движении «по кругу», в бесконечном чередовании одних и тех же состояний, одних и тех существей. То новое, что когда-то породилось, порождается вновь и вновь благодаря тому, что вместе с его появлением появляются и соответствующие процессы рождения и распада. Например, мы говорим, что жизнь

«существует». Но как можно говорить «существует», если все живое обязательно умирает?

Вы скажете – а что с того, что движение идет «по кругу»? Разве это не создает время? Нет. Движение по кругу означает, что рано или поздно мир вернется в точности то состояние, что было в прошлом – т.е. ничего в мире не изменится. Однако это противоречит не только здравому смыслу, но и всему комплексу наших знаний. Время не повторяется, оно идет вперед. Вы скажете – ладно, допустим новое появляется. Но разве оно не может исчезать? Разве вселенная не может сначала развиваться, а потом деградировать? Опять нет. Если новое бесследно исчезло, это и означает, что вселенная вернулась в предыдущее состояние, и тогда мы можем сказать, что ничего не произошло. Если же подобное «новое» опять появится, оно уже не будет новым – это повторение, и мы тогда можем сказать, что у нас есть новый детерминированный процесс и соответствующий противоположный ему. Т.е. эволюция так или иначе сделала шаг вперед.

Факт эволюции опровергает неизбежность тепловой смерти. Материя развивается от простого к сложному и этот процесс, несмотря на его очевидность, не является закономерным. Сколько бы мы ни строили моделей, мы не сможем предугадать появление новых форм материи, а значит будущее остается непредсказуемым.

Вы опять можете возразить – но почему? Разве развитие не может происходить закономерно? Разумеется, нет. Ведь что такое закон? Это повторяемость, регулярность. Только так его можно увидеть, описать и проверить. Развитие же отрицает само понятие повторяемости. Какой бы «закон» не положили ученые в основание эволюции, его невозможно будет проверить, а значит это не закон а домысел. Вы скажете – но ведь у эволюции есть, должна быть причина! Да, и именно ее мы называем свободой. А поскольку эта причина, а вернее ее следствия, ее проявления, не могут наблюдаться регулярно и быть описаны законами, свобода остается непознаваемой.

Это кажется невероятным — ведь все процессы детерминированы, любое движение закономерно! Возьмем, например, появление жизни. Разве оно не гарантировано, когда для этого имеются все необходимые условия? И да, и нет. В этом дуализме сталкиваются детерминизм и свобода, ведь им надо как-то уживаться вместе! Жизнь появится как появится будущее — оно неизбежно, пока существует время. Но какой будет жизнь, каким будет будущее не в силах предугадать никто. И, кстати, когда она появится тоже, что означает — мы можем ждать вечно и ничего не дожидаться! А это обесмысливает любые гарантии.

Но тогда может вся эта новизна — лишь вариации, простые случайности? Этакие макро флуктуации в рамках статистических закономерностей? Ни в коем случае! Разве когда мы поступаем свободно, мы действуем случайно? Разве искусство может быть сведено к игре случая, как это одно время пытались сделать энтузиасты машинного творчества? Разве случайно эволюция идет только вперед, к все более сложным системам? Случайность — украшение детерминизма, и это твердо установили специалисты по квантовой механике.

В последнее время ученые тоже стали склоняться к этой точке зрения. Так физик Пригожин, открыв неравновесные системы, сказал: «Материя — более не пассивная субстанция, описываемая в рамках механистической картины мира, ей также свойственна спонтанная активность». Я думаю, мы можем дополнить эту мысль словами: «источник этой спонтанной активности — то, что мы называем свободой».

Идея всеобщего развития имеет давнюю историю, не менее давнюю, чем библейская мысль «ничто не ново под Луной». Однако причины, цели и механизмы этого развития до сих пор остаются загадкой. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку» сказал философ Гераклит и предложил идею развития в виде диалектики, по примеру диалога — когда стороны отстаивают свои точки зрения, а потом их спор рождает нечто общее. Идея

выглядит неплохо, особенно если отметить ее удивительное сходство с процессом договора, ведущего к свободе. Однако можем ли мы считать законы диалектики законами? Строго говоря нет. Эти законы – лишь красивые метафоры, как например «Закон единства и борьбы противоположностей» или «Закон отрицания отрицания». Они ни в коем случае не имеют предсказательной силы и никак не объясняют механизм появления нового.

Неважно обстоят дела и у ученых. Все их усилия обнаружить механизмы последовательного самоусложнения материи ни к чему не привели. Самое большее, что можно сказать – поведение материи в определенных условиях становится непредсказуемым уже просто потому что просчитать или смоделировать его слишком сложно, слишком много факторов играют роль в этих процессах. Не помогло ни одно из направлений исследований – ни Общая теория систем, ни Теория динамических систем, ни Кибернетика, ни Синергетика, ни Теория хаоса. (Конечно, это не значит, что сложная система каким-то образом имеет «свободу воли». Она все равно детерминирована – ее поведение подчиняется своим законам – и, поскольку оно так или иначе повторяется, его можно предсказать по меньшей мере статистически, неполнота наших знаний этому не мешает. Научились же люди предсказывать, например, погоду.)

Несколько лучше сложилась ситуация с объяснением эволюции живой природы. И сам факт ее наличия, и некоторые механизмы не вызывают сомнений, но неясным остается главное: как появляется новое – те все более сложные формы жизни, которые собственно и олицетворяют собой эволюцию. Сами по себе ни случайные мутации, ни тем более отбор, на это не способны. Попытки повторить ключевые ступени эволюции рукотворно – сконструировать искусственный интеллект или создать искусственную жизнь – также не увенчались успехом.

Куда же идет эволюция? К чему развивается материя? Разумеется к свободе! Куда еще может стремиться свобода,

лежащая в основании эволюции? Реализоваться, осуществить саму себя! Свобода — не только наша цель, но и цель всего мироздания, что, в принципе, вполне ожидаемо — иначе где бы мы сами взяли эту цель? Время идет в будущее, а что такое будущее? Это свобода — ее проявления, ее плоды. Свобода является тем общим, что характеризует, или отличает, все качественно новое — оно всегда более свободно. Конечно, измерять свободу так же трудно, как и понимать, но посмотрите — разве животные не свободнее мертвых тел? Разве более сложные системы не имеют больше степеней свободы? Разве умные люди не свободнее в своих поступках тех, кто слепо следует чужим советам? И разве сама свобода не символизирует для людей социальный прогресс?

Рост свободы наглядно проявляется в изменении характера детерминации — более сложные формы материи подчиняются и более сложной детерминации. Если мы можем описать движение камня в простых и понятных терминах причин и следствий, как описать поведение кошки или собаки? В их действиях мы тоже видим закономерности — они следуют законам выживания, но эти законы отражают уже не столько причинность, сколько целесообразность. А наше поведение? Разве наши свободные поступки имеют причины? Нет, но зато они имеют цели! Таким образом, причинностная детерминация, свойственная примитивным формам материи, вытесняется целенаправленностью. Поведение материи становится не только более свободным, в нем все явственней пропущает смысл!

Чем дальше идет эволюция, тем многообразнее становится мир и, соответственно, тем больше возможностей для появления нового. Иными словами, чем свободнее мир, тем быстрее он развивается. Эволюция, а можно сказать и само время, постоянно ускоряется, к чему мы, находясь на ее пике, прилагаем все усилия. И это логично! Если время — эквивалент свободы, то чем больше свободы, тем насыщенной, продуктивнее время.

Избежать законов детерминизма, однако, нельзя. Все новое, созданное свободой, он тупо повторяет, превращая в старое.

Повторения рожают законы и свобода подчиняется детерминизму — ведь законам нельзя не подчиняться. Ей приходится вновь творить, изобретая все более сложные и более свободные сущности. И потому мы не можем увидеть свободу. Как только мы добиваемся какого-то результата, как только мы воплощаем наш замысел в реальность, он вписывается в детерминизм соответственно его законов. Достижение результата обесценивает его и мы вынуждены ставить новые цели — ибо свободу невозможно обесценить. Она ускользает, она манит нас, чтобы опять на мгновение проявиться в чем-то неожиданном и необычном, что тут же превратится в старое и привычное. В этом и заключается ответ на вопрос «как могут уживаться детерминизм и свобода?» В этом же и ответ на вопрос — а что там было в начале? А также и на вопрос — что будет в конце: победа Добра, ужасная Тепловая смерть или полная неизвестность?

20 ОТ ПОЛЬЗЫ К КРАСОТЕ

Если вы решили, что свобода, к которой идет эволюция, гарантирует неминуемую победу добра, то это, конечно, не так – свобода не гарантирует даже собственное существование. Отсюда следует кстати, что и сама эволюция не гарантирована. Это касается и эволюции общества. Как мы говорили, прогресс хоть и ведет нас к свободе, не закономерен и не неизбежен – добро само по себе не победит. Его необходимо творить своими руками. Причем как и в случае эволюции, главное здесь – творить, создавать новое. Именно творчество делает людей свободнее.

С этим согласны не все. Некоторые полагают, что главная роль принадлежит рабочим и иным «пролетариям». Действительно, как например сочинение музыки помогает прогрессу, делает людей свободнее? Прогресс проявляется прежде всего в умножении практических благ, высвобождающих нас из тисков необходимости. Потому главное – труд! Именно труд создает блага, а он вовсе не обязательно связан с творчеством. На самом деле, конечно, связан. Во-первых, труд – это коллективный процесс. Сотрудничество – единственный способ производить больше, чем человеку нужно. Если каждый станет сам делать себе все необходимое, люди вернуться в пещеры, поскольку окажутся способны лишь собирать бананы. Сотрудничество же требует открыть в себе уникальные способности, стать личностью. Во-вторых, что еще важнее, польза труда прямо зависит от его созидательности, его творческого наполнения. Нетворческий труд наименее полезен.

Чтобы разобраться почему это так, представим все блага в виде пирамиды, на вершине которой – несколько абстрактных, таких как свобода, справедливость, истина, а в основании – множество конкретных товаров и услуг, доступных людям

ежечасно и повсеместно. В середине пирамиды находятся институты, технологии, знания, организации и тому подобные общественно полезные сущности, которые делают возможным производство конкретных благ – от идеи до ее практического воплощения. Легко догадаться, что за видимым прогрессом в материальных благах стоит невидимый, но гораздо более существенный прогресс – в социальных институтах, в знаниях и идеях делающих эти блага возможными. А потому, в то время как все блага важны и полезны, чем выше на пирамиде располагается благо, тем более оно ценно.

Вы, однако, можете возразить, что напротив – чем ниже, чем конкретнее благо, тем оно полезней. Что за прок от истины, когда нечего есть? В этом возражении присутствует здоровое зерно. Однако польза от конкретного блага, в силу конкретности, есть польза также для кого-то конкретного, и по этой же причине польза практического блага всегда субъективна. Говоря иначе, практическая польза заметнее человеку просто потому, что ему трудно увидеть всю пирамиду целиком. Он не понимает, что хлеб, например, невозможно сделать доступным, если в обществе нет стремления к справедливости. Предпочтение конкретных благ свойственно людям недалеким, не склонным задумываться, живущим одним днем.

Создание личного практического блага особого вдохновения не требует. Наши потребности и возможности хорошо известны, надо лишь следовать по стопам множества людей. Но стоит только человеку задуматься о пользе другим, как его цели и соответственно его труд становятся менее практичными. Без вдохновения тут уже не обойтись. Отказывая себе в удовлетворении потребностей, трудясь ради других, человек вынужден отказываться и от субъективности, он как бы мысленно поднимается по пирамиде благ – его цели становятся все объективнее, все ближе к свободе. А чем объективнее польза, тем больше творчества она требует, тем сильнее надо напрягать мозги, углубляться в отвлеченные материи. Общее благо мало зависит от непосредственной нужды, от насущной необходимости. Легко освободить себя от голода, раздобыв

кусочек хлеба, но куда трудней освободить других, придумав как выпекать хлеб быстро и продавать дешево.

Не только объективная польза требует творчества, но и, наоборот, само творчество нацелено на объективную, а не на субъективную пользу, на абстрактные, а не на конкретные блага. Можно представить как человек мастерит что-то для себя, но невозможно вообразить, чтобы он, например, сочинял для себя музыку.

Между объективной и субъективной пользой есть интересная и неочевидная связь. Поскольку абстрактные, вечные блага на вершине пирамиды порождают более практические этажами ниже, они делают их более многочисленными и доступными, а значит и менее ценными. Объективные блага как бы уничтожают субъективные, а люди, создавая их, делают нетворческий труд все менее нужным и менее полезным, освобождаются от него. Это хорошо демонстрирует прогресс. Чем больше развито общество, тем больше люди там заняты творчеством, тем меньше нужда в монотонном, неквалифицированном труде, тем меньше роль «пролетариев».

Однако непосредственная практическая польза — очень сильный мотив, заставляющий людей действовать. Достаточно ли одного стремления к свободе, чтобы пересилить этот мотив, отказаться от личного блага и выбрать общее? Нет ли у свободы каких-то дополнительных средств, чтобы побудить людей к творчеству?

Есть. Одно из них мы называем красотой. Красота — то, что отличает все новое. Чем новее, необычнее творческий результат, тем он красивее. Вы спросите — какая тут связь? Практические блага полезны и уже в силу этого нужны, но идеи, особенно абстрактные, не несут никакой практической пользы. В чем же их смысл, в чем притягательность? Они красивы. Красота как бы подменяет пользу, она подталкивает людей к творчеству, помогая отвлечься от практичности, возвыситься над повседневностью. Как ей это удается? Красота вызывает восхищение, причем

именно своей необычностью, несводимостью к чистой рациональности. Так, посредством чувств, свобода доносит до нас ценность того, что нужно нам само по себе, независимо ни от его полезности, ни от каких-либо еще практических соображений. А разве не такова ценность общего блага, не несущего прямой пользы а тем более выгоды?

Красота – это проявление свободы, это один из способов, каким мы ее чувствуем. Свободное не может не быть красивым, так же как и красивое – свободным. Есть два вида красоты – естественная, присущая природному, и искусственная, присущая творениям человека. Но какой бы ни была красота, какой бы она ни казалась субъективной – красота объективна, как и стоящая за ней свобода. И так же парадоксальна, ведь при этом она требует собственного вкуса, собственного взгляда на мир.

Через естественную красоту мы «видим» свободу вокруг нас, видим ее плоды – полет птицы, бег лошади или, скажем, краски заката. Природная красота не просто отвлекает от практичности. Она вдохновляет и будит воображение, она как бы зовет освободиться от привычных тягот, зовет познать мир, оценить его совершенство и возвыситься до него. Также и красота сильного человека – благородство, мужество, независимость. Интересно, что даже на примитивном уровне наши желания часто манят нас чем-то красивым. Скажем, если человека в пустыне мучает жажда, то мираж рисуется ему не просто соблазнительным, но и восхитительным. Свобода, которая кроется за нашей мечтой, придает ей красоту.

То же самое в искусстве. Когда художник или писатель изображает жизнь и людей, задача красоты в том, чтобы помочь нам прочувствовать и переосмыслить действительность, увидеть нечто новое и освободиться, осознав то, что мешает или то, к чему надо стремиться. Искусственная красота питает наш дух свободы, зовет к победе над действительностью. Если же мыслить красоту творения как идеал, совершенство, как отсутствие изъянов, то свобода – очевидный эквивалент красоты. Свободное правильно, а правильное не надо менять, в нем нет

недостатков.

Значит ли сказанное, что в красоте совсем нет пользы? Давайте подумаем. Смысл красоты в том, чтобы подняться над пользой, переступить ее. Но зачем? Чтобы творить – не ограничивать себя имеющимся, а искать что-то новое. Чем выше по пирамиде мы поднимаемся, тем меньше практической пользы в результатах, но тем больше в них красоты. Если практическая польза дает нам краткий миг свободы сразу, красота ведет нас в будущее – красиво все, что обещает свободу, зовет трудиться ради нее. И этот труд рано или поздно принесет пользу. А значит можно сказать, что красота – это будущая польза, причем польза для всех.

Вы спросите – но в чем же тогда такая польза музыки, например? Да, создание нематериальных ценностей кажется занятием бесполезным, бессмысленным, но на самом деле культурная оболочка – это фактор укрепляющий этику коллектива. Искусство формирует идею человеческой общности, порождает чувства причастности и единства, вызывает желание сохранить и преумножить общие культурные ценности, наполняет высоким смыслом коллективную идентичность. Согласитесь, что это куда важнее преходящих материальных благ! Иногда бывает трудно найти компромисс между пользой и красотой. Иногда кажется, что есть полезные, но некрасивые вещи, и есть красивые, но бесполезные. Однако, как показывает та же практика, польза от безобразных вещей бывает недолгой. С другой стороны, красивые безделушки не только приносят радость, но и наполняют собой культурную оболочку, скрепляют единое смысловое пространство. Через красоту, через собственный вкус, люди ищут и находят то общее, что сближает их – ведь красота притягивает. Так искусство, даже то что кажется «чистым» и «бесполезным», оказывается общественным механизмом способствующим свободе.

Свободный человек не может обойтись без красоты. Он никогда не удовлетворяется одной практической пользой, он всегда старается сделать красиво. Посредством творчества он

выражает себя, свою оригинальность, уникальность личности, свою свободу. Красота результата — это своего рода личная подпись человека, свидетельство его существования не как биологического объекта, гомо-сапиенса, а как творца.

И все же — почему свобода использует красоту в качестве магнита для творчества? Разве не достаточно таких вещей как добро или общее благо? Разве люди не могут менять мир к лучшему, полагаясь только на них? Трудно сказать. У человека нет способности напрямую усматривать добро или общее благо, так же как нет способности непосредственно чувствовать свободу. Все это остается на уровне интуиции, догадок, прозрений. Наше чувство свободы слишком смутно, мы гораздо увереннее чувствуем ее противоположность — мы ищем добро отталкиваясь от зла, мы стремимся к общему благу отрицая эгоизм, мы идем к свободе преодолевая насилие. Красота — то, вероятно единственное, проявление свободы, которое мы ощущаем непосредственно. Хотя, конечно, не менее остро мы чувствуем и противоположность красоты — пошлость, безвкусицу, уродливость.

То, что красота — средство для свободы, видно из того факта, что красота, побуждая к творчеству, не может однако служить его результатом. Не существует «чистой» красоты и, соответственно, мы не можем полагаться на нее, использовать, применять для чего-то. Так, красота теории не может выступать фактором ее правильности, а красота технического решения еще не гарантирует его успешной применимости. Красота неформализуема, не существует методов увязки красоты ни с истиной, ни с чем-либо еще. Между тем, истина, как и любой правильный творческий результат, не может не быть красивой.

Существует соблазн мыслить пользу и красоту как качества, или атрибуты, соответственно, средств и целей. Однако так же как красота не может служить целью, средство не может олицетворять чистую пользу. Свобода предоставляет человеку простор для выбора не только целей, но и средств. И как водится, свободный выбор оказывается не таким уж свободным — ибо

красивые цели не могут достигаться некрасивыми средствами.

21А КАЖДОМУ СВОЕ?

Красота творческого результата несомненно радует человека. Однако результат должен приносить и пользу, пусть не сразу. И если красотой все желающие могут наслаждаться сколько душе угодно, польза требует большего – она требует правильной организации общества, такой организации, при которой каждый приносит пользу всем. Подобное общество является также максимально справедливым. И это не совпадение. Именно справедливость обеспечивает правильную организацию общества.

Когда мы рассматривали дилемму «личный успех или общее благо», мы пришли к выводу, что справедливость несовместима с личным успехом – такой успех возможен только за счет других, ибо справедливые правила неизбежно ограничивают шансы на победу. Мы также выяснили, что этика посредством правил ведет нас к свободе, магически соединяя личное и общее. Вы наверняка подумали тогда – что это за справедливость, если человек поступает личным ради общего? Что это за свобода, если он отдает больше, чем получает?

Чувство справедливости подсказывает, что человек должен получать от общества соответственно вкладу, соответственно пользе, которую он приносит всем. Так сказать, от каждого по способностям – каждому по полезности. Тогда успех и будет заключаться в том, чтобы внести как можно больший вклад в общее дело, реализовать по максимуму свои таланты, свою творческую энергию. Но что значит «соответственно»? Эквивалентно? Адекватно? А может все же человек должен получать от общества больше, чем отдает? В чем смысл общества, если оно лишает нас благ? Вы спросите – но где ж тогда оно все это возьмет? Ответ в том, что общество способно накапливать ценности, которые долго или даже никогда

не кончаются, например знания. Вспомните пирамиду благ. Творя, человек создает задел на будущее, создает абстрактные блага для потомков, а взамен пользуется конкретными, появившимися благодаря предыдущим поколениям. Так общество порождает блага, которые по отдельности никто никогда бы не получил.

Как этика организует подобное сотрудничество – и между современниками, и между поколениями? Как работает ее магия? Соответствующие функции этики можно разделить на две части. Первая – создание условий для реализации способностей человека, вторая – оценка и вознаграждение его вклада. Очевидно, что если вторая часть отсутствует, первая не имеет смысла. Поэтому начнем со второй части.

Учет благ, обмениваемых между человеком и обществом, требует формализации. И люди уже придумали деньги, универсальный эквивалент практических благ, а также собственность, которую они символизируют. Следующим шагом на этом пути будет придумать процедуру, которая бы оценивала и вознаграждала вклад каждого. Без процедуры справедливость невозможна. Скажем, в игре или в соревновании победа засчитывается только если она достигнута по правилам. То же самое в жизни. Правосудие – это справедливость отпечатанная, или скорее, вытекающая из буквы закона. В следовании правилам заключается смысл процедурной справедливости. Неважно каков результат – если он получен в строгом соответствии с правилами, он справедлив. Однако ясно, что процедурная справедливость чисто формальна. Ведь если мы видим, что результат оказался несправедлив, правила составлены неверно. Но как надо составлять правила общества, чтобы исключить несправедливый итог? Как добиться, чтобы личный вклад каждого был объективно оценен и адекватно вознагражден?

Попытки найти правильную процедуру пока не увенчались успехом. Есть два диаметральных подхода. Один мы видели при так называемом «реальном» социализме – когда процветали

уравниловка, пренебрежение личным вкладом с одной стороны, и неоправданные бюрократические привилегии с другой. Зеркальная ситуация наблюдается при «свободно-рыночном» капитализме, где главенствует закон выживания сильнейшего. Для многих второй подход воплощает своеобразную «естественную» справедливость, ведь в борьбе и должны побеждать сильнейшие! Правда апологеты «естественного» предпочитают умалчивать о том, что побеждают не сильнейшие личности, а сильнейшие группы, поскольку в одиночку противостоять группе бесполезно.

Если сравнить две названные модели с точки зрения этики, следует признать, что социализм — шаг вперед, хоть и номинальный. Это более новая и более сложная модель, она отвергает всю предыдущую борьбу за выживание и осознанно строится на правилах, нацеленных на общее благо, как бы превратно оно ни понималось. Капитализм же, как мы видели, внутренне несовместим с правилами. Он лишь пытается облагородить борьбу за выживание и с этой целью запрещает некоторые виды насилия, в то время как другие, напротив, ради эффективности даже поощряются. Однако, несовместимость правил с борьбой порождает противоречие, которое неизбежно ведет к разрушению капитализма — или к постоянному наращиванию социальной роли государства и, таким образом, переходу к социализму или, что вероятнее в условиях морального упадка, к окончательному уничтожению рынка структурами сумевшими победить конкурентов и захватить власть.

Сравнение моделей показывает насколько важно иметь цель общества. Вы, возможно, возразите — у капитализма тоже есть цель, она даже называется «свобода»! Да. Однако, во-первых, эта цель недостаточно продумана. Либеральная свобода личности, свобода «добиваться успеха», сводится лишь к свободе от физического насилия, а также некоторых видов мошенничества и воровства. Но как быть с иными видами насилия, например экономическим, которое уничтожает свободу не менее эффективно? Во-вторых, исправить эту цель нельзя без

изменения модели. При социализме, теоретически, если обнаружилось недостаточно правильное понимание цели, ее можно скорректировать.

Пример социализма показывает также насколько важно понимать сущность цели. Именно этого не хватало в том социализме, который выстроили в СССР и который правильно называть «коммунизмом». Дело в том, что плановая экономика в масштабах всего общества не только технически нереализуема, она, в отличие от правил, не совместима со свободой каждого принимать самостоятельные решения. План – позитивное требование, в то время как правило – негативное. План – это признак коммунизма, ибо когда общество превращено в огромную коммуну, его управление требует высокой централизации. Достижение общей цели не требует жесткого плана, как впрочем и непрменной общей собственности на «средства производства». Важнее экономические и финансовые правила, заменяющие конкуренцию честным соревнованием. Рынок, экономический обмен – это форма договора и заменять его принуждением нельзя.

Обмен должен опираться на формальные единицы ценности. Однако достаточно ли денег в качестве вознаграждения? Нет. Свобода, а именно она лежит в основе любого честного обмена, не сводится к практическим благам. Люди могут хотеть и признания, и уважения, и известности. С другой стороны, вознаграждение предполагает предварительную оценку. Но как оценить вклад человека, если результат творчества – что-то новое? Хуже того, чем абстрактнее творческие результаты и следовательно чем они важнее, тем менее они поддаются формальной оценке! Выходит, справедливость невозможна?!

Тут вы наверное заподозрите неладное. В жизни справедливость ассоциируется не только с наградой за труд, но и с расплатой за вред, и при этом она частенько торжествует. Получается, одни оценки могут быть справедливыми или нет, а другие не могут? Для ответа заметьте, что справедливой может быть кара, возмездие, наказание, компенсация – т.е. то, что

опирается на оценку насилия. А ответное насилие вполне может быть соизмеримым. Мы видим здесь ту же асимметрию, что и в негативности этики, в познании свободы от противного. В данном случае, мы можем оценить вред, ущерб – потому что он детерминирован, мы его понимаем, можем сравнить. Эти знания позволяют выстроить процедуру, и тогда мы можем говорить о справедливости и самой процедуры, и действий сделанных в соответствии с ней. Иными словами, несправедливы деяния ведущие нас в прошлое, в мир детерминизма, лишаящие нас благ, а ответ, соответственно, справедлив если возмещает утраченное.

В случае же движения в будущее, к новым благам и новой пользе, говорить о справедливости пока рано. Свобода не может быть формализована, а удачный творческий результат – это всегда шаг к свободе. Иногда предлагают учитывать трудозатраты – как говорится «каждому по труду». Но разве творческий вклад равен потраченному времени? А как насчет пользы? Если при капитализме люди трудятся ради личного блага, то при коммунизме, как выяснилось, вообще трудились зря.

Как же подступиться к проблеме справедливого обмена?

Начнем с того, что хотя объективная оценка конкретного вклада по традиции называется справедливой, это, конечно, не совсем правильно. Нельзя придумать модель, которая бы объективно оценивала каждый конкретный вклад. Ни рынок, ни госплан на это не способны. А справедливость – это качество именно социального института, процедуры, а вовсе не отдельного действия по оценке пользы или ущерба. Отдельное действие может быть справедливым только если оно олицетворяет соответствующий институт, как например, судебное решение. Или скажем, человека можно назвать справедливым только если он выступает в некой социальной роли, например, является судьей или начальником раздающим премии.

Далее, каждый из нас является потребителем общественных

благ – мы постоянно взаимодействуем с обществом и оцениваем эти блага. Однако обычно мы оцениваем их с точки зрения не столько некой социальной роли, всего общества или абстрактной справедливости, сколько личной субъективной пользы. Когда мы приходим в магазин и видим цены, мы думаем не о справедливой цене, а в лучшем случае об адекватной, разумной или честной. Аналогично, когда хозяин устанавливает зарплату работнику, он отталкивается в лучшем случае от общепринятой или средней по рынку.

Однако очевидно также, что без объективной оценки труда невозможна никакая справедливость. Откуда же она возьмется? Из итога. Об объективности и следовательно о справедливой награде за труд правомерно говорить когда человек оценен в целом или за какой-то период времени, когда проявилась работа социального механизма, когда блага материализовались. Хотя каждый шаг к свободе не поддается формализации, она возможна если иметь дело с итогом проекта, длительной работы или жизни человека, поскольку все это уже в прошлом.

Мы видим тут явное противоречие между личным и общим. С одной стороны понятно, что только из пользы каждого складывается польза всех. Но с другой, как люди, учитывая только свой интерес и свою пользу, могут обеспечить справедливость итога? Кроме того, так ли уж хороша справедливость после смерти?

Единственный выход в том, чтобы человек каждый раз выступал от лица всего общества, включая, как ни трудно, потомков. Этика не оставляет нам иного выхода. Она требует, чтобы в каждой субъективной оценке конкретного результата человек стремился быть объективным, поднялся над эгоизмом, увидел всю пирамиду благ целиком, почувствовал как труд других вносит вклад в общее дело. Он должен постоянно соотносить свою личную цель с целью общества. Что, разумеется, вполне естественно для свободного человека. Ведь он как раз и думает не о своей выгоде, не о своем успехе за счет других, а об успехе общества как целого.

В акте честной оценки каждым каждого и заключается решение проблемы справедливости обмена и справедливости общества. Справедливая процедура возможна – но если на каждом шаге она сочетается с этикой, со стремлением к общему, а не к личному благу. Другой важный вывод – поскольку объективная оценка других – тоже своего рода творчество, сотрудничество – это не просто совместный труд, но совместное творчество.

21Б СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Итак, моральный долг каждого не только трудиться на общее благо, но и объективно оценивать труд других, воздавать им по заслугам. В правильном обществе у всех одна цель – свобода. Если цели разные, невозможна объективная оценка, если цель не свобода – невозможно справедливое вознаграждение.

Часто, однако, справедливость понимается иначе. Так, распределяя блага и тяготы, права и обязанности, люди склонны или делить их поровну, или же принимать во внимание посторонние факторы – например, возраст, семейное положение, здоровье. С точки зрения этики все это несправедливо. Напомню, для этики люди – абстракции, в публичной сфере личное не имеет значения.

Что бы понять, почему так происходит, надо рассмотреть справедливость ближе. Скажите, разве справедливо, если преимущество (или поблажку) люди получают благодаря личному знакомству, родству или сговору? А благодаря сходству в политических взглядах? А благодаря иному сходству – этническому, религиозному? А справедливо ли преимущество, полученное благодаря неравномерному распределению капиталов – например, может ли быть честной конкуренция между огромной компанией и мелкой фирмой? Между популярным брендом и новой маркой? Между миллионером и нищим? А, скажем, между знаменитым и молодым, никому не известным, но не менее талантливым писателем? Особенно, если один родился в передовой культурной державе, а второй – в захолустье, где и читателей толком нет?

Вы скажете – выходит любое неравенство несправедливо? Но люди, а тем более страны, неравны! Их невозможно уравнивать! Да и надо ли? И тем не менее, все люди хотят иметь максимум

возможностей несмотря ни на что, а каждая уважающая себя страна — догнать лидера. И это правильно — между неравными договора не получится. Но как на практике осуществимо равенство? Как его даже корректно сформулировать?

Обратимся опять к чувству справедливости. Теперь оно говорит, что нам надо найти баланс между равенством и неравенством, одновременно уравнивать людей в условиях творчества и различить по его результатам. Тогда, получая от общества строго по заслугам, люди будут равны в начале жизни и не равны в ее конце. Справедливость тоже ранжирует людей, но в отличие от насилия, сохраняя их моральное равенство, равенство в свободе. Увы, практическая реализация этого простого принципа так же трудна как и все, связанное со свободой. Блага, ресурсы, возможности ограничены, они все время меняются, а люди вступают в жизнь не одновременно. Неравенство полученного от общества влияет на условия творчества, в свою очередь делая их неравными. Кроме того, люди трудятся ради будущего, а получить по заслугам им хочется еще при жизни.

Как же подойти к решению этой задачи? Как всегда, когда мы имеем дело со свободой. Насаждать в обществе равенство не менее бессмысленно, чем принуждать к свободе. Моральное равенство не сводится ни к фактическому, ни к формальному. В первом случае мы получаем уравниловку, уничтожающую стимулы к творчеству, во втором — разгул фактического неравенства, уничтожающий равенство прав. Где же выход? Во-первых, равенство не самоцель, а потому формулировать его вообще никак не надо. Во-вторых, оно достигается устранением того, что ему мешает. Ведь как вы помните, к свободе мы идем от противоположного.

Что же ему мешает? Всевозможное социальное насилие, ставящее людей в неравноценные, конфликтные, иерархические отношения. Это не только физическое или экономическое, но и информационное, идеологическое, психологическое, даже «историческое», когда некоторые получают преимущество просто

по факту удачного рождения — в нужной стране или в нужной семье. Борьба этики с подобным насилием и составляет первую часть ее функций по организации честного сотрудничества, о которой я упомянул в прошлый раз. А плодами этой борьбы являются правильные общественные институты, ибо смысл существования любого правильного института — устранение одного или нескольких видов насилия. В этом же заключается и сущность, содержание справедливости в отличие от ее формы, процедуры.

Но разве обязательно несправедливость связана с насилием? Обязательно. Не только несправедливость ведет к насилию, но и насилие, если оно приобретает или может приобрести систематический вид, ведет к несправедливости. Несправедливость — всегда следствие насилия. Если человек незаслуженно лишается перспектив — это потому, что возможности были перераспределены в чью-то пользу. А такое бывает только если вместо договора применялся тот или иной вид насилия.

Пожалуй, единственный случай, когда мы можем говорить о равенстве в формальном смысле — это чрезвычайные обстоятельства, например война, катастрофа или, наоборот, открытие каких-то природных богатств. В такой ситуации справедливость требует поровну распределять тяготы или блага, которые свалились на общество. Почему? Чтобы не создавать ненужного неравенства. При этом справедливость опять пытается уравнивать неуравниваемое. Хотя казалось бы равенство тут можно вычислить, она неожиданно требует учитывать факторы, лежащие вне этики, например — количество детей или состояние здоровья. Почему объективная этика тут «дает сбой»? Потому что чрезвычайные ситуации этикой не покрываются. Свобода невозможна, если общество оказалось например в состоянии войны. Чрезвычайные ситуации потому и называются чрезвычайными, что в обществе нет готовых механизмов для их исправления. А если и есть, они требуют перехода от договорной модели к мобилизационной, т.е. опираются не на этику, а на героическую мораль. Сказанное объясняет, почему люди

иногда путаются в справедливости — им бывает трудно отличить нормальную ситуацию от чрезвычайной, ведь мы живем в насильственном обществе, в условиях непрерывной борьбы.

Отсюда видно, что справедливость, как в принципе и свобода, выходит за границы этики. Не удивительно поэтому, что она пересекает и границы публичной сферы, проникая в личные отношения. Так же как в этих отношениях неизбежно проявляется свобода выбора, справедливость, прозябая в тени любви или дружбы, тем не менее вступает в свои права, когда необходимо выровнять отношения, сбалансировать коллективные или семейные роли. Ибо права и обязанности в коллективе должны быть хоть немного уравнены, а отношения между близкими — непременно учитывать их моральное равенство.

Тут можно увидеть определенное сходство с достоинством. Достоинство тоже поддерживает баланс в отношениях, подчеркивая равенство каждого и одновременно — право на собственную уникальность. В чем разница? Достоинство присуще отдельным людям и характеризует их отношение к другим, оно выражает моральную ценность человека. Справедливость же характеризует социальные отношения, это качество и соответственно ценность института, организации, процедуры. Справедливость приложима к отношениям конкретных людей только в той степени, в какой эти отношения являются частью социального механизма. Аналогично достоинству, если этот механизм несправедлив, он унижает людей. Однако обратное неверно — не всегда унижение, как и насилие, является следствием несправедливости. Например, если вам нахамили в трамвае, унизительно это? Да. Несправедливо? Нет. А если для проезда вас, следуя некой инструкции, заставили заплатить больше всех, несправедливо это? Да. Унизительно? Да.

Также можно провести параллель между справедливостью и истиной. И то, и другое относится к деятельности. Истина — к познанию, справедливость — к сотрудничеству. Если истина —

то, что надо знать, чтобы успешно действовать, справедливость – то, как надо организовать сотрудничество, чтобы оно было успешным. Если истина – то, на чем основаны верные знания, справедливость – то, на чем основаны правильные механизмы взаимодействия. И точно так же, несмотря на то, что и за тем, и за другим стоит недостижимая свобода, и истина, и справедливость на каком-то этапе, в какой-то степени реально достижимы. Справедливость в жизни вполне может восторжествовать, но это состояние всегда временно, путь к абсолютной справедливости так же бесконечен, как и к абсолютной истине.

Возьмем в качестве иллюстрации этой недостижимости такое на первый взгляд простое и очевидное понятие как равенство перед законом. Неужели оно может быть, хотя бы теоретически, несправедливо? Судите сами – разве равны молодой человек, не знающий законов, запутавшийся в своих чувствах, и матерый рецидивист, прошедший все тюремные школы жизни? Допустим они совершили одинаковые проступки. Должны ли они быть наказаны одинаково? А скажем, если обвиняемый занимал высокую должность, показывал пример множеству людей, если он обладал общественным доверием и предал его – разве не должен он быть так же показательно наказан? А возьмем повязку на глазах Фемиды. Как можно верить людям на слово, не заглядывая в глаза? Действительно ли они раскaiваются? А можно ли одинаково верить человеку, всю жизнь честно трудившемуся на общее благо, но оказавшемуся в безвыходном положении, и бездельнику изнывающему от скуки?

Существует и проблема разграничения социального и природного детерминизма, на которую любят ссылаться противники справедливости. Как могут люди находиться на одинаковых стартовых позициях, вопрошают они, если у них разные природные способности? Разве тот факт, что природа одаривает людей по-разному, не исключает любую возможность справедливости? Разумеется нет, но лишь в той мере, в какой сами люди приложили к этому руку – например, создав для своего ребенка особо благоприятные условия. Конечно, провести

названую границу не просто, человек — часть природы. Однако согласитесь, как несправедливо лишать человека природных способностей, так же несправедливо не вмешиваться, если возможности получены за счет других и доступны лишь избранным.

Подведем итог. Неприятие насилия показывает, что чувство справедливости — это чувство свободы, но возникающее в процессе сотрудничества, в оценке человека и его роли, а сама справедливость — инструмент свободы, ее проявление в организации любых долгосрочных отношений, любого прочного коллектива — от семьи до всего общества. Справедливость противостоит социальному детерминизму, помогает устранить перекосы в устройстве общества и создать правильные социальные институты, гарантирующие каждому возможности для продуктивной деятельности, творческую свободу и заслуженную награду.

Таким образом, справедливость — основополагающее качество социальных институтов. Вы, как водится, можете возразить — но действительно ли это так? Разве не полезность людям, не эффективность — главное их качество? Беспольный институт никому не нужен! Тут и зарыта собака. Институт не может быть полезным, если он несправедлив, поскольку институт который полезен лишь некоторым, так или иначе вреден всем остальным. Справедливость обеспечивает пользу от деятельности, но пользу общую, объективную. А иная польза не так уж и полезна.

Иногда, в приложение справедливости к обществу, говорят об особой «социальной» справедливости, подразумевая, что преимущество получают наиболее угнетенные. Это не более чем извращение, призванное затушевать результаты работы несправедливых общественных механизмов и тем самым, фактически, увековечить последние. Подобная справедливость, вместо того, чтобы содействовать исправлению этих механизмов, занята перераспределением благ уже заведомо несправедливо распределенных. И хотя исправлять результаты необходимо,

важно помнить, что нет справедливого результата без справедливой процедуры.

22 ВЛАСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Поскольку в свободном обществе каждый приносит пользу всем, то, вероятно, такое общество максимально эффективно. Но так ли это? Ведь очевидно, например, что если ленивого человека не заставляя, он ничего и делать не станет. Часто, оправдывая капиталистическую эксплуатацию, утверждают, что капитализм очень эффективен, особенно по сравнению с коммунизмом, который сильно проигрывал в этом отношении. Проигрывал до такой степени, что люди в итоге променяли его «справедливость» на сто сортов колбасы. Давайте разберемся.

Действительно ли эксплуатация эффективна? Несомненно. Насилие всегда гарантирует результат, и чем более оно жестоко, тем более оно эффективно. Для примера достаточно посмотреть, что сотворила природа своей безмерной жестокостью – она сотворила нас! Кровавой борьбой за выживание объясняется почему лучшие представители гомо-сапиенса наконец задумались и отказались от насилия, став людьми. Но как же насчет эффективности?

Спросим себя – зачем нам эффективность? Чтобы успешнее двигаться к свободе. Но как могут сочетаться свобода и насилие? А потому, если насилие и эффективно, то точно не для нас. Ибо чем более эффективно насилие для тех, кто эксплуатирует, тем менее – для тех, кого. А раз нет эффективности для всех – ее нет вообще. Эксплуатация – это присвоение чужой эффективности.

Посмотрим под этим углом на капитализм. Эффективен ли он? Нет. Как не может быть хорошим общество, где одним хорошо за счет других, так и не может быть эффективным общество, где у всех противоположные цели. Это только

на первый взгляд капитализм требует от каждого работать эффективнее остальных, в реальности для «эффективности» достаточно мешать конкурентам. Но может тогда при социализме, в случае общей цели, насилие оправдано? Разве плохо насилие ради самих людей, ради их же блага? Скажем, к труду принуждать, зато результаты честно делить на всех? Я думаю, ответ очевиден. Насилие — это всегда эксплуатация. Только сам человек вправе решать достойна ли цель его усилий. Только честное приложение собственного труда позволяет человеку объективно оценивать труд других, определять ценность как их творческих результатов, так и благ производимых обществом.

Здесь кроется и ответ на вопрос — почему коммунизм оказался неэффективным. Коммунисты смотрели на покоренный народ как на рабов, призванных вечно строить «светлое будущее» для кого-то другого. А поскольку эта цель была утопична и лжива, насилие во имя нее оказалось неэффективным. С другой стороны, капитализм предоставлял больше свободы. Вы спросите — но откуда при капитализме свобода? Разве это не борьба за выживание? Да, но она была ограничена правом. Ограничение и было источником свободы. Человек мог завести свое дело, мог продвигаться вверх по социальной лестнице, мог уехать в другую страну. А потому и награда за его труд в какой-то степени коррелировала с его производительностью. Именно эта скромная свобода обеспечила победу капитализму в течение всего нескольких десятилетий, несмотря на то, что на отдельных коротких этапах коммунизм мог показывать более высокие темпы роста.

В этом проявляется общий принцип — свобода не гарантирует успеха или эффективности, поскольку творчество непредсказуемо, однако в конечном итоге она является необходимым условием для движения вперед. Особый случай — чрезвычайные ситуации. Тогда люди откладывают свои личные планы, свобода перестает быть приоритетом, а этика уступает место героической морали. Но такие ситуации не могут длиться вечно. На этих, коротких этапах более эффективно насилие.

В остальное, обычное время свобода для человека не просто эффективна, она единственно возможна.

Вы, однако, можете возразить – при чем здесь чрезвычайные ситуации? Все дело в грамотном, эффективном управлении. Свобода – это анархия, а движение вперед требует порядка! Действительно, общее хозяйство, а тем более организованное вокруг общей цели, невозможно без управления – и чем хозяйство крупнее, тем управление важнее. Но разве порядок и эффективное управление равнозначны подчинению и дисциплине? На самом деле, это в маленьких, сплоченных коллективах дисциплина эффективна. В крупных же организациях на первое место выходят не диктат и приказы, а правила. Оказывается, что чем более жестко управляется большая компания, тем менее она эффективна в долгосрочном плане. Крупной организацией невозможно управлять в одиночку – чем сложнее структура, тем полезнее коллегиальность в выработке решений. Эффективность требует свободы – и люди становятся более самостоятельными, приобретают больший управленческий вес. Вместо приказов и инструкций, появляются промежуточные цели, ориентиры, рамки деятельности, а планы заменяются регулированием.

Таким образом, если мелкая организация тяготеет к единоначалию, то чем она крупнее, тем больше ее управление опирается на учет различных мнений. Можно сказать, большая организация начинает приобретать черты свободного общества. Но подобное управление осуществимо только если помимо личного успеха становится важным и нечто другое – согласованные интересы, сходное понимание будущего. Фактически мы видим, как появляется общая цель, как управление превращается в договор. Если говорить об обществе в целом, то единого центра управления уже нет, а вернее – вместо конкретных людей он располагается в области идей, ценностей. В конечном итоге обществом руководит этика.

Вы скажете – все это теория. На практике всегда есть руководящая верхушка, правители – самые способные,

компетентные, волевые. Это именно их решения направляют общество. А потому власть — наиболее важный и полезный социальный институт!

Миф о необходимости власти — такой же миф, как то, что человек — животное, а смысл жизни — благополучие, размножение и другое подобное счастье. Да, для гомо-сапиенса власть естественна и необходима, но свободный человек не нуждается в управлении — он сам управляет собой. Давайте подумаем, зачем необходимо управлять обществом? Наверное, для того, чтобы оно гладко и без сбоев работало, чтобы не было кризисов, хаоса и других подобных неприятностей. Но откуда возникают хаосы и кризисы? Из насилия. Ведь что такое кризис? Концентрация ресурсов в «умелых» руках. Если ресурсы справедливо распределяются, никакого кризиса быть не может. Кризисы, хаосы, войны, да и все прочие подобные неприятности — почти всегда продукт власти.

Почему? Потому что власть несовместима со справедливостью. Централизованное управление обществом размывает публичную сферу самим фактом своего существования. Централизация приводит к персонификации верхушки общества, к появлению личных контактов и связей, к превращению класса управляющих в частный, а значит закрытый клуб. Поэтому организация свободного общества, когда оно появится, будет скорее походить на «сетевую» структуру, где в каждом сегменте общества имеются дублирующие компоненты, которые взаимодействуют согласно равноправным, договорным протоколам.

В самом деле. Вы не устали удивляться, почему у власти постоянно оказываются самые отвратительные, самые порочные образцы гомо-сапиенса? Существует подобие объяснения — это, дескать, система устроена так, что выталкивает наверх не лучших, а худших. Объяснение предполагает, что может существовать некий способ возвышения лучших. Однако этика кладет подобному оптимизму конец. Этичные люди не стремятся к власти. Стремление к власти, как впрочем и к подчинению,

изначально порочно, это признак морального уродства, поскольку власть — не что иное как систематическое насилие. Причем это относится к любым видам публичной власти, не только к политической. Если в личной сфере, в небольшом коллективе, где человек подчиняется по собственному желанию, возможна власть справедливая, в публичной сфере «справедливая власть» — оксиморон.

Вы скажете — допустим это так. Но как быть с ленивыми людьми? Кроме того, кто ж захочет по своей воле трудиться на тяжелых, опасных или неприятных работах? Да, эффективность свободного общества складывается из эффективности каждого его члена, но при этом нет гарантий, что он будет максимально прилежен, полностью раскроет свои таланты, будет развиваться, совершенствоваться и попутно выполнять любую необходимую обществу работу. Свобода — это не только труд, это и отдых тоже. Когда каждый сам выбирает свою эффективность, свобода — как общая цель — достигается наиболее эффективно. Если вернуться к девизам, то кредо свободы будет вероятно подчеркивать именно желание человека — не «от каждого — по способностям», а скорее «от каждого — по потребности».

То есть, вполне можно вообразить ситуацию, когда кто-то откажется от ста сортов колбасы лишь бы остаться свободным. Однако, с другой стороны, чем это отличается от ситуации, когда кто-то соглашается поступиться свободой лишь бы меньше работать и рисковать, нести меньше ответственности? От чего зависит выбор человеком его социальной роли и его эффективности? Только ли от его прихоти? Если человек предпочитает уступить другим что-то неприятное, или рискованное, или ответственное, где граница, после которой уступленное, вместе со свободой, теряется безвозвратно?

А значит, желания человека должны опираться не только на его прихоти, но и на чувство долга. Конечно, человек может выбрать для себя менее важную роль соответственно своим способностям, но чтобы обеспечить себе такое право

не опасаясь, что эта роль уменьшится в дальнейшем до роли услуги, человек не может пренебрегать своим правом, или тогда уж обязанностью, на равных участвовать в договоре – определять роли, нормы, цели общества, т.е. участвовать в управлении. Как только человек ради комфорта или из-за лени слагает с себя общественные обязанности, он превращается в раба. Не существует никаких сил, законов или конституций, которые гарантировали бы людям свободу, если они сами этого не хотят. Для таких, не способных сладить со своей ленью, со своей природой, т.е. по сути недееспособных, остается только власть, только принуждение.

Что же это выходит, что насилие по отношению к гомосапиенсам допустимо? Конечно, но ради их же блага. А коли так, оно должно быть ограничено личной сферой, где они смогут сами выбрать себе того, кому доверят это свое благо – опекуна, хозяина или кого им там надо. Так публичная сфера останется свободной, а люди избавят себя от сомнительной власти над себеподобными.

Однако люди не смогут освободить себя от власти над природой, над другими живыми существами, о которой тоже нельзя не упомянуть. Как употребить эту власть во благо? Помните, в свое время мы говорили, что хороший человек хорош для всех. Но как можно быть хорошим не только для людей?

Говоря о лучшем мире, мы конечно полагаем, что он лучший не для кого-то, а для всех, т.е. лучший объективно. Но что значит «объективно», если истинность любого подобного утверждения устанавливают те, кто участвует в договоре? Как они могут знать, является ли новый мир лучшим для тех же животных? Увы, нигде в природе не содержится ответа. Да и как он возможен, если некоторые части этой природы прямо нацелены на то, чтобы причинить нам вред? Остается лишь надеяться, что свободные люди именно так и будут мыслить лучший мир – как мир, где лучше не только им. Ведь и им самим будет тем лучше, чем лучше будет всей окружающей природе, несмотря на то, что она понятия не имеет об этом. Согласитесь, нельзя построить лучший

мир если при этом безжалостно его эксплуатировать. Лучший мир – это мир гармоничный, это мир без насилия, даже самого неэффективного.

23 УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Приобретя свободу, человек приобрел и способность оценивать окружающий мир. Так появились ценности. Система ценностей человека – это по сути весь мир с точки зрения его свободы. Уже отсюда видно, что разобраться в ценностях так же трудно, как в окружающем мире. И, тем не менее, этика позволяет нам сделать это, хотя бы в общих чертах. В добавок, она позволяет разобраться в окружающем мире – и тем сделать сами ценности более правильными. Как видите, этика может быть довольно эффективной!

Сегодня мы, впрочем, ограничимся ценностями. В системе ценностей проявляется и индивидуальность человека, и его сходство с другими, что приводит к появлению как уникальных, так и универсальных ценностей. Последние присущи благам, важным для всех, первые же отражают уникальность человека, его творческое начало. Например, в то время как ценность воды ясна всем и каждому, т.е. практически универсальна, святая вода из сакрального источника, которую разливает шаман в своей хижине, ценна лишь для него и немногих посвященных.

Ценности также различаются по степени объективности. Объективность отражает общепризнанную значимость ценности, общее мнение о ней. Человек может крайне субъективно воспринимать универсальную ценность, если не обладает достаточным кругозором, а может объективно – уникальную, если сумеет поставить себя на чужое место. Скажем, чистая вода как часть природы легко получит объективную оценку, однако вода в данной бутылке в данных обстоятельствах скорее всего приобретет субъективную ценность для ее владельца. Другой пример. Если шаман добавит в воду листья коки, ценность нового напитка будет понятна только ему, т.е. весьма субъективна. Однако если этот напиток заполнит магазины по всему миру, его

ценность, хоть и возможно не изменившись по величине, станет гораздо объективней.

Именно объективные ценности сближают людей, делают возможным согласие и сотрудничество, тогда как субъективные, напротив, разъединяют, ведут к разногласиям. Если вы не забыли, стремление объективно оценивать конкретные блага принципиально необходимо для этической экономики. Справедливый обмен может базироваться только на общем, объективном ценностном основании. Откуда оно возьмется? Из универсальных ценностей. Это ценности тех универсальных благ, которые лежат в основе общества, т.е. делают возможным не только производство практических, конкретных благ, но и достижение согласия в вопросе их объективной ценности. Поэтому мы сегодня еще больше облегчим себе задачу и ограничимся только ими. Более подробно прочитать про экономические ценности, в том числе про деньги и собственность, можно в книге «Культ свободы и этика публичной сферы».

Давайте сразу уточним такой вопрос. Означает ли объективность ценности, что она, подобно физическим свойствам, существует сама по себе, независимо от нас? Например, среди объективных свойств воды есть не только определенная плотность или способность тушить огонь, но и способность «питать» живой организм. Можем ли мы поэтому сказать, что вода имеет объективную ценность независимую от нас? Не можем. Ценность – это всегда ценность во-первых для кого-то, а во-вторых для чего-то. Универсальность ценности отражает тот факт, что она есть ценность для всех, а объективность – что она одинаково значима для всех. Объективность эквивалентна согласию. Таким образом, чтобы вода имела объективную ценность, все субъекты должны ценить ее одинаково, для чего необходимо также, чтобы все они имели, или потенциально могли бы иметь, одинаковую цель. Поэтому мы вправе сказать, что например чистая вода имеет объективную ценность, но лишь для тех жителей Земли, кто хочет жить и здравствовать.

Очевидно, что единственная на 100% объективная ценность – это свобода, все остальные ценности значимы в той мере, в какой соответствуют индивидуально выбранным целям на пути к ней, а объективны в той мере в какой совпадают, или могут совпасть, соответствующие промежуточные цели разных людей. В последнем случае люди могут достичь консенсуса относительно ценности, а консенсус, как вы помните – критерий истины. К примеру, если, допустим, истина оказалась в том, что вода не только полезна, но и вкусна, значит вода объективно вкусна. Вы спросите, ну а сама свобода? Разве ее ценность не существует независимо от нас? Нет, поскольку когда отсутствуют субъекты, отсутствует и ценность. Свобода превращается в общее благо, в добро, только когда мыслится разумом. Сама по себе свобода, хоть мы и называем ее для краткости абсолютным добром, всего лишь загадочное свойство мироздания.

Если ценности упорядочить, мы получим уже знакомую нам пирамиду, на вершине которой располагаются абстрактные блага, а в основании – конкретные. В свое время я сказал, что ценность определяет высоту блага в пирамиде. Но так ли это на самом деле? С точки зрения всего общества, так сказать объективно, это может и верно, но ведь у каждого человека ценности свои, да они еще и меняются. Как подобная пирамида может сложиться из субъективных мнений? Как получается, что какие-то абстракции оказываются для людей важнее конкретных, жизненно необходимых благ?

Прежде всего заметьте, что мы можем говорить об объективности лишь верхней части пирамиды, т.е. это вершины индивидуальных пирамид совпадают. Вы наверное возразите – поскольку базовые потребности людей одни и те же, это, наоборот, низ пирамиды будет у всех одинаковый, а верх – зависеть от того, какие цели придумает себе человек! Да, базовые потребности одни те же, но общество создает для их удовлетворения множество самых разных благ, и люди довольно свободны в их выборе. Кроме того, общество производит блага,

удовлетворяющие не только материальные, но и духовные, а также новые, придуманные и даже навязанные потребности. Рост потребностей сочетается с ростом пирамиды — она становится не только шире, но и выше, можно сказать — ближе к свободе!

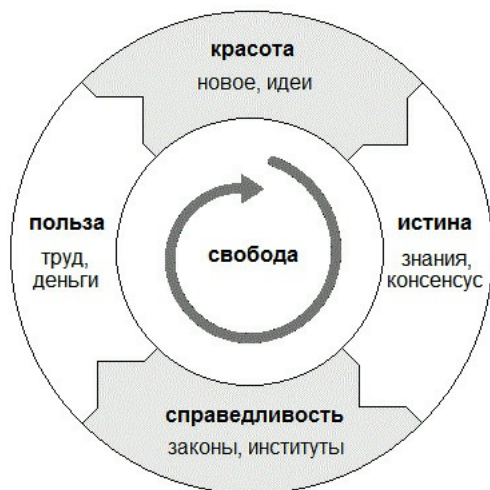
Таким образом, у человека появляется интерес к большому числу благ, которые для него одинаково важны, хоть и в разное время. Но для нас главное, что все они находятся внизу пирамиды, поскольку все они — лишь средства для чего-то еще. А вот это «еще» связано с верхними этажами пирамиды — на них располагаются блага, необходимые для создания благ нижнего уровня. Вы спросите — но почему они обязательно выше? Чем они ценнее? Ответ в том, что смысл жизни человека — не потреблять блага, а создавать. Именно к этому сводятся его жизненные цели. Вот если мы вообразим пирамиду ценностей гомо-сапиенса, то да — его пирамида окажется перевернутой. Самое важное для него — потребительские блага, а остальное — лишь необходимое зло, неприятные общественные обязанности. Для человека же истинную ценность представляют блага, связанные с созидательным трудом, с обществом.

Поскольку низшие блага являются вспомогательными, инструментальными, их ценность определяется той пользой, которую они имеют для достижения благ следующего уровня. Так, ценность бутылки воды, как бы высока она ни оказалась в какой-то момент времени, преходяща — вода необходима для жизни. А жизнь? Для творчества, созидания. А творчество? Для создания общих благ. Добравшись так до вершины пирамиды, мы упираемся в потолок, в самую последнюю цель — свободу, чья ценность определяется ей самой, т.е. является абсолютной. Соответственно, все остальные, нижележащие ценности являются относительными, а свобода задает для них шкалу и точку отсчета.

Конечно, человек может высоко ценить, и даже ошибочно ассоциировать общее благо с тем, что дорого лично ему, например, с традициями, религией, идеологическими убеждениями, родными краями, своим большим или малым

народом, с любимым вождем. Эти ошибочные взгляды даже могут приобрести некоторую объективность, если разделяются многими. И тем не менее ошибки есть ошибки. Наша цель – правильная пирамида, а ее вершиной всегда является свобода, синонимами которой, однако, в разных контекстах могут выступать помимо общего блага добро, правда, лучший мир, смысл, первопричина и тому подобное.

Непосредственно за свободой, во 2-ом ряду универсальных ценностей, идут такие блага, как красота, истина, справедливость и польза. Все они связаны между собой посредством свободы, но особенно очевидна связь между ними, если разместить их по кругу со свободой в центре – т.е. как бы посмотреть на пирамиду сверху. Красота стимулирует поиск нового и отражает ценность идеи. Чем красивее творческий результат, тем дальше он от старого, привычного и детерминированного, тем ближе к свободе. Истина символизирует консенсус как ее критерий и составляет ценность знания, отражает его правильность с точки зрения того, насколько применение этого знания приблизит нас к свободе. Справедливость помогает сделать общество свободнее, она воплощается в нормах и институтах, а ощущается как ликвидация какого-то вида насилия или эксплуатации. Польза устраняет конкретный вид или случай принуждения, ограничения, помех, освобождая на какое-то время. Польза составляет сущность практической ценности труда и денег.

Этот круг – творчество-наука-право-экономика – иллюстрирует «поступательный» цикл общества. Творя и рождая новое человек обращается к другим людям, чтобы удостоверить ценность и истинность его идеи. Достигнув согласия, люди вырабатывают нормы позволяющие использовать ее на практике. Нормы регулируют практическую деятельность, приносящую пользу. Работая, человек снова возвращается к творчеству чтобы придумать что-то более эффективное и более полезное.

Замечу в скобках, что ценности 3-го ряда не ограничиваются указанными на рисунке, их на самом деле может быть больше, границы этажей пирамиды ниже становятся размытыми. Например в случае истины, исключительно важными ценностями являются также плюрализм мнений, взаимопонимание, компромисс, свобода слова и многие другие.

Высшие ценности 2-го ряда являются не просто общечеловеческими, но, можно сказать, вселенскими, а поскольку лежат близко к свободе, они еще и парадоксальны. Так, чтобы точно определить что такое истина, мы уже должны знать что это такое – ведь иначе наше определение не будет

истинным. Красота обладает невероятным сочетанием универсальности и одновременно уникальности, а справедливость старается найти невозможный баланс между равенством и неравенством. Люди пока не научились понимать как возможна справедливость в публичной жизни – устранение одной несправедливости обычно ведет к другой. Что касается пользы, то требование ее объективности приводит к тому, что польза становится субъективно бесполезна – чем полезней результат всем, тем менее он полезен каждому. Однако несмотря на трудности, люди уже способны придти к некому общему пониманию этих ценностей, о чем свидетельствуют и признанные истины, и признанные каноны красоты, и устоявшиеся процедуры поиска справедливости, и тем более массы полезных вещей в быту.

Однако каждый достигнутый уровень понимания высших ценностей всегда временный. По мере прогресса содержание этих ценностей меняется, они приближаются к свободе. Но именно поэтому они, как ни странно, несут на себе печать абсолюта, ведь они не просто приближаются, но и приближают, ведут, указывают направление. Их абсолютность, хоть и «неполноценная», проявляется в том факте, что они могут служить конечными целями, т.е. они нужны нам сами по себе, в отличие от прочих ценностей, уже в гораздо большей степени инструментальных. Таким образом, высшие ценности как бы подменяют собой свободу, которая слишком абстрактна, чтобы выступить целью сама по себе. Они – первый шаг в ее конкретизации. Так, художник может стремиться к красоте, ученый – к истине, государственный муж – к справедливости, а все мы вместе – к практической пользе.

Конечно, эти цели все еще слишком абстрактны и требуют дальнейшей конкретизации, поиска собственного, уникального пути к ним. Но если сосредоточиться на ценностях 3-го уровня, человек рискует потерять из виду главное – свободу. Например, если поставить себе целью искусство для искусства, или науку ради науки, или мощь государства, или экономический рост, не говоря о фетише труда или денег, становится неясно – для

чего все это? Высшие ценности придают деятельности смысл, а потому только они допустимы в качестве конечных целей человека.

24 НАДО ЛИ ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ?

В нашей схеме не нашлось места многим важным ценностям, характерным для межличностных отношений. Человек, не знакомый с этикой, мог бы воскликнуть — как же так! Разве не в добрых отношениях между людьми заключается смысл морали? Мы, однако, уже знаем, что любые отношения не регулируемые формальными нормами есть личные отношения, в которых свобода не играет главной роли. Ценности любви, уважения, сострадания, доброты и множества других чувств и черт характера субъективны, как и ценности самих субъектов. С точки зрения этики, все они — лишь средства для дела свободы.

Непонимание этого приводит к тому, что любовь «к ближнему» изобретенная христианством, равно как и любовь «к дальнему» творчески позаимствованная у нее философией, многими считается абсолютной вершиной морали, такой универсальной моделью общечеловеческой нравственности. И правда, как хорошо звучит — любить других, нести им благо, творить добро ради них! Что может быть лучше! Между тем, за этими красивыми словами, как впрочем и за любыми ошибочными моральными требованиями, скрываются насилие, ложь и вред.

Во-первых, это насилие над собой, самоотречение, жизнь ради других, ради тех, к кому человек не питает никаких добрых чувств. Оно непрактично и чревато конфликтами — ведь именно в любви проявляется ценность личных отношений. Человек, который любит всех — не любит никого. Во-вторых, это насилие над другими, навязывание личных отношений, непрошенная забота о посторонних людях. Вы бы хотели чтобы вас любил незнакомый или едва знакомый человек? Не кажется ли это несколько неестественным, вызывает подозрение в его умыслах?

Кроме того, оказанная услуга ставит вас в неудобное положение должника. Христианин мог бы возразить, что возвращать долг следует кому попало, без разбора, но так ли это? Если вы должны кому-то, разве отдать долг надлежит не именно ему? В-третьих, любовь требует не размышления, а великодушия, милосердия, терпения, она принимает человека таким какой он есть, не интересуется его мнением и не видит его недостатков. Как такая любовь может сделать человека лучше, принести пользу обществу? В-четвертых, за красивыми словами скрывается психологическое насилие. Предъявляя невыполнимое требование любить всех, моралисты ставят нас в безвыходное положение, заранее делают виноватыми, подчиняют своему моральному диктату и превращают в легкую добычу демагогов. В-пятых, там скрывается отказ от социального и морального прогресса. Моралисты вынуждают нас пренебрегать социальным творчеством, поиском практических решений. Зачем строить какие-то общественные модели, придумывать справедливые институты, раз все это заведомо неправильно, немилосердно и жестоко? Давайте просто возьмемся за руки и полюбим друг друга! В-шестых, там скрывается предательство, поражение в борьбе со злом. Нельзя одновременно любить и Бога, и Дьявола, и святого, и падшего. Враг олицетворяет зло, возлюбить врага значит сдаться, уступить ему. Зло не ценит добра, оно пользуется им, а потому требуя приносить добро в жертву злу, христианство фактически (или по крайней мере на словах) служит злу. Христиане утверждают, что Бог послал на землю сына, дабы его распяли силы зла и он «тем самым сокрушил их своей любовью». Эта сказка о моральной победе сокрытой в реальном поражении, в смерти, выглядит как уловка для тех, у кого нет возможности воскреснуть. В чем победа? В надежде на угрызения совести у врагов? У зла?

Таким образом, любовь к посторонним — не что иное как вид психологического насилия, а навязывание ее в качестве морального долга — моральное насилие. Как и всякое насилие, она не безобидна. Она не только дискредитирует мораль, но и подрывает идею справедливости, заставляя людей оказывать помощь не там, где она нужна, подменяя фальшивой

благотворительностью необходимость борьбы за свободу, за исправление насильственных, несправедливых институтов. Универсальная любовь взывает к всепрощению, культивирует иждивенчество, размывает публичную сферу, обесценивает формальное право.

В чем истоки этого морального конфуза, этого недоразумения? В недостаточно развитой моральной интуиции, в непонимании сложности общественного устройства. В основе христианской любви лежит обычная жертвенная мораль, даже скорее обычная, естественная доброта. Как из доброты получить универсальную мораль? Растянуть бесконечно широко, довести до крайности. Но универсализация жертвы, возведение ее в абсолют обесценивает, обесмысливает ее. Вот и закономерный результат! В отличие от негативной этики, жертвенная мораль позитивна, она требует действий и тем лишает человека свободы. Да, в личных отношениях люди не свободны, но они отказались от свободы добровольно, это был их выбор. Жертва навязанная безусловно — это не моральный выбор, а моральное ярмо. Но навязывая свой долг, христианство, как и следовало ожидать, не дает никаких конкретных указаний что надо делать. Вместо этого, богословы упражняются в бесконечных попытках разъяснить, что же значит эта любовь, что под ней надо понимать. Любовь не формализуема, она всегда оставляет место для произвола. В итоге, идеал любви за две тысячи лет не только не нашел практического применения, но и был извращен всей моральной практикой. Добрые слова у христиан прекрасно сочетались с недобрыми делами.

Персональная любовь не способна привести к общему благу. В качестве примера ее моральной слепоты можно взять сострадание к «маленькому человеку», характерное для русской литературы. Простой человек, бессловесный винтик — это раб, утративший волю к сопротивлению, сломленный эмоционально, психологически или как-то еще. Разве сострадание нужно ему? Этика подсказывает, что вместо унижительного и оправдывающего каких-то конкретных винтиков сострадания,

задача человека — освободить всех, подарить не заботу и сочувствие одному из них, а свободу каждому стать самим собой, вырасти из человечка в человека. Именно в уничтожении насилия, угнетения, несправедливости заключается истинное добро, которое любовь не способна увидеть будучи ослеплена чьим-то личным несчастьем.

В самом деле, если бы христиане продуманно попытались возвести доброту в абсолют, придать ей наиболее универсальную форму, они пришли бы не к нелепому «возлюби врага своего как самого себя», а к свободе, поскольку универсальная любовь, любовь одна на всех — это очевидный суррогат общего блага. Так можно понимать и их догадку о том, что «бог есть любовь». Именно через такую «любовь», то есть свободу, личность, «душа», соединяется со всеми, находит свое место, обретает смысл и преодолевает одиночество. Свобода направляет человека к добру, помогает стать лучше, но не соревнуясь со всеми в любви ко всем, а уничтожая насилие, что несет благо каждому. Так человек становится хорошим для всех, а значит — ни для кого конкретного. Конкретная же доброта всегда несправедлива по отношению к непричастным. И если в личной сфере пренебрегать интересами посторонних людей вполне допустимо, в публичной сфере любовь неуместна. Максимальное добро по отношению к посторонним — не любить их, а предоставить им максимальную свободу.

Как появилась идея всеобщей любви? Это одна из ранних попыток осмысления морали, добра. Добро не постигается рассудком, но поддается рационализации. А тогда как раз были популярны боги как универсальные объяснения всему происходящему. Отсюда примитивная попытка обосновать необходимость преодоления эгоизма Богом, Высшей Силой. Отсюда же примитивный результат — доведение жертвы до абсурда, ведь Бог всемогущ, он один на всех. Другой причиной являлись жизненные условия ее авторов. В те времена и в тех краях люди жили мелкими общинами, а города были несравнимо меньше нынешних. В маленькой общине все так или иначе знакомы. До сих пор в небольших городках, в селах,

принято здороваться с незнакомцами. Это — признак личных отношений, которые как раз предполагают жертвенность. Но в крупном городе, в толпе, человек теряется, он перестает замечать окружающих. Ни о каких личных отношениях в таких условиях не может быть и речи. Третья причина появления христианской любви — неприятие иудейской «избранности», идеи превосходства своего народа над всеми остальными, выражаясь современным языком — нацизма, расизма и шовинизма. Но если любить надо не только свой народ, значит всех? Выходит, все люди равно достойны любви? Выходит, надо терпеть их самые дикие выходки?

Вероятно была и четвертая причина — честная, но наивная попытка хоть как-то уменьшить ненависть, злобу и жестокость процветающие между гомо-сапиенсами. Перейти к договору, разорвать бесконечный цикл насилия трудно. Возможно, есть смысл немного перегнуть палку? А если к любви добавить прощение, это еще больше увеличит шансы тем, что поможет развеять страх возмездия за причиненное в прошлом зло — ибо нельзя перейти к договору не разобравшись с накопленными долгами. Часто именно страх расплаты заставляет творить новое насилие. Этим можно объяснить не менее нелепое, чем возлюбить врага своего, требование подставить другую щеку. Увы, история показала, что увещевания о любви и прощении не работают. А потому прощать есть смысл только после восстановления справедливости и, разумеется, раскаяния.

Но если любить посторонних неправильно, то как тогда относиться к людям? Терпеть? Не замечать? Как трактовать фразу «максимальное добро по отношению к посторонним — предоставить им максимальную свободу»? Очевидный ответ — относиться к ним справедливо. Да, справедливость — сложная, противоречивая ценность. Любовь же обманчиво проста — каждый знает, что это такое. К счастью, справедливость не замыкается в субъективном мнении, а требует диалога, согласия сторон. Это и есть путь к идеальному обществу, в то время как любовь способна лишь породить теплый круг близких людей, но никак не объединить посторонних.

Из чего складывается справедливое отношение к человеку? Главным образом, из нейтральности и объективности. Нейтральность отражает равенство как аспект справедливости. Нейтральность требует непредвзятости, игнорирования биологических, культурных и личностных особенностей человека, взгляда на него как на равного участника договора. Она помогает держаться в строгих рамках публичных формальных норм, из которых самая первая вероятно должна быть связана с требованием не создавать посторонним людям не только проблем, но даже малейших неудобств. Объективность отражает противоположный аспект справедливости – неравенство. Объективность требует максимально правильной оценки действий, поступков, поведения человека, его вклада, будь он положительный или отрицательный, в жизнь общества.

Вы спросите – но как же можно относиться нейтрально к тем, кому трудно, кто нуждается в помощи? Я думаю, надо сосредоточиться на устранении социальных условий, которые порождают трудности. Ну а как относиться к тем, кто нуждается в помощи по другим, несоциальным причинам, кто например тяжело заболел? Я думаю, надо заботиться о своих родных и друзьях, заботиться обо всех невозможно. В этом смысл любви. Если каждый будет помогать своим близким, тем кто рядом, помощь чужих не потребуется.

Наконец, вспомните о ценности человека. Любовь слепа, любить можно и хороших, и плохих. Но, положив руку на сердце, разве это правильно? Разве заслуживают любви те же гомо-сапиенсы? Любви достойны лишь хорошие люди, а хорошим может быть только свободный человек, личность. Вы возразите – но ведь мы любим животных, мы хотим им блага! Почему же нельзя любить гомо-сапиенса? Потому что он слишком похож на нас, он отличается только поведением. Это пародия на человека, а пародию любить нельзя. Кроме того, цель жизни гомо-сапиенса – личные блага за общий счет. И если окружить его любовью, то логично первым делом предоставить ему возможность достичь этой цели! А значит, если гомо-сапиенс

попал в публичную сферу, он, как сознательный противник общего блага, должен быть не только лишен любви и заботы, но и наказан за его насилие. Что, кстати, есть вполне справедливое отношение к нему.

Что же касается людей, то каждый, несомненно, волен любить кого угодно, это дело личное. Однако разумно, на мой взгляд, любить только знакомых и только до той степени до какой они того заслуживают.

25 КАК УЛУЧШИТЬ ЧЕЛОВЕКА?

Плохие люди для свободы не слишком ценны, а значит неизбежно встает задача улучшить человека. Моралисты здесь могли бы возмутиться – это негуманно, бесчеловечно! И они правы! С точки зрения человеколюбца – христианина или гуманиста – улучшение человека кощунственно. Ведь человек – мера всех вещей, он может быть только целью, он – высшая ценность. Да и как улучшить самое лучшее, что и так уже сотворено «по образу и подобию»? В каком направлении его улучшать?

Этика избавляет нас от этих предрассудков. Можно ли сделать мир лучше, не улучшив человека? Очевидно нет. Эволюция создала нас хищниками, преодоление нашей хищной природы безусловно актуально. И, как можно ожидать вследствие объективности этики, люди стремятся стать лучше. Они следят за собой, стригут ногти и волосы, читают и смотрят кино, ну а кое-кто интересуется этикой, учится правильному поведению :). Являются ли названные занятия улучшением человека? Несомненно. Культурный человек – это улучшенная версия гомо-сапиенса. Собственно, вся история цивилизации – в значительной степени история улучшения человека.

Важная особенность этих улучшений – индивидуальность. Человек в конечном итоге сам решает что и как в себе изменить. Но если каждый начинает эту работу с нуля – разве можно говорить об улучшении человека как такового? Значит, задача заключается в том, чтобы улучшения не ограничивались индивидом, а каким-то образом накапливались, передавались по наследству. Однако сразу возникает моральная проблема – как можно улучшать людей, а речь идет о грядущих поколениях, без их согласия?

Увы, в рамках объективной этики эта проблема неразрешима – договор между поколениями возможен только умозрительно. К счастью, есть путь в обход этики. Будущие поколения, прежде чем они попадут в поле договора, должны родиться и вырасти. Этот процесс практически целиком лежит в личной сфере, а управляется жертвенной моралью. Именно она дает право родителям решать какие изменения они хотели бы увидеть в своих детях. Кто как ни родители желают им блага? Но откуда родители возьмут правильное понимание блага? Из договора с современниками, из культуры и этики. А раз так – мы вполне можем продолжить наши этические размышления.

Что значит улучшить человека? Сделать его ближе к идеалу. Но в чем заключается идеал? Как он выглядит? Раньше было популярно словосочетание «всесторонне развитая личность». Вы думаете, это значило «красивая, умная, сильная»? Как выяснилось – богатая. Именно таков идеал для большинства населения. Ну а для этики? Свободная, в том числе от всевозможных пороков. К сожалению, непознаваемость свободы не позволяет нам вообразить совершенного человека. Ясно лишь, что дорога к нему начинается с воспитания.

Как необходимо воспитывать ребенка, чтобы он вырос свободным человеком? Конечно, родителям виднее, но на мой взгляд, есть два ключевые фактора, о которых иногда забывают. Первый – приучение к порядку, самодисциплине, т.е. к осмысленному следованию правилам, к осознанию ответственности за их нарушение. Это требует выработки воли, умения подавлять инстинкты и желания, преодолевать умственную и физическую лень, противостоять соблазнам и искушениям. Второй фактор – развитие умения самостоятельно мыслить, вырабатывать и отстаивать собственную точку зрения. Выступления и дискуссии, споры и убеждение оппонентов – слагаемые успешного договора. Сама философия возникла как следствие работы первых демократических собраний. Ну и как не упомянуть наши беседы, без коих воспитание останется тратой времени!

Однако, наша тема сегодня – улучшение человека, а одним воспитанием этого не добиться. К счастью, прогресс подарил нам биотехнологии – скоро люди смогут изменять организм человека и эти изменения наверняка не ограничатся лечением, исправлением дефектов или внешним видом. Впрочем, говорить «к счастью» пока преждевременно. Во-первых, мы еще не выяснили, что значит улучшать человека. Как бы люди не изменили себя в худшую сторону! Второе, что более важно, найдутся те, кто именно это и попытается сделать, например, захочет превратить остальных в своих генетических рабов. Таких моральных уродов всегда полно, но раньше у них не было возможностей необратимо менять людей. Этика конечно этого не допустит, но проблема в том, что она работает слишком медленно и человечество рискует потерять массу времени, пока исправит свои ошибки.

Что же подсказывает нам моральная интуиция? Как следует улучшать человека? Скорее всего, изменения должны закреплять и развивать плоды воспитания и культуры, т.е. освобождать человека от насилия его животной природы, от биологического детерминизма. Вместо изнуряющей борьбы с природой мы сможем раз и навсегда искоренить наши вредные инстинкты, победить агрессивность и жадность, избавиться от страха. Мы сможем уменьшить и даже ликвидировать потребности в лекарствах, отдыхе, еде!

Выходит, этика собирается превратить нас в «постбиологическую», «трансгуманную» форму жизни, избавить от хрупкой органической оболочки? Возможно. Однако, станет ли мы свободны? Не приведет ли тотальное преодоление природы к тому, что человек, напротив, потеряет волю? Ведь свобода неотделима от противостояния с детерминизмом! Но откуда возьмется детерминизм, если исчезнет его биологическая разновидность – проводник, посредник между внешним миром и разумом? Не окажется ли совершенный человек таким автоматом добра, а вернее зла, поскольку утратит чувство свободы не будучи ограничен в ней? Недаром свободу мы лучше всего чувствуем именно когда теряем!

Возьмем потребности. Без потребностей не будет желания их удовлетворить, не будет ценностей, смыслов и целей. Обычно потребности невозможно удовлетворить раз и навсегда – они появляются вновь, растут, множатся, превращают человека в своего раба. На культивировании бесконечных потребностей основано нынешнее потребительское, т.н. «свободное» общество. Но разве стали свободны люди, удовлетворившие их – заимевшие большие дома, несколько машин, огромные гардеробы, бесчисленную домашнюю технику? Потребности можно только преодолевать – так и получается свобода. Соответственно, если наука подарит нам легкую возможность избавления от потребностей, будет ли она равнозначна свободе? Будем ли мы ценить ее? Не появится ли у нас новая потребность – в преодолении потребности избавления от потребностей? Т.е. в преодолении этики?!

Или возьмем удовольствия. С точки зрения биологии естественные удовольствия законны и полезны для нас – иначе бы они не появились. К сожалению, с точки зрения этики практически все они вредны – все они так или иначе ориентированы на борьбу за выживание. Но надо ли от них избавляться? Что это будет за жизнь без удовольствий? Что, если без них мозг ослабнет и зачахнет? Очевидно, людям придется как-то виртуально симулировать отсутствующий организм. Скажем, посылать нужные импульсы прямо в мозг. Однако, удастся ли так обмануть его? Что, если удовольствия доставленные прямо в мозг убьют его еще верней? Наркомания – это болезнь мозга, а не тела. Конечно, взамен животных удовольствий получаемых за счет других, этика способна подарить удовольствие от выполненного долга, принесенной пользы, достигнутой цели, осмысленного бытия, от осознания себя человеком в конце концов. Но достаточно ли этого для полноценной жизни?

Извечная людская мечта – бессмертие. Но дарит ли бессмертие желанную свободу? С одной стороны да. Человеку нужен выбор – смерть не должна быть неизбежна. Однако,

приобретая такой выбор, человек сталкивается с новыми проблемами. Скажем, страх смерти. Освободится ли от него человек, став бессмертным? Едва ли. Сейчас мы примиряемся со смертью зная, что она неизбежна, но победив смерть не превратимся ли мы в рабов бессмертия, не в силах избавиться от него когда жизнь надоест? Вы возразите – как может жизнь надоест? Разве это не гипербола? Вовсе нет. Вам, молодым, свойственно любить жизнь несмотря на все трудности и вам кажется так будет всегда. В реальности, жизнь однообразна и далеко не так интересна. Бесконечно радоваться одному и тому же свойственно существам примитивным, неразвитым. Другая проблема – в смысле жизни, о чем мы уже говорили. Если человек вечен, не обесмысливает он тем самым собственное существование? В чем польза его вечного пребывания на земле? Ценным может быть только то, чего не хватает, а значит обретая бессмертие, люди с необходимостью лишатся чего-то не менее важного. Бессмертие потребует новых усилий в борьбе со смертью – это единственное в чем можно не сомневаться.

А может быть, пока наши знания не слишком глубоки, есть смысл не пытаться избавиться от организма, а сосредоточиться на мозге – на его развитии и улучшении его работы? Ученые уже убедились, что чем человек умнее, тем легче ему соблюдать закон, тем лучше он контролирует свое поведение, тем он моральнее. Более того, сам договор, хоть и заключается между уникальными людьми, все же требует хоть какого-то равенства в интеллекте. Глупому трудно понять умного, а потому договор между ними едва ли возможен. Обыденный опыт показывает, что моральное уродство часто является следствием «недееспособности» разума – неспособности его обладателя найти для себя цель, отличную от выживания и удовольствия, т.е. в сущности – следствием глупости.

Однако и с работой мозга пока не все ясно. Как сделать так, чтобы улучшить именно разум, а не рассудок? Мораль, а не рациональность? Трансгуманисты мечтают о «постчеловеке» с мозгом многократно превышающем по мощности нынешний. Но разве станет гомо-сапиенс лучше, если его рассудок

приобретет возможности сверхкомпьютера? Напротив, он превратится в сверх-гомо-сапиенса, ведь рациональность идет прямо против этики. Трансгуманистами движет безграничная вера в научно-технический прогресс. Но в несправедливом обществе, чем больше возможностей появляется у одних, тем меньше остается у других. Наука на службе насилия – это проблема, ибо если улучшать человека без оглядки на этику, эффект будет прямо противоположным – мы ухудшим человека, мы получим более эффективного злодея. Научный прогресс без этического – прямой путь в ад.

Вы скажете – если это так опасно, почему бы не оставить все как было раньше, не запретить биотехнологии? Пусть люди сами работают над собой, занимаются самовоспитанием и самосовершенствованием? Вы шутите?! Естественное развитие мозга уже не только остановилось, но и пошло в обратном направлении. Вспомните о мозге древних, который был по объему больше нашего! Цивилизация развратила нас. Еще недавно многие питали надежды, что если просветить массы населения, дать им образование, права и свободы, они кардинально изменятся. Жизнь похоронила эти надежды. Ни прекрасное образование, ни свободный доступ к информации и урне для голосования не способны изменить поведенческие образцы глупых людей. Массы не желают развиваться – но зато они желают размножаться! Духовная жизнь, культура и нравственность остаются привилегией узкой прослойки мыслящих людей, которых в общей массе становится все меньше.

Что же делать? Раз мы пока не знаем, как создать свободного человека методами геной или иной передовой биоинженерии, похоже остается обратиться к проверенной временем евгенике. Евгеника – это целенаправленная политика по улучшению человека, которая в отличие от таких мягких и бесполезных мер, как культурное просвещение, среднее образование или поощрение одаренных детей, имеет дело с демографией. Суть ее заключается в примитивном, но вполне здоровом стимулировании рождений умных и способных, и препятствовании размножения глупых и неизлечимо больных. Имеет ли общество моральное

право на такие меры? Очевидно нет! Они явно неэтичны, это вмешательство в личную жизнь. В свободном обществе улучшение человека — дело родителей, а дело общества — предоставить им для этого возможности. Однако с другой стороны, когда лиц не желающих или не способных сотрудничать в рамках договора становится слишком много, возникает катастрофическая ситуация — и тогда чрезвычайные меры оказываются морально оправданы, ведь речь идет о выживании общества. Является ли нынешняя ситуация таковой? Решайте сами.

26 МОРАЛЬНЫЕ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА

Массовая деградация населения — пример ситуации, когда общество вынуждено вмешиваться в личную жизнь его членов. Повторю, причиной оправдывающей подобное вмешательство является чрезвычайность ситуации. Могут ли существовать иные причины для вмешательства? Да. Другой причиной может являться ситуация, сложившаяся в семье. Скажем, родители не желают принимать на себя необходимые обязательства по отношению к детям. Действительно, что делать, если родители не хотят, чтобы их дети стали людьми? Что, если они уродуют детей морально, психологически или даже физически? Что, если им просто плевать на своих детей?

Моральная интуиция подсказывает — надо что-то делать. Но на каком основании? Почему общество опять присваивает себе право вмешиваться в дела своих членов, когда они этого не хотят? С точки зрения этики у общества вообще не может быть такого права. С точки зрения жертвенной морали причин тоже не видно, поскольку чужие дети едва ли могут быть предметом посторонней заботы. Может, с точки зрения героической? Но вопрос выживания общества, когда отдельные родители ведут себя аморально, в данном случае уже не стоит. Похоже мы в тупике. Как же быть?

Начнем анализ ситуации с моральных сфер общества. Мы уже давно говорим о них, но как-то мимоходом. Сферы общества определяются видами морали. Ведь что такое мораль? Это те базовые ценности, мотивы, которые определяют взаимодействие, отношения между людьми, которые создают человеческое общество в отличие от инстинктов, порождающих стаи животных. Соответственно, своеобразная мораль придает отношениям своеобразный вид. Так, если люди питают друг к другу чувства, если они готовы делать друг для друга что-то хорошее или

плохое — это личная форма отношений, личная сфера общества. Если люди остаются нейтральны, не знают друг друга и не собираются заводить близких отношений, им приходится руководствоваться строгими формальными правилами. Так получается иная сфера общества — публичная. Если люди объединились для борьбы, если готовы рисковать ради общего дела и победы — их отношения приобретают иную форму. Впрочем, в свободном обществе героическая мораль не порождает отдельной сферы, поскольку она действует лишь в особых случаях.

Как выбрать правильную мораль? Как навести в обществе порядок, избежать хаоса и конфликтов? Для этого необходимо уяснить, как работают моральные сферы, где и когда возникают те или иные мотивы. Прежде всего заметьте, что это не сферы зависят от людей и их отношений, а напротив, отношения зависят от сфер. Это кажется обратным тому, что я сказал выше. Ведь на первый взгляд, если у людей личные отношения, значит и сфера личная? Однако на самом деле люди живут не одни, они живут среди других, и следовательно их отношения зависят от контекста. Потому мы и говорим о сферах общества, а не о формах отношений. Так, одни и те же люди могут оказаться и часто оказываются в разных сферах. Например, муж и жена дома принадлежат личной сфере, а, скажем, на службе в одной организации — публичной. И тогда на службе их поведение ограничено формальными рамками. Другой пример. Ответственные руководители оказались в неформальной обстановке. Имеют ли они право договориться втайне от всех? Очевидно нет.

Разделить сферы, а точнее — выстроить корректные взаимоотношения, бывает трудно. Ведь не всегда люди находятся дома или на работе, да и граница между сферами, как вы догадываетесь, пролегает вовсе не в пространстве! Хотя взаимоотношения во многом зависят от степени знакомства и близости между людьми, гораздо важнее осознание ими своего места в обществе, своих социальных ролей. Помимо этого, личные чувства сами по себе могут вносить некоторую сумятицу.

Например, иногда между родственниками возникает отчуждение, неприязнь, а иногда, напротив, случайные люди вызывают симпатию. И тем не менее, несмотря на все трудности сферы нельзя путать, иначе цивилизованное общество исчезнет и мы все окажемся в одной большой стае.

Сосуществование различных моральных сфер поначалу может озадачить. Почему вообще оказались возможны разные виды морали? Если они исключают друг друга, на основании чего мы решаем вопрос о правильности? Означает ли это, что есть еще какая-то «высшая» мораль, которая помогает нам решить вопрос выбора, помогает разделить общество на сферы и примирить все виды морали?

На самом деле конечно, нет никакой «высшей» морали. Этика объективна. Но почему она терпит другие виды морали? Ответ в том, что свобода стоящая за этикой, в силу неопределенности своего существования, не может гарантировать нам победу в борьбе с детерминизмом. Свобода обязательно победит детерминизм, но где, когда и как — неизвестно. А значит так или иначе, где-то и когда-то, мы вынуждены подчиняться ему. Именно детерминизм стоит за жертвенной и героической моралью. Первая необходима нам, поскольку мы не в состоянии обойтись без нашей биологической основы, без рождения и смерти, вторая — поскольку не можем обойтись без коллективных усилий в борьбе за выживание. Однако важно понимать, что статус этих видов морали — подчиненный. Если возникает конфликт между этикой и иным моральным долгом, этика имеет приоритет — долг (даже включая воинский) невозможен без свободного выбора. Выше свободы нет ничего.

Необходимость провести границу между сферами люди почувствовали давно — когда придумали одежду, язык, личное жилище. Одежда и жилище — это попытка отделить личное от общественного, огородиться от посторонних глаз. А язык — это средство договора, обмена идеями. Ведь личная сфера не требует развитого языка — любви не нужны слова. Тем не менее, до сих пор со сферами существует огромная

неразбериха. Она кстати — еще одна причина навязывания универсальной любви, слепого гуманизма. Как хочется объявить все общество одной большой дружной семьей, поступиться неприятной справедливостью ради добрых отношений!

Вы никогда не задумывались, что значит быть профессионалом? Обычно считают, что профессионал — это мастер своего дела, опытный специалист, талант. На самом деле нет. Сильным профессионалом может быть и молодой человек, а талант оказаться талантливым любителем. Профессионал — тот, кто знает «как», а значит, как ни странно, профессионал — тот, кто строго следует правилам, всегда и без исключений. Новичок может забыть, срезать углы, схитрить, захотеть показать себя самым умным и оплошать. Профессионал знает, что правила придуманы не просто так. Это я к чему? В публичной сфере мы все — профессионалы, обязаны ими быть. В публичной сфере нельзя вести себя как вздумается. Эффективная публичная сфера — сфера порядка и закона. Контакты между ее «обитателями» должны быть строго регламентированы.

Однако публичная сфера не ограничивается сферой нашей профессиональной деятельности — политикой, экономикой, искусством или наукой. Даже когда мы выступаем как пользователи, потребители, клиенты, мы следуем правилам — на дорогах и выставках, в магазинах и поликлиниках. Даже на отдыхе, когда мы расслабляемся и отвлекаемся от забот, мы не можем нарушать правила. Везде где есть посторонние, где могут быть затронуты их интересы — публичное пространство, будь оно физическим или виртуальным.

Только четко отделенные сферы могут нормально функционировать, только тогда близкие отношения могут привести к прочной семье, а формальные — к свободе и справедливости. Путаница же в отношениях, непонимание различий сфер ведет к тому, что сферы размываются и в конце концов исчезают, а общество разрушается и откатывается к архаичным формам, превращается в суррогат одной большой семьи, племени или вообще стаи.

Признаками этой социальной болезни служат такие явления, как кумовство и семейственность, сговор и коррупционные связи, поклонение начальству, любовь к знаменитостям. Все это – примеры путей проникновения личных отношений в публичную сферу. Они поистине безграничны. К ним также можно отнести местничество, этническую и религиозную солидарность, различные виды групповой «морали», права меньшинств, чаевые, персональные и взаимные услуги «ты мне – я тебе», дискриминацию, закрытые клубы и тайные секты, ложи и братства, в сущности – любые неформальные сообщества и связи. Ясно, что все это не только неэтично, но и губительно для общества.

Однако не менее губительно и проникновение формальных отношений в семью. Так происходит, когда общество вмешивается в нее, регламентирует личные отношения, навязывает правила, которым там не место. Это и феминизм, и борьба с «домашним насилием», и весомая часть семейного права, и ювенальная юстиция, и «гендерное просвещение» детей, и даже такая на первый взгляд правильная вещь как подмена взаимной заботы между родными государственным соцобеспечением. И конечно, меркантильность, расчеты в семье, попытки расписать обязанности, заключать брачные контракты. Личная сфера должна быть недоступна посторонним. Никого не должно заботить, что люди делают за закрытыми дверями, если – и до тех пор пока – это их свободный выбор.

Так мы возвращаемся к тому, с чего начали – к детям. Откуда в данном случае берется необходимость, и главное – право, вмешательства в семью? Из того, что появляется угроза насилия по отношению к посторонним людям – ведь ребенок вырастет и вступит в общество. Конкретных причин может быть много. Например, есть дефекты здоровья, в том числе передаваемые по наследству, которые создают проблемы не только их носителям, но и отражаются на окружающих. Если человек оказался вдруг недееспособен – это одна проблема, если его сделали таковым – другая. То же самое, если человек оказался

недееспособен морально. Одно дело, когда это был его выбор, и другое — когда его таким воспитали. В обоих случаях мы сталкиваемся с осознанным причинением вреда обществу.

Соответственно, виновный должен согласиться с ограничениями своей свободы, в том числе со свободой размножения/воспитания. Конечно, идеально, когда сам человек это понимает и принимает. А если нет? Тогда принуждение — единственный выход. Вы скажете — но ведь этот вред не актуальный, дети еще не выросли, а то и не родились! Как этика может оправдывать насилие к человеку, который еще не принес никому вреда? Верно, проблема заключается в том, можно ли совершать насилие профилактически, зная, что человек лишь собирается сделать что-то плохое. Или даже еще не собирается, а возможно соберется.

На мой взгляд, да. Потому что своим отказом человек демонстрирует нежелание участвовать в договоре. Если он осознает, что может принести вред и не хочет предотвратить этого, он фактически угрожает. Но угроза — это насилие! Таким образом, принуждение к человеку в этом случае есть не превентивное, а обычное ответное насилие.

Однако допустим, человек говорит — да, мои потомки проблемные, но я и мои родные берем на себя полную ответственность за них, общество не будет ни в коем случае страдать. В этом случае у нас нет оснований для вмешательства, ведь этика требует доверять человеку. Значит, надо оставить человека наедине со своими проблемами. Однако здравый смысл, со своей стороны, выражает сомнение — как сделать так, чтобы это обещание, этот договор не мог быть впоследствии, когда уже ничего нельзя сделать, односторонне расторгнут? Как быть, если у общества нет средств гарантировать его выполнение? Скажем, дефектные дети выросли, родители умерли, а родственники не в курсе обещаний и отказываются заботиться о них. Что делать? Очевидно, необходимо придумывать какие-то общественные механизмы.

Отсюда следует, что воспитание морально и физически полноценных детей должно стать частью общественного договора. Методы воспитания, как и само наличие детей (с учетом пожеланий общества, если таковые имеются) – личное дело, но когда дети появились, они приобретают статус «будущих участников договора». Это неизбежное и необходимое внимание общества частично выводит детей из личной сферы – их жизнь, здоровье и результаты воспитания попадают под контроль всех остальных участников договора. Можно сказать, что мы наблюдаем здесь границу между моральными сферами. Дети оказываются на этой границе – они принадлежат и личной, и общественной сферам одновременно.

27 ГРАНИЦЫ И ЛЮДИ

Граничные проблемы между сферами, да и граничные проблемы вообще – не частный случай, а правило. Сама жизнь, движение к свободе – это постоянное разрешение пограничных вопросов, это движение от плохого к хорошему, а от хорошего к лучшему. Понимание окружающего мира начинается со способности правильно проводить границы, определять, и чем лучше люди пытаются в чем-то разобраться, тем больше им приходится проводить границ. Наше путешествие в мир морали мы тоже начали с деления ее на части. Сперва мы отделили жертвенную мораль, потом героическую и так добрались до объективной этики. Мы провели границы, но не определили их точно. Да и возможно ли это? Отделить черное и белое легко только в простых случаях, а уж в морали, как показывает история, вообще все чрезвычайно запутано.

И тем не менее без этого не обойтись – граничные ситуации чреваты конфликтами. Конфликт между семьей и обществом по поводу детей – один из них. Упомянутые в прошлый раз неэтичные практики, размывающие сферы общества – тоже следствие подобных конфликтов. Избежать их по-видимому невозможно, ведь личная сфера неформальна, и значит по крайней мере с одной стороны границы нас будет вечно поджидать сюрприз. Однако, чем лучше мы понимаем разницу между сферами, чем отчетливее граница, тем проще конфликт предотвратить и разрешить.

Граница между публичной и личной сферами – по сути граница между этикой и жертвенной моралью. Она не пролегает по краю близких отношений, если так можно выразиться. Мы не только постоянно сталкиваемся с незнакомыми людьми, видим их, слышим – а потому вынуждены думать о них и взаимодействовать с ними. Мы также осведомлены

о существовании миллионов других людей, интересы которых необходимо принимать в расчет. А для жертвенной морали достаточно уже простого знания о ком-то конкретном, чтобы налагать на нас неформальный моральный долг.

Как бы поточнее разграничить моральные сферы общества? Самый легкий и вероятно неизбежный способ – начать с деления физического пространства: «мой дом – моя крепость», «с глаз долой – из сердца вон», правило «вытянутой руки», правило «двух секунд» и т. п. Однако уже вблизи это не легко. Как ограничить вторжение в личную сферу звука? Запаха? А взять внешний вид или вид из окна? Что делать, если чужая одежда вызывает отторжение? Как быть, если вы попали в час пик, в толпу, в давку?

Возьмем простую бытовую ситуацию. Вы оказались в ограниченном пространстве с незнакомым человеком, например, на лестнице, в лифте, на тропинке. Этика требует от вас не причинять незнакомцу неудобств, но мораль призывает сделать для незнакомца что-то хорошее. Почему бы не улыбнуться, говорит она, не поздороваться. Вы скажете – но разве не причинять неудобств мало? А с другой стороны, разве улыбка – это жертва? Она вполне может быть требованием этики, формальной нормой. Вот так, столкнувшись с незнакомцем, мы на самом деле столкнулись с границей, когда не ясно – где кончается одно и начинается другое. Та же вежливость. Этика запрещает, она не требует конкретных действий, кроме тех, где человек сам согласился с правилами. Но вежливость не может быть таким правилом, поскольку она не оставляет выбора – в личных контактах вежливость обязательна и это явный признак морали.

Чтобы пространственная граница работала, она должна «продолжаться» в область отношений, для чего необходимо запретить личные отношения в публичном месте, а общественные – на частной территории. Однако возьмем такую ситуацию. Вы нанимаете на работу и вам надо оценить претендента объективно, с точки зрения потребностей компании.

Как добиться этого результата?! Ваша оценка человека всегда субъективна, вы неизбежно полагаетесь на ваш личный опыт даже если честно стараетесь ограничиться его квалификацией. А вдруг он вызывает у вас «смешанные» чувства? Вдруг он принадлежит другой расе? Говорит с акцентом? Инвалид? Многие ли могут объективно оценить инвалида? А если еще хуже – вдруг это ваш знакомый? Как можно объективно отнестись к знакомому? Как избавиться от стереотипов, избежать дискриминации? Как отбросить личные ощущения и сделать строго формальные, правильные выводы?

Когда личные и общественные отношения накладываются, возникают еще более трудные ситуации. Скажем, где граница между невинным обсуждением последних новостей на работе и распространением щекотливой, непубличной информации? Где граница между желанием оказать услугу приятелю и нарушением принципа равенства возможностей? Между нежеланием портить отношения с сотрудником и обязанностью сообщить о его промахе? Между преданностью команде и верностью долгу?

Ключевой граничной проблемой является дробление публичной сферы на коллективы. Общество – это не однородная «взвесь» индивидов, оно все состоит из больших и малых организаций, компаний, ассоциаций, клубов. Людям свойственно образовывать группы, объединяться по интересам. Однако, очевидно, что есть коллективы этичные, без которых общество не может функционировать, а есть – неэтичные, которые его разрушают. Например, существуют партии, кланы и тайные группы, нацеленные на борьбу за ресурсы, за власть. Но с другой стороны, отстаивать свои интересы могут и законные организации – те же коммерческие компании. Если не общий интерес – в чем вообще смысл объединения? Но тогда как определить что есть что? Где граница между этичной структурой и неэтичной? Какая здесь связь с моральными сферами?

Вы наверное посетуете, что сегодня я задаю много вопросов, но мало отвечаю. Давайте попробуем ответить. Вы знаете, что личные отношения не только отделяют личную сферу,

но и проводят границу между людьми. Здесь и кроется причина неэтичности некоторых коллективов, озабоченных частными интересами. Так, во-первых, явно неэтичны личные профессиональные связи, бизнес среди своих, устные договоренности, вообще любые неформальные сети, скрепляемые посредством знакомства. Во-вторых, возьмем такую структуру, работающую по формальным правилам, как орден, спецслужба или закрытая корпорация. Этична ли она? Нет. Откуда я знаю? Из принципа ее формирования – именно здесь пролегает граница сфер. Из-за того, что необходимо личное знакомство или личная рекомендации для приема в ее члены, подобную структуру можно назвать полужуральной. Часто в возможностях доступа человека в различные сообщества заключается его реальная свобода, реальные права. Причем этот же подход применим и к частям сообщества, к его внутренним «лифтам». Наконец, в-третьих, возьмем полностью формальную организацию, скажем министерство здравоохранения или ассоциацию врачей. Как отличить, кто работает на общее благо, а кто – на свое собственное? Я думаю, маркер тот же самый – способ приема в члены. Если правила доступа установлены обществом и зависят только от него – это организация, теоретически полезная для всех. Когда доступ зависит от самой организации – это скорее всего неэтичная группа нацеленная на защиту собственных интересов, ибо она отделяет себя от общества, а значит и от его блага. Правда, в данном случае мы не можем сказать, что организация размывает публичную сферу – ведь личное влияние тут исключено, просто она так устроена, что вход в нее доступен не всем. В данном случае правомерно говорить лишь о том, что публичная сфера плохо устроена и ее надо улучшать. И конечно, надо помнить, что организация, построенная правильно и с самыми благородными намерениями, вполне может выродиться в структуру отстаивающую интересы лишь своих членов.

Помимо сообществ, создаваемых людьми добровольно, существуют сообщества, созданные природой. Люди отличаются не только цветом глаз, и пока мы живем в мире разделенном культурными и этническими барьерами, построение свободного

общества неизбежно упирается в проблему согласования соответствующих интересов. Понятно, что сущее для этики не препятствие. Границы мешают публичной сфере, она должна быть однородна, а люди поставлены в абсолютно равные условия. Поэтому этика запрещает подобные непрозрачные границы, будь те государственными или региональными, политическими или культурными, точно так же как она запрещает автономии, диаспоры и землячества, созданные для защиты местных коллективных интересов.

Тем не менее, пока человечество не способно справиться с этно-культурным детерминизмом, границы между людьми необходимо учитывать. А для этого их, как и другие границы, надо прежде всего четко определить. Тут мы попадаем в серую область, где этика не дает нам готового решения. В чем смысл уточнения этнических, культурных или исторических границ? В том, чтобы внутри них можно было сформировать однородную, свободную от дискриминации публичную сферу, где процветает взаимное доверие и следуют одним нормам. Иными словами, где возможна здоровая, самодостаточная правовая система, опирающаяся на прочное этическое ядро – общие ценности и общие цели.

В самом деле, можно ли рассчитывать, что общество будет нормально жить, если на месте единого правового пространства множатся меньшинства, продвигающие собственные права? Если общие ценности замещаются мультикультурой, свободой «совести», политическими склоками, и в итоге приходится силой насаждать толерантность к тем, кто не хочет быть толерантным к другим? Доверие и терпимость возможны только если люди хотят жить вместе, делят общую судьбу, имеют общую цель. Иначе, даже если обойдется без открытой вражды, неизбежна дискриминация – деление на своих и чужих, стереотипы и предрассудки. Ясно, что если некие этнические граждане заключают сделки только между единородцами, если некие верующие граждане пропагандируют исключительно единоверцев, если некие идейные граждане голосуют лишь за сторонников – у их «совместного» общества нет будущего.

Как есть смысл провести границы? Я думаю, если людей живущих вместе действительно можно назвать одним народом – а именно, они разделяют общие ценности и говорят на одном языке – однородная публичная сфера реальна. Тогда мелкие различия можно сгладить и вынести за скобки, в личную сферу. Если же люди слишком разные, если они не хотят жить вместе, не могут избавиться от дискриминации, границу лучше провести внутри народа, разделить его на более мелкие.

Иначе говоря, есть два одинаково разумных и логичных решения – сегрегация и ассимиляция. Вы спросите – ну а потом? Что будет потом с этими границами? А потом, после размежевания, каждое общество сможет двигаться к свободе со своей скоростью, решая взаимные проблемы путем равноправных переговоров и согласия, а не борьбы за собственное, единственно-правильное видение будущего. И это поможет наконец избавиться от власти, партий и политики – вопросы общего будущего решаются не политическим насилием, не навязыванием воли большинства или меньшинства, а диалогом, просвещением и убеждением, учетом всех мнений и поиском консенсуса. Общие ценности сделают реальным то, что сейчас выглядит как утопия.

Согласуется ли сказанное с этикой? Я думаю да. Ведь так делается шаг к общему договору, который пока невозможен в силу детерминизма. Вы спросите – но не приведет ли это наоборот, к еще большей вражде, ведь обособившись люди отдалятся, перестанут понимать друг друга? А расы? Если смешав всех вместе можно получить некую однородность, то разделившись люди начнут отличаться все больше и больше! В этом возражении есть рациональное зерно. Однако, во-первых, надо иметь в виду, что если культурные интересы реально существуют, то этнические интересы – фикция. Почему? Потому что без культуры нет свободного общества, тогда как этничность – не более чем наследие прошлого, генная солянка, которая не сегодня завтра перемелется биотехнологиями до неузнаваемости. Можно гарантировать, что уже скоро люди

будут выглядеть гораздо более одинаково – и красиво! – чем сейчас. Расовые и этнические различия исчезнут навсегда.

Во-вторых, культурный интерес – это всегда движение к свободе. Поскольку культура служит формой, оболочкой этического ядра, между культурами нет принципиальной разницы. Культура развивается тем быстрее, чем свободнее общество и чем больше в нем накоплено ценностей, ведь творчество питается идеями и чем они многочисленней и разнообразней, тем лучше результат. Поэтому культуры взаимообогащаются, заимствуют и перерабатывают внешний материал, и в этом естественном, а не насильственном сближении и заключается правильный культурный интерес. Именно он проявляется в том, что культурные люди сами перенимают лучшее, передовое – и в искусстве, и в быту. Только предоставив возможность каждому народу самому решать судьбу своей культуры, можно обеспечить и отсутствие конфликтов, и общее движение к свободе.

28 ГДЕ НАЧАЛО (И КОНЕЦ) ПОДВИГА?

Неумение справиться с предрассудками — один из примеров нашей зависимости от природы, нашей несвободы. К счастью, люди обладают волей — способностью преодолевать эту зависимость. И хотя сила воли обычно невелика, люди иногда совершают поступки удивительной силы. Мы называем их подвигами.

Преклонение перед подвигом, возведение его в идеал, очевидно, необходимо для свободы, поскольку без него наше движение к ней едва ли было бы возможным. Однако этика не может одобрять подвиг — свободы равно достоин каждый, свобода не является уделом избранных. С другой стороны, жертвенная мораль тоже не может требовать подвига, кроме разве что исключительных случаев, ведь забота о близком человеке обычно взаимна, близкие отношения связывают, роднят людей.

Чтобы разобраться в сущности подвига, надо опять уточнить границы — на этот раз героической морали. В случае героической и жертвенной морали, это несложно. Жертвенная ценит конкретного человека, героическая же превыше всего ставит абстракции — идеи, понятия, принципы. Именно они достойны подвига. И хотя исторически первой идеей было вероятно конкретное «мы», отдельные члены коллектива постепенно стали менее важны. Так возникла граница не только между видами морали, но и между гомо-сапиенсом и человеком — ведь это только человек способен ценить идеи выше людей.

Сложнее обстоит дело в случае этики. Этика тоже ценит идеи. Но идеи бывают разные, и главное их качество — они бывают

правильные и неправильные. Героическая мораль не умеет определять правильность, в этом причина почему люди часто самоотверженно бьются неизвестно за что, например за интересы тех, кто их обманывает. Этим же объясняется, почему у каждого народа свои герои, пусть даже они воевали друг с другом! Этика умеет увидеть правильную идею. Вы скажете – но ведь это свобода делает идею правильной, а цель в обоих случаях как раз свобода! Конечно. Но вспомните ее загадочную сущность – свобода неуловима, она достигается только такими же свободными средствами, правильная цель неотделима от правильных средств. Героическая мораль не понимает этого. Для нее результат важнее средств, а отсюда – не только подвиги, но и ошибки.

Вы спросите – но в чем конкретно разница средств? Разве этика не требует усилий воли, не требует преодолеть свою природу? Скажем, верность своему слову – это несомненно насилие над собой и подчас довольно серьезное! Или взять творчество. Когда человек творит, он тоже преодолевает себя – не просто лень и усталость, но и свое невежество, ограниченность. Или даже страх, когда испытывает тот же самолет. Да и вообще, воля – это всегда хоть чуточку подвиг, ведь у животных нет воли, у них инстинкты!

И тем не менее, этика полагается на согласованные действия, а они в идеале не требуют героизма. Героизм – неудача этики, это значит что-то где-то недодумано, не учтено. Этика не может требовать героизма, поскольку она не может требовать жертвы – она учитывает все интересы, а жертва не является естественным интересом свободного человека. Ведь что такое жертва? Это всегда преодоление себя до степени некоторого пусть малого, но ущерба. Но ущерб себе – не победа над детерминизмом, а поражение. Человек, понесший ущерб теряет свою свободу. Преодоление детерминизма не должно сводить его в могилу!

Вы возразите – но и простой отказ от удовольствия может нанести ущерб! Что, например, если подавление природной агрессивности делает человека больным, неврастеником?

Этичное поведение, да еще в неэтичном обществе, вполне может быть героизмом доступным лишь избранным! Как же быть? Где провести границу? Там, где, как мы уже говорили, люди сами чувствуют какое поведение является нормальным, приемлемым для каждого, а какое – необычным, требующим слишком много сил. Например, не обманывать, не пользоваться слабостью других, не участвовать в явной несправедливости и насилии – вполне доступно каждому. Однако сказать правду, когда это нанесет огромный ущерб – скажем, лишит жизненных перспектив, похоронит надежды на будущее – уже под силу немногим. Понятно, что чем больше жертва, тем подвиг значительней.

Можно ли определить эту границу более формально? Можно. Как только люди найдут ее, они смогут заключить договор и тогда согласованное поведение как раз и будет областью этики. Ведь это именно приемлемые усилия для всех и позволяют договориться – договор не должен требовать героизма! Если же люди не могут договориться, если договор требует невыполнимого, остается борьба – и тогда люди руководствуются героической моралью. Отсюда кстати видно, что указанная граница переменчива – по мере прогресса приемлемым становится все меньшее насилие. Меняются и люди – они не только привыкают героически обходиться без насилия, но и теряют свои бойцовские качества, становятся более уязвимыми.

Необходимость перехода найденной границы служит признаком чрезвычайной ситуации – тогда следование этике становится невозможным для человека, это выше его сил. Это значит ни общество, ни люди еще не готовы к такой ситуации – они не выработали правильных средств, не создали механизмов. Договор затруднен и нужны особые меры, чтобы справиться с ситуацией. Например, началась война. Ожидать, что люди честно договорятся, кто пойдет в атаку, а кто поедет в тыл, едва ли возможно. Или чрезвычайная ситуация может возникнуть не сразу, скажем болезнь переросла в эпидемию. Сказанное проясняет смысл подвига. Поскольку подвиг – ответ

на чрезвычайные обстоятельства, на «сверхштатное» насилие, он, несмотря на личный свободный выбор, в некотором роде является вынужденным. Можно сказать, что ущерб сопряженный с подвигом оправдан, поскольку обстоятельства влекут за собой еще больший ущерб, хоть допустим, и не конкретно человеку принимающему решение.

Из-за того, что героическая мораль требует чрезмерного насилия над собой, она может оправдывать и насилие над другими – не только врагами, но теоретически даже соратниками. Дело в том, что насилие разрушает основу договора, утрачивается чувство равенства. Вы спросите – зачем нужно насилие к соратникам? Затем, что не все способны на подвиг, и затем, что коллектив, особенно крупный, требует сплоченности труднодостижимой без личных отношений. Но тогда как сочетается насилие с добровольностью подвига? Да, к подвигу нельзя принудить, но моральное давление, как и взаимопомощь, помогает преодолеть трудности борьбы. И здесь уже возможен конфликт этики и морали. Если бы все были способны на подвиг, мораль была бы не нужна – люди могли бы договориться в любых условиях и легко стать свободными. Однако не следует сводить любое насилие в коллективе к героической морали – у насилия всегда полно причин. Мораль применяет насилие для борьбы со злом – оно помогает преодолеть слабость человека, объединить коллектив, упрочить дисциплину, предотвратить злоупотребления властью. Метод героической морали – ответное насилие, но поскольку это все же насилие, она может конфликтовать с этикой.

Итак, хотя героическая мораль и этика сходны тем, что требуют противостоять насилию, преодолевать его, первое их отличие – в средствах. Средство этики – мирное, длительное, согласованное противостояние, не наносящее никому ущерба, а напротив, расширяющее общую, уже завоеванную свободу. Средства героической морали – это активное противодействие, риск и ущерб, это противоборство требующее всех сил во имя свободы в будущем.

Второе отличие — в целях, ведь будущая свобода всегда условна. Героическая мораль не знает правильности. Ошибки в ее целях — следствие ошибок в средствах, в отмеченном выше разрушении основы договора. Вне договора правильность невозможна, посему героическая мораль не может обойтись без этики. Указывая правильную цель, этика придает смысл борьбе. Увы, часто, когда люди борются, они знают против чего, но не знают за что. В этом причина, почему люди вообще иногда воюют, вместо того, чтобы договориться. В этом также причина, почему побеждая, они не останавливаются, а превращают победу в бессмысленное насилие над побежденными. В этом же причина почему вместо того, чтобы объединиться в борьбе против общего врага, они грызутся между собой, видят врага друг в друге. Так, воюя за освобождение народа, одни желают «свободного рынка», а другие — «социальной справедливости». Понятно, что победа в таких условиях сомнительна.

В свободном обществе героическая мораль, теоретически, будет излишней. Но не сейчас. Этика предлагает достигать цели путем договора, однако если он невозможен — она бессильна. Эта ситуация характерна для насильственного общества, где отсутствуют реальные свободы, нет политических прав, где человек не может найти работу, получить образование, узнать правду. В таких условиях без героической морали не обойтись. Или, скажем, этика требует безусловного восстановления справедливости. Однако как быть, если общество настолько несправедливо, что нет возможности сделать это законными методами? Приходится заменять правосудие местью. Мечь, т.е. наказание вне договора, гарантирует высокий риск, а значит это дело героической морали. Отмечу, что в общем случае этика не требует наказания, ведь восстановить справедливость можно договором и честной компенсацией.

Отсюда видно, что этика лишь терпит героическую мораль как вынужденную необходимость. Она не одобряет ущерб, но терпит, главным образом, ответное насилие. Этика требует его соразмерности — и в наказании, и в мести, и в борьбе. Насилие ни в коем случае не должно быть чрезмерным. Этика словно

указывает черту после которой насилие становится неправым, а борьба за свободу превращается в зло. Мы видим здесь еще одну границу – где героическая мораль кончается, где подвиг теряет смысл, ведь в неправой борьбе подвигу уже нет места.

Рассмотрим ее поближе. В случае коллективной борьбы существует проблема соразмерности насилия, как внутреннего – к соратникам, так и внешнего – между противниками. Начнем со второго. Когда мы имеем дело с агрессией, для ее отражения подключается героическая мораль, поскольку этика не может требовать насилия. Но сразу появляется возможность конфликта. Героическая мораль нацелена на полное поражение врага, ее цель – победа. Этика же ставит целью свободу. В чем разница? Этика требует достигнуть мира путем переговоров, честного баланса интересов. Желание полной победы может повлечь неоправданное насилие к побежденным, а когда противники предлагают договор, такая позиция чревата вырождением в безусловное зло. Если же борьба выдыхается и затягивается, она может выродиться в групповой эгоизм, пренебрежение элементарными нормами в отношении бывших врагов. Этика всегда хочет видеть в противнике потенциального партнера по договору и если конфликт острый, возможно даже противостояние в рядах соратников, когда кто-то идет против своих же товарищей, потерявших в запале борьбы этические ориентиры.

Можно сказать, что если этика ищет баланс, то героическая мораль его восстанавливает. При этом этика не позволяет достигнув баланса, нарушить его в другую сторону. Она всегда требует справедливости и учета общих интересов. Она словно говорит – чрезвычайная ситуация сходит на нет, пора заменить насилие договором!

Сходным образом обстоит дело внутри коллектива. Чрезмерное внутреннее насилие в ответ на внешнее разрушает коллектив, оно воспринимается как несправедливость и этика требует ее устранить. (Поэтому, кстати, власть любит выдумывать врагов – дабы оправдать свое насилие.) Если требование этики

не выполняется, героическая мораль начинает видеть врагов уже в тех, кто осуществляет это неоправданное насилие над соратниками. Т.е. острее морали может быть направлено не только на объединение и укрепление дисциплины, но и на предотвращение излишнего внутреннего насилия. И пока мораль подчиняется этике, она сплачивает противостоящий противнику коллектив.

Однако что случится, если внешних врагов нет? Тогда этика будет против любого насилия, включая объединяющее. Да, коллективная борьба рождает чувство сопричастности, вовлеченности, смысла бытия. Но этот смысл – временный! Выживание и победа не могут быть вечной целью. Срок годности героической морали ограничен – это только чрезвычайные ситуации. Слишком долгая борьба приводит к моральной усталости, отчего объединяющее насилие костенеет, способствует появлению иерархии и несправедливости, а сама борьба замыкается внутри коллектива. Так исчезают бывшие герои – революционеры, повстанцы, святые, а их сообщества вырождаются в ордена, секты и банды. Вне этики героическая мораль бессильна.

29 ЧТО ТАКОЕ ЗЛО?

Конфликты этики и героической морали по поводу насилия могут вызвать недоумение — а как же быть со злом? Разве зло не подлежит полному искоренению? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо точно определить понятие «зло». Легко догадаться, что как и в случае добра общепринятого определения пока нет. Верующие и философы-деисты считают, что зло — недостаток добра, отступление от божественного порядка, несовершенство. Это логично, если признавать Бога реально существующим, правда тогда неясно почему всемогущий и всеблагий Бог терпит зло. Для тех, кто не верит в бога, предпочтительнее считать наоборот, добро отсутствием зла. Например, если зло — страдания, то добро, соответственно, их отсутствие. Материалисты, как ни странно, ближе к верующим. Они любят считать, что добро — это счастье, изобилие, всяческие удовольствия, а зло — нехватка всего этого. Существуют и более интересные концепции. Например, философ Платон считал, что добро относится к миру идей, а зло — ко всему чувственному, видимому, материальному.

Очевидно, поскольку зло и добро — антиподы, в чем-то верны все эти точки зрения. Как дело обстоит с точки зрения этики? Наш предыдущий анализ показывает, что правильнее считать не зло отсутствием добра, а наоборот — добро отсутствием зла. Эта асимметрия объясняется проблемой существования свободы. Именно так, преодолевая зло, мир движется к ней, и первый шаг к договору — согласие относительно того, что может быть познано, чье существование не вызывает сомнений.

Однако несмотря на это, определить зло непросто. Если попробовать от противного, как мы в свое время определяли свободу, мы окажемся в заколдованном круге — ибо каким

образом определить противоположность того, что определить нельзя? В самом деле, свобода противостоит всему детерминированному миропорядку, должно отрицает все сущее. И если мы отождествляем свободу с добром, выходит, все сущее – зло! Но закономерный окружающий мир и мы вместе с ним, наше физическое существование, не могут быть 100% злом! Ведь во всем этом есть что-то хорошее, что нам нравится!

Скажем, удовольствия – успех, благополучие, здоровая работа организма – являются следствием детерминизма и одновременно это важные составляющие полноценной жизни, счастья. Или возьмем смерть. Явное зло, но одновременно – лишь проявление биологического детерминизма, неизбежности, без которой не было бы рождения, не было бы самой жизни. Или природная катастрофа, катаклизм со множеством жертв. Тоже несомненное зло, но при этом – игра слепых сил природы, нормальные процессы формирования геологических структур, без которых не было бы нашей планеты. Мы видим, что детерминизм на самом деле полезен, прежде всего для самой свободы. Благодаря детерминизму, мы не только можем существовать, мы можем познавать мир, можем становиться свободнее – преодолевать одни законы при помощи других, использовать детерминизм против самого себя. Да и вообще, все что мы чувствуем – это именно детерминизм, внешние и внутренние силы. Мы даже свободу чувствуем благодаря детерминизму – мы вспоминаем о ней когда теряем ее!

Как же тогда определить зло?

Начнем с того, что вспомним как мы определяли добро – надо исходить не из материальной реальности, а из нашего отношения к ней. В природе есть свобода и детерминизм, но добро и зло имеются только у людей, только у мыслящих существ. Поскольку свобода проявляется все лучше, поскольку мироздание движется в ее сторону, поскольку она является его объективной целью, мы считаем ее абсолютным добром и соответственно ориентируемся на нее в своих действиях. Однако тогда, по аналогии, детерминизм, будучи

противоположным свойством мироздания, должен все равно расцениваться разумом как объективное зло!

И, как ни странно, в этом есть смысл. Раз наша цель – улучшить имеющееся положение дел, оно нас не устраивает, оно отталкивает нас. Но отталкивать может только зло! Даже удовольствия могут быть злом, и не по таким очевидным причинам, как их излишества или осуществление за счет других – сколько бы мы ни получали удовольствий, мы все равно неудовлетворены, мы все равно склонны считать отпущенное природой, включая время жизни, недостаточным. Желать улучшить существующий мир можно только, если он содержит в себе зло, пусть и не очень большое.

И все же данное определение явно слишком широко, слишком абстрактно, ведь детерминизм может быть как полезен, так и вреден для нас. Вероятно, именно тут следует искать ответ – надо как-то отделить полезный детерминизм от вредного.

К счастью, как и всегда со свободой, мы отлично чувствуем что вредно – даже если не можем твердо знать что полезно. Именно в этом смысл слов «насилие», «принуждение» и множества им подобных – недаром свобода часто ассоциируется с отсутствием насилия. Что такое насилие? Это направленные на человека силы, то что мешает, чему он, осознанно или нет, сопротивляется или подчиняется. Впрочем бывает, человек обманывается и подчиняется тому что кажется благом. Да, насилие может выглядеть привлекательно, соблазнять, но за всем этим стоит детерминизм, который заставляет следовать своим непреложным законам, подавляет волю, не дает выполнять моральный долг – улучшать мир. Уничтожая свободу, насилие уничтожает самого человека, ведь свобода заключается не только в свободе действий, но и в свободе мыслей, творчества, идей. Поэтому насилие включает и насилие лжи, невежества, всего что ограничивает творческие, созидательные возможности. Творя, человек создает новый мир и тем выражает свою личность. Насилие же стремится

разрушить созданное, а человека превратить назад в раба природы, сделать из него автомат, лишить разума.

Значит зло – насилие? Но ведь и насилие может быть полезным – если восстанавливает справедливость, предотвращает ущерб, защищает свободу. Получается, для определения зла важнее не вред, а польза – нам надо исходить из цели! Полезные действия всегда имеют правильную цель – свободу. В частности, если мы нашли правильную цель, можно смело считать, что и наше благополучие, и наше здоровье, и само наше физическое существование – это полезный детерминизм, пусть даже этой пользы кажется нам недостаточно.

К сожалению, мы не всегда способны угадать, какой именно детерминизм окажется полезен, ведь творчество непредсказуемо. Более того, мы умеем выбирать средства и тем менять полезный и вредный детерминизм местами! И все же, свободная цель дает нам право определить полезный детерминизм, скажем, как «относительное» зло, а термином «абсолютное зло» наградить детерминизм, который ни при каких обстоятельствах не может быть полезен. Однако этот выбор неудачен – поскольку мы считаем свободу абсолютным добром, а зло определяем относительно добра, качество «абсолютность» не слишком подходит злу. Вообразить «абсолютный детерминизм» – полное отсутствие свободы, покой абсолютной пустоты – так же трудно как абсолютную свободу, но по крайней мере последняя, в отличие от первого, существует – как цель мироздания. Поэтому полезный детерминизм будет правильнее называть относительным добром, а понятие «зло», вместе с понятием «насилие», оставить для вредного детерминизма.

Но бывает ли такой, 100% вредный детерминизм? Конечно. Наверняка некоторые события и процессы разрушения никогда не являются полезными. Увы, обычно мы не знаем этого точно. Даже смерть и катаклизмы, несмотря на явный вред, могут скрывать некую пользу. Тем не менее есть один случай, когда мы можем быть абсолютно уверены во вредности детерминизма. А именно, когда цель разумного существа неправильна, когда

целью становится что-либо кроме свободы. Тогда мы имеем дело с насилием ради насилия, с детерминизмом ради детерминизма. Такие субъективные, не согласованные с другими цели либо проистекают из внутренней природы, инстинктов, либо есть следствие внешнего насилия – но так или иначе они детерминированы. А поскольку существо обладает зачатками разума, оно теперь препятствует другим разумным существам, чинит насилие, становится агентом детерминизма, его проводником. Отсюда вытекает, что зло эквивалентно отказу от договора, отказу от свободы.

Детерминизм в целом можно назвать злом «объективным», не зависящим от нас, но отказ от договора – зло актуальное, практическое, конкретное. Отказ, будь он осознанный или нет, тайный или явный, неизбежно влечет за собой насилие, ибо пока человек не участвует в договоре, его действия мешают остальным, идут наперекор, а значит являются насилием – излишним и неоправданным. Вспомните, когда мы пытались определить свободу, мы решили, что самым близким к ней понятием, понятием отражающим нашу общую цель, будет именно договор. Соответственно, отказ от него – точное определение зла.

Вы спросите – а разве человек не может не участвовать в договоре и при этом не причинять никому зла? Не может! Человек – часть общества, а общество – воплощение договора. Нельзя просто взять и «не участвовать», устранившись из общества. Что бы человек ни делал вне общего согласия и общей пользы, превращается в зло, даже если вред от этих действий сразу не виден. Так, если человек строго следует законам, добросовестно работает, голосует за «прогрессивные» партии – он может быть надежным винтиком колониального государства, ведущего агрессивную войну. Вы скажете – но если общество основано на насилии, при чем тут договор? Что еще тогда остается человеку? В такой ситуации ему остается искать способы содействия договору. Все остальное, любые действия не нацеленные на заключение договора – лишь продолжении привычного, пусть даже неизбежного зла, но от этого

не меньшее зло.

Как выглядит, как проявляется зло? Оно начинается с того, что люди отвергают идею договора, не желают знать об этом, задуматься. Соответственно, они игнорируют мнение других, действуют сами по себе, не пытаясь согласовать свои намерения. Еще хуже, если заранее знают, что их действия не одобряются теми, кого они затрагивают. Ну и крайняя степень морального уродства – когда уже само существование других ставится под сомнение. Она присуща, неудивительно, всевозможным властью имущим и их обслуге – чья цель, изначально, унижить слабых, обобрать честных, уничтожить несогласных. Мы видим, что существуют меры, степени зла, соответственно его вреду. Чем непоправимее вред, чем вероятнее его повторения, чем тяжелее страдания, тем зло больше.

Как мы говорили вначале, люди редко осознанно творят зло. Им нравится обманывать себя, придумывая удобное «добро». Самое простое подобное добро – личное и семейное благополучие, собственный успех. Более хитро устроено «коллективное» добро, а по сути групповой эгоизм – интересы клана, корпорации, народа. Бывает, люди следуют придуманному кем-то учению и отвергают все остальные. К примеру, есть почитатели Будды, Моисея, Христа, Магомета, Маркса. Такие видят добро в верности учителю и, нередко, в истреблении «ложных» учений вместе с их сторонниками.

Так мы подходим к роли этики. Этика предлагает всем найти общий язык, осознать общий интерес, заключить один договор на всех. Она помогает найти истинное понимание добра – то что получится в итоге общего договора. Можно также сказать, добро – сам договор, потому что это единственное средство достижения истины, и будучи правильным средством, он ведет к правильной цели. Отсюда кстати видно, что поскольку зло – любые идеи и действия, идущие вразрез общему договору, по мере расширения пространства договора зло действительно подлежит полному уничтожению.

Вы скажете – выходит сейчас почти все люди творят зло, раз они не знают об этике! Но как это согласуется с объективностью этики, с тем что люди и так ей следуют? Да, будучи объективной, этика, как и свобода, реализует сама себя. Однако происходит это неравномерно, ведь новые этические идеи не распространяются сами по себе. Пока лучшие ищут и внедряют их в жизнь, массы обывателей следуют этике детерминированно, просто потому что живут в том же обществе. Но этого недостаточно! Этика требует учиться, быть в первых рядах, а не плестись к свободе наощупь, мешая остальным. Человечество давным-давно пришло к идее договора, а сейчас этика уже сформулирована в явном виде, она превратилась в своего рода «путеводитель» доступный каждому. Обязанность разумного человека – как минимум осознать новые этические идеи, понять их. Без этого нельзя отличить полезные цели от вредных, сделать правильный выбор и улучшить мир. Вот почему вы – на верном пути, а те, кто не хочет знать об этике, но при этом «честно работает и никому не желает зла» – на самом деле соучаствует в нем.

30 ПРИЧИНЫ ЗЛА

Сегодняшняя тема может показаться бессмысленной. У добра нет причин, а значит все причины ведут к злу. Соответственно, свободные люди не могут творить зло, это невозможно по определению. Вы возразите – но зло возможно только в паре с добром, вне свободы зла не существует! Да, но есть нюанс. Отказ свободного человека от договора, подчинение детерминизму, на первый взгляд выглядит естественным – ведь свобода непредсказуема и не гарантирована. Однако, это не так. Одно дело – неопределенность движения вперед и совсем другое – явный откат назад, предательство уже завоеванной свободы. Для этики, «функция» зла как альтернативы добра – служить отправной точкой, а не конечной целью. Детерминизм помогает определять направление, а не задает его, позволяет достичь согласия, а не мешает ему. Свободный человек не может отвергнуть свободу. Если он выбирает оставаться гомосапиенсом, его «выбор» должен иметь причины, он не может быть свободным. Мы уже касались этого вопроса, давайте обсудим его подробнее.

Для начала надо отделить ошибки, разовые промахи от систематического поведения. Отказ от договора относится ко второму случаю. Ошибиться может каждый, но этический человек раскается и постарается исправить положение. Такая победа детерминизма случайна, временна. Систематическое же поведение имеет мировоззренческую основу, оно связано с жизненными установками субъекта, с его сутью, с его природой. Но если природа человека – сопротивляться детерминизму, откуда он в поступках людей? Может человек пока еще «социальное животное», а общество – детерминированная система? Социальное зло – бедность, кризисы, беспорядки – есть проявления слепых социальных сил, но сами эти силы, эти социальные закономерности, возникли из-за действий людей.

Если в обществе что-то не так — это всегда кому-то выгодно! Возможно, социальные закономерности пока еще не познаны, а средства борьбы с ними не найдены. Но это не проблема — если люди участвуют в договоре, они рано или поздно найдут способы преодолеть любые силы. Другое дело, если люди отказываются от договора — тогда они, действительно, ведут себя как социальные животные.

Почему? Они что, не понимают что такое договор? Едва ли. Правильная организация общества требует глубокого знания этики, однако в большинстве обыденных ситуаций для этичного поведения достаточно интуитивного понимания добра и зла, примитивного согласования интересов. Тем не менее, огромное число людей пренебрегает даже этим. Вместо этого они выказывают недоверие, зависть, злость, ненависть. Такое может быть только по одной причине — человек не видит смысла в жизни, не может выбрать правильную цель, не способен проявить свободную волю. В этом случае он подчиняется зову природы, ориентируется на естественные потребности. А поскольку при этом он полагает, что и другие поступают так же, он рассматривает их как соперников. Его разум парализован, подавлен эволюционной психологией выживания, и если критическое число членов общества ведет себя подобным образом, оно становится похоже на стадо животных, где каждый вынужден преследовать эгоистичные интересы. Оно приобретает иерархическую структуру, пронизывается силами, противостоять которым в одиночку уже невозможно.

Откуда берется неясность со смыслом жизни? Причин несколько и первая из них — непонимание разницы между добром и злом, невежество. Способность сделать моральный выбор, отличающая человека от прочих обитателей животного мира, начинается с умения увидеть зло, с умения оценить важность договора с другими.

Почему это так? Понимание мира состоит из двух слагаемых, понимание примитивной материи сводится к пониманию причин, понимание сложной — к пониманию целей. Понимать

примитивную материю может любое высокоразвитое существо – для этого достаточно уметь наблюдать и запоминать. И хотя этот метод не гарантирует 100% истинности, он дает неплохие результаты. Погрозите битой собаке палкой и вы увидите – она знает, что будет дальше. Однако для понимания целей, а именно к этой категории относится добро и зло, собственного мнения недостаточно. Тут мало посмотреть и запомнить – необходимо общаться и обмениваться идеями. Причем знание о самом этом факте не является тайной, можно сказать, что оно априорно – ибо разум возможен лишь в обществе, способность мыслить опирается на способность общаться, на язык. Соответственно, если мыслящее существо не видит нужды в договоре – это не потому что у него не хватает мозгов для понимания его важности.

А в чем тогда причина? В умственной лени, в нежелании и неспособности задуматься. Такие видят зло, когда оно касается их лично, но чем дальше, тем менее оно понятно и тем менее оно их заботит. В общественных делах они полагаются на чужое мнение, они способны только следовать за кем-то, подражать. Это делает их легкой добычей более хитрых, кто эксплуатирует их лишая самого необходимого. И оказавшись в тяжелых условиях, глупцам уже некогда задумываться, даже если б они захотели.

Придумать правильную цель трудно, но еще труднее – достичь ее. Куда легче сдаться, примириться с судьбой, приспособиться к несправедливости. Добро требует постоянных усилий воли, зло же происходит само собой, для его успеха достаточно вообще ничего не делать. Отсюда вытекает вторая причина – человек догадывается что такое добро, он хотел бы быть хорошим, но не может, у него не хватает сил, он не свободен в своих поступках. Например, он может оказаться рабом страха, желаний, пристрастия к удовольствиям, к насилию, к наркотикам. Или жертвой обстоятельств, действий и влияния других людей. Скажем, человек может справиться со страхом наказания, но не может с жадностью – тогда он становится вором, преступником. А если может с жадностью, но не может

со страхом – будет слугой более сильных. Он также может оказаться рабом своей лени, и тогда он предпочитает иждивение полезному труду. Но если содержать его некому, ему остается насилие, обман или попрошайничество. Часто лентяи выбирают близкие, легкие цели, которые ограничиваются их непосредственными нуждами, и которые, разумеется, имеют мало общего с общим благом.

Однако, в какой момент мы можем сказать, что уже свободны? Где провести границу? Возможно, человек обманывает себя, говоря что у него нет выхода, просто потому что не хочет напрягаться, рисковать, принимать на себя ответственность. Я думаю – так обычно и есть, поскольку большинство населения живет в неплохих бытовых условиях и обладает достаточной свободой выбора, не требующего особого мужества. Такие «расслабленные» отгоняют от себя трудные мысли, дабы не признаваться в своем малодушии, они уклоняются от морального выбора, они стали рабами добровольно, у них просто нет достаточного желания что-либо менять.

Если глупцы обманываются искренне, слабым хочется обманывать себя. Поэтому они охотно воспринимают идеологические и религиозные установки, массовую пропаганду, стереотипы и образцы поведения. Они тоже не могут управлять собой – не в обыденном, узком смысле, а в сущностном, нравственном. Они легко поддаются давлению или угрозам, а потому являются послушным орудием зла. Им тяжело иметь даже собственное мнение.

Если же субъект достаточно самостоятелен, он может выбрать зло осознанно. Так мы подходим к третьей причине – он может, но не хочет быть хорошим, он творит зло, потому что не желает творить добро. Отчего так? Жизнь научила его, что кругом враги, что все преследуют свои интересы – а почему он должен как дурак заботиться об общем благе? Он просто не видит смысла. И тогда смысл находится в насилии, в борьбе за свои интересы, за интересы своей группы. Такие считают, что сильный всегда

прав, что все построено на насилии, что мораль — для глупых, правила — для слабых, а побеждают те, кто идет до конца. Для них есть только одна мораль — выживания сильнейшего. Они любят угнетать, унижать других — это их возвышает.

Этот вид морального уродства можно объяснить преобладанием чистой рациональности. Такие уроды все отлично знают, они вообще могут быть очень умны. Но такую простую вещь они понять не в состоянии, ибо сам по себе рассудок, интеллект, еще не гарантирует моральности — необходима целенаправленная, творческая работа разума. На примере развитых животных видно, что интеллектуальные способности лишь содействуют умножению зла. Чем умнее хищник, тем большее удовольствие он получает убивая жертву. Волки резвясь режут все стадо, а скажем, у ворон с умом не появилось никакой способности сопереживать — зато появилась способность выклевать печень у живых жаб! Можно с уверенностью сказать, что если бы хищники были еще умнее, они получали бы истинное удовольствие от мучений своих жертв — в точности как получают дикари.

Характерно, что эта материалистическая психология подпитывается ни чем иным, как наукой. Наука пытается дать всему рациональное обоснование, но кроме детерминизма в основание положить нечего. Соответственно, мораль наука объясняет некими полезными для выживания, эволюционно возникшими нормами общежития, и тем — возможно неосознанно, как ни странно это звучит в приложении к ученым! — морально оправдывает зло.

Рациональные злодеи, «злодеи-материалисты», стараются обманывать, манипулировать другими — глупыми и слабыми. Их цели, однако, практичны. Они хотят денег, славы, власти, а потому ими также легко управлять — если пообещать или дать им это.

Если же гомо-сапиенс склонен к размышлениям и достаточно умен, чтобы понимать абсурдность рациональных оснований

добра, он придумывает себе оправдание и начинает творить зло под видом добра. Это — самая отвратительная причина зла. Почему? Моральное оправдание выдает индульгенцию на любые злодеяния. Во имя добра можно творить все что угодно, выше добра нет ничего. «Злодеи-идеалисты» придумывают идеи для остальных — сочиняют идеологии, религии и иные теории, призывающие к насилию или покорности, меняющие местами добро и зло. Они философствуют, пребывая на содержании у власть имущих, просвещают молодых, направляют их энергию, они помогают строить и укреплять злое общество социальных животных. Хрестоматийный пример — коммунисты. Мало кто мог так красиво расписывать свою высокую моральную позицию, свое обостренное чувство справедливости и горячее желание светлого будущего. Обещая прыжок в «царство свободы», они сумели морально отбросить массы в каменный век, сотворить столько зла, сколько до них не удавалось никому.

Но может, они ошибаются? Может, человек честно выбирает свободу, но понимает ее субъективно, он не догадывается, что она требует договора, что ее нельзя присвоить, что она одна на всех? На самом деле он презирает других, не хочет унизиться до них — ведь он умен, он талантлив, а потому его прекрасно устраивает та субъективная точка зрения, которую он выбрал и активно преследует. Так что по сути, отделить «идеалистов» от рассмотренных выше видов гомо-сапиенса нелегко. Ведь откуда берется их ложное общее благо? Из того же детерминизма, ему просто неоткуда больше взяться. Любой, кто не хочет слушать других, не хочет учиться новому, интересоваться этикой — кем бы он ни воображал себя — это злодей, поскольку все его «идеи» проистекают либо из его природы, либо навязаны ему извне. Он может честно обманываться или честно обманывать себя, но в любом случае он скрывает за возвышенными словами корыстный, хоть не обязательно материальный интерес, который определяется его «социальным бытием». Им движет жажда славы или власти, чувство превосходства или зависти, обида или месть, но все это кажется ему в высшей степени правильно и справедливо.

Данный вид гомо-сапиенса не просто не знает что такое добро — он не хочет этого знать. Однако можно заметить, что и остальные разновидности моральных уродов — кто не знает, не может и не хочет — тоже по сути не хотят знать. И это логично, ведь отказ от договора есть отказ от истины. Так мы подходим к характерному отличию человека от гомо-сапиенса. Если человек может ошибиться, он может не знать, не уметь и не понимать, то гомо-сапиенс прежде всего не хочет знать, не хочет уметь и не хочет понимать. Но откуда берется это нехотенье, это отсутствие доброй воли? Единственная правдоподобная причина — неполноценность, неразвитость, дефективность конкретного разума. Его «нехотение» — не что иное как непреодолимая умственная лень, это вовсе не свободный выбор. Вспомним разницу между разумом и рассудком. Рассудок детерминирован как и любая машина. Дилемма «желать-не желать», свободный выбор, понятие «воли» недоступны машине. Только разум морален, и если он «не желает» мыслить, если он ограничивается рациональностью, будучи не в состоянии выйти за пределы детерминизма, сделать свободный выбор и поставить себе свободную цель — это не разум.

Вы спросите — но почему тогда его обладатель несет ответственность за некое «зло», а не пользуется, скажем, статусом безответного «социального животного»? Ведь раз свободный человек не может выбрать детерминизм, «выбирающие» оставаться гомо-сапиенсами фактически не имеют выбора! Вы правы, но таково нынешнее несовершенное общество. Оно признает своим полноценным членом любого пересекшего общепризнанную черту рациональной дееспособности. Однако рациональная дееспособность не эквивалентна моральной. Когда-нибудь зло будет выкорчевано из общества вместе с его аморальными носителями, и если некто не хочет учиться и договариваться, а сам при этом продолжает жить в обществе, пользуясь его благами и выдумывая себе оправдания, он ответит за свое нехотение. От ответственности в обществе нельзя уклониться.

31 ЛИЧНОСТЬ И СТАДО

При всем многоцветии гомо-сапиенсов, среди них трудно найти способного быть заведомым негодяем, негодяем для всех, включая близких. Последнему негодяю необходим кто-то, кто его оправдает, для кого он будет хорошим. Подобное сведение добра к одобрению, к чьему-то мнению — характерный признак примитивной, дефективной моральной интуиции. В то время как полноценный разум интуитивно ощущает тождественность добра, свободы и общего блага, дефективный обладает лишь зачатками морали. В свою очередь неполноценный разум порождает неполноценную волю. Она хаотична, ненаправленна, недостаточно сильна для постановки и достижения свободной цели. Она и проявляется соответственно — спорадически, внося лишь случайное разнообразие в детерминированное поведение субъекта.

Вместе подобные субъекты напоминают стадо. Почему? Все животные похожи друг на друга, детерминизм — это повторение. Часто стадность понимают упрощенно — как скопище людей, толпу. Или как массовые беспорядки, панику. Или как моду, подражание. Но в любом случае как противоположность индивидуализму. Однако перечисленное — лишь проявления стадности. Самое опасное стадо состоит из тех, кто его не осознает. Индивидуализм не мешает стадности, напротив. Индивид, не желающий «быть как все», но при этом заботящийся только о своем благополучии — это и есть типичная стадная особь. Такой получает образование, выбирает профессию или бизнес, идет неким «своим» путем. Ему кажется, что он особенный, ведь он читает книги, смотрит новости, думает. Но все его мысли — на 90% такие же как у всех, его вкусы и потребности сформированы извне, его жизненный путь — стандартный. Он встроен в систему, он забирается по ее ступенькам так же как забирались до него и будут после него. Его

поведение детерминировано и неважно чем — любое несвободное существо копирует миллионы других.

Вы спросите — но откуда система? Разве стадо гомо-сапиенсов, несмотря на хаос воле, организовано? Разве субъекты преследующие эгоистичные интересы не порождают анархии? Нет. Поскольку силы их неравны, сильные берут верх и образуется иерархия, благодаря которой верхние организуют, управляют и эксплуатируют нижних. Причем эта закономерность характерна не только для общества. В природе точно так же хаос под действием сил обязательно сменяется динамическим порядком, пусть даже он выглядит иначе, чем мы привыкли представлять себе порядок.

Иерархичность, несовершенство общества окончательно подавляет слабый разум, едва способный справиться с собственной животной природой, и тогда человек начинает воспринимать мир только через ее призму. Убедительным становится лишь то, что говорят другие, особенно власть имущие, авторитеты — ведь они сумели оказаться наверху. Так иерархия дрессирует — субъект приучается подражать успешным, подчиняться системе.

Можно сказать, что стадо — это естественный способ, закон существования. Отсюда понятно, что гомо-сапиенсу свойственно не быть, а существовать — как существуют вещи или животные — бессмысленно, независимо от его воли. Но что тогда значит «быть»? Если существовать значит повторять — и других, и себя — то быть значит приобрести неповторимость, стать уникальной, свободной личностью. Только разум и воля позволяют разорвать мертвую петлю повторения одного и того же изо дня в день, от особи к особи, от поколения к поколению. Разум всегда в поиске новых идей, в поиске истины и смысла. Они дают ему собственную, независимую точку зрения — и право называться разумом.

Воспитание самостоятельности, независимости суждений — самая важная и самая трудная задача, стоящая перед человеком.

Освоение этики – первый шаг на этом пути. Почему именно этики? Во-первых, этика направляет, помогает осознать эту задачу. Общество всегда несовершенно и его улучшение требует способности мыслить независимо. Во-вторых, этика ставит именно те вопросы, с которых начинается собственно мышление, разум. Этика – не наука, ее не надо «учить», ее надо обдумывать, примерять на себя. Это не готовые решения, это главные вопросы бытия. В-третьих, правильное мышление всегда этически окрашено, нравственно. Добро и зло лежат до познания, без опоры на этику нельзя понять мир, оценить придуманное, созданное собой и другими. В-четвертых, размышляя, открывая для себя нечто новое, человек творит самого себя, меняет свое поведение и отношение, ведь знание всегда несет ответственность за последствия, в том числе ответственность перед собой. Оно вызывает необходимость измениться, стать лучше, а это невозможно без этики, без верного понимания добра и зла.

Ну и без наших бесед, ведь мы только и делаем, что ищем смысл! Возможно, эти беседы кажутся вам запутанными, скучными. Однако и в этом есть смысл! :) Самостоятельность не получится без преодоления умственной лени. Лень – очень грозный противник, она оказывается даже сильнее страха. Многие люди готовы рисковать жизнью, идти в бой, на смерть, но как только дело касается самостоятельного решения – они пасуют. Им нужен руководитель, начальник, командир.

Воспитанию самостоятельности способствует вера в себя, привычка придумывать собственные, пусть даже поначалу неправильные ответы. И еще привычка регулярно записывать свои мысли, например в личный дневник. Анализируя свое поведение, «копаясь» в себе, подвергая себя моральной оценке, человек оттачивает нравственную интуицию, приобретает моральный опыт позволяющий ему лучше понимать окружающих. Нельзя научиться этому только читая книги или смотря кино, необходима конкретная нравственная работа над собой. Некоторые люди гордятся тем, что много читают. Есть эрудиты, знающие умопомрачительное количество фактов,

но неспособные применить это богатство в жизни. Так получается, когда чтение не сопровождается размышлением, когда оно превращается в средство досуга. Еще больше людей принимают за культуру ее внешнюю оболочку – искусство, причем в самом примитивном, развлекательном изводе, игнорируют ее моральное ядро. Им не нравится серьезная литература и кино. Они их напрягают, мешают радоваться жизни, заставляют нервничать и переживать.

Свободный человек несет ответственность за свое мнение, а поэтому он постоянно учится, старается понять точку зрения других, улучшить вкус. Он знает свои недостатки и пробелы в знаниях. Стадо же самодовольно. Оно получает свое мнение через дрессировку – образование, СМИ – и принимает его за окончательную истину. И чем более образованно стадо, чем больше оно заполучило дипломов, тем сильнее у него уверенность в своей правоте – а потому и в праве учить других, непохожих, тех, кого оно не понимает и чей творческий вклад оно не в состоянии оценить. В стадном обществе у талантливых людей мало шансов на успех. Независимость, необходимая творческому человеку, ограничивает успех узким кругом близких людей. Широкого успеха можно добиться лишь встроившись в систему, изменив своему таланту, переступив через свое «я».

Соответственно, стадные авторитеты, как и авторитетные социальные структуры, лишь управляют стадом, они служат системе, они стали авторитетами потому что так было надо, а не потому что они действительно заслужили. Самостоятельность требует критично относиться к системе, не доверять авторитетам. Почитание кого бы то ни было – великих, знаменитостей, экспертов, иностранцев, но особенно руководителей – признак тяжелого морального недуга. Люди, занимающие ответственные посты, несут ответственность не перед начальством, а прежде всего перед подчиненными. И эта ответственность во многом выражается в желании угодить подчиненным, удовлетворить их требования. Но угодить всем невозможно! А потому начальник всегда неправ, это и сущностная черта его должности, и нормальная реакция на него

подчиненных. Если люди постоянно одобряют деятельность начальства — дело скорее всего в отсутствии у них достоинства. Это холуи. А если не одобряют, но молчат — трусы. Подобное отношение развращает, приводит к тому, что управление трансформируется во власть, в насилие — ибо насилие возможно только тогда, когда его позволяют. Сказанное не означает, что надо игнорировать чужой опыт и знания. Ценить их необходимо, но лишь самостоятельно убедившись в их наличии и ценности!

Социальная дрессировка обязательно включает моральные образцы, потому что иногда люди, не умея самостоятельно выбрать себе цель, но желая стать лучше, следуют примерам. Они проживают свою персональную жизнь, имея перед глазами конкретный идеал человека. Например, христиане понимают правильность как «следование» Христу. Другие предпочитают киногероев. Следование образцу, особенно если он хороший, лучше чем ничего, но надо помнить, что жизнь никогда не повторяется, каждое время требует своих героев. Нельзя стать лучше просто подражая — хотя бы потому, что без своего мнения не получится выяснить, а достоин ли герой подражания?

То же относится к общественным идеалам. Навязанные идеологами и пропагандистами «идеалы» неверны уже потому, что навязаны. Человеку нужны идеалы, они помогают сформулировать правильную личную цель, но если принимать идеи бездумно, неизбежно станешь орудием зла - или пассивным винтиком системы, или солдатом чужой удачи, разрушителем.

Обыватель, вечно повторяющий то, чему его обучили, не несет свободы в мир — и стало быть творит зло уже самим фактом своего существования. Даже если он сопротивляется манипуляции, он творит, если так можно выразиться, насилие инерции. Он не способен участвовать в договоре, потому что он не видит нового, он его не понимает, а значит его мнение работает против свободы. Стадный человек не может быть моральным.

Тут можно усмотреть противоречие — почему, если людей

воспитать, научить вести себя культурно, заставить вызубрить правила, почему эти люди не будут моральны? Потому что договор – дело индивидуальное. В этике нельзя полагаться на других, ответственность, как и выбор, всегда личная. Для участия в договоре мало уметь следовать нормам, надо уметь их улучшать, придумывать новое, как минимум – оценивать его. Без этой способности сам договор теряет смысл – ибо о чем тогда договариваться? И ключ к ней – умение самостоятельно придумывать пути улучшения мира, искать собственную полезность, а не тупо следовать заведенным правилам. Выработка правил – проявление автономии разума. Правило – новый план будущего и его наступление зависит только от воли человека, оно не имеет никаких естественных причин для появления. Те, кто следуют нормам потому что так велено, выгодно или следуют другие – лишь повинуются детерминизму, они повторяют старое, а не создают новое.

Это хорошо видно в случаях, когда человеку «разрешено» не следовать нормам. Если кто-то другой, например командир или руководитель, принимает на себя ответственность, многие готовы бездумно чинить зло, убивать и мучить. То же самое, когда других людей пропаганда превращает во врагов – многие тут же согласны их убивать. Но самое показательное, когда зло одобряется окружающими – только единицы способны противостоять стаду и твердо опереться на собственное понимание добра и зла.

Поэтому самостоятельность требует и умения сопротивляться информационному давлению, и особенно давлению коллектива. Обычно мы постоянно общаемся с одним и тем же кругом людей, усваиваем общие привычки, ценности, стараемся не конфликтовать, не идти против. Самостоятельность несет печать одиночества. Способны ли вы возразить друзьям, отстаивая то, что считаете правильным? Способны ли объяснить, доказать свою точку зрения? Способны ли остаться одни когда друзья отвернутся? Самостоятельность – это и умение говорить «нет». У нормальных людей принято делать личные жертвы – такова мораль личных отношений. Люди дорожат отношениями,

однако иногда жертвы становятся неоправданными, потому что некоторые научаются пользоваться этим к своей выгоде. В таких ситуациях человек, уступая просьбам и незаметному давлению, начинает постепенно приносить в жертву самого себя – ради хороших отношений, ради друзей, ради людей. Подчинение переходит в зависимость, почти такую же как и другие зависимости от которых трудно избавиться.

Исключительно важна также самостоятельность материальная, финансовая. Один из методов контроля нижестоящих, подчинения их системе – лишение экономической независимости. Для этого не только сокращаются возможности доходов, но и увеличиваются необходимости трат, навязываются потребности, раздаются подачки. Поэтому часто материальная кабала – следствие психологической. Независимость требует умения управлять собой, ограничивать свои аппетиты и запросы. Конечно, если насилие велико, если нет возможности заработать на самое необходимое, независимость может потребовать слишком много сил. Однако гораздо чаще люди сами лезут в кабалу, имея все возможности жить скромнее и свободнее. Причем чем больше у них есть, тем больше им хочется, тем сильнее они готовы пресмыкаться. Залезая в долги, делая карьеру, забираясь вверх по социальной лестнице, люди становятся все более зависимы и все менее свободны.

Как видите, самостоятельность требует многого, она требует идти и против стада, и против собственной стадной природы. Это трудно – но такова цена свободы.

32 СТРАХ

Воспитание личности имеет смысл если быть личностью имеет смысл. Но как реально улучшить мир, когда вокруг стада гомо-сапиенсов? Масштабы зла поражают. Много ли может сделать один человек? Логичный выход – стать зрителем, сторонним наблюдателем, «не участвовать» во зле. Увы, нельзя без последствий стать зрителем того, от чего невозможно уклониться. Человек не может не участвовать, не может отделиться от общества, и потому пассивность ведет лишь к стадности. Созерцатель, хочет он того или нет, присоединяется к множеству таких же молчаливых, невидимых. Пассивные люди все одинаковы. Их девиз – «мы ждем перемен». И они ждут – каких-нибудь событий, выборов, кризисов. Они надеются на других – на нового президента, новое поколение. Они говорят – еще немного и «маятник качнется в другую сторону», еще чуть-чуть и «народ проснется». Народ никогда не проснется – его даже силой трудно разбудить. А еще они мечтают увидеть как повесят предателей, как накажут зло, как восторжествует справедливость. Но в сущности, пассивному зрителю просто удобно ничего не делать, удобно существовать.

Многие понимают это. И тогда они говорят – делай, что должно и будь что будет. Хорошие слова. Неясно только, откуда они знают – что должно? И часто получается, что правильными словами они отстаивают свое право на стадность – а почему я должен этим заниматься? Я работаю, плачу налоги! Каждый должен заниматься своим делом, добавляют они. Получается, что кто-то должен предоставить им работу, справедливо распределить ресурсы, честно платить зарплату, но при этом они будут заниматься только тем, что им нравится. Позиция «я честно делаю свое дело, а остальное меня не касается» – это позиция овоща, который приглашает пользоваться им.

На самом деле, в основе обеих позиций лежит страх.

Зло было бы невозможно если бы ему не служили массы людей – своим молчаливым согласием, своей трусостью. Зло всегда требует исполнителей. Активных источников зла обычно немного, но его массовый масштаб возможен благодаря тем, кто просто делает свое дело, не желая знать, какова моральная ценность системы на которую они работают. Они стараются не думать, потому что боятся себя, своей совести. И хотя они, бывает, надеются на какие-то перемены к лучшему, самое удивительное, что если кто-то реально пытается что-то делать, они, дабы не выглядеть на его фоне тем, кто они есть на самом деле, начинают его осуждать – мол самый умный, куда лезешь, больше всех надо. Вот что делает с человеком трусость!

Любая система работает благодаря таким бессловесным винтикам-исполнителям, шестеренкам системы – ибо уроды ведут себя так как им позволяют. Систематическое насилие может быть остановлено только насилием. Это в первую очередь относится к власти имущим. Не существует никаких волшебных средств сделать власть «цивилизованной» и «моральной». Необходимое условие прогресса в насильственном обществе – уравновесить насилие власти сопротивлением снизу. Как справедливо подмечено – каждый народ достоин своего правительства. Власть всегда будет использовать все доступные средства для наращивания собственного могущества. И если подданные согласны с этим, если их это устраивает, они рано или поздно превратятся в полных рабов, а власть приобретет отвратительные черты олигархической и криминальной. И хотя ответственность за это начинается с самой власти, рабы несут не меньшую – и даже большую! Почему? Потому что патологические моральные уроды наверху часто реально недееспособны, это животные, которые подлежат либо лечению, либо ликвидации. Но все население не может быть сплошь животными. И в той степени, в какой мы признаем население людьми – оно ответственно за ситуацию в обществе.

В этой связи отмечу особую моральную ответственность

творческих работников, умных и способных людей. Своим трудом они создают новые ценности, открытия и технологии, которые часто используются во вред. Когда умный человек говорит «я политикой не интересуюсь, я просто работаю», это прямое соучастие, ибо подобная позиция приводит к тому, что у уродов появляются все более совершенные средства угнетения и насилия. Изобретатель должен понимать на кого он работает. Аналогично, чем выше способные организаторы поднимаются по лестнице управления, тем больше зла они могут натворить.

Страх — самый сильный инстинкт, он весьма эффективно превращает человека в гомо-сапиенса, подавляет волю и способность думать, мешает воспитанию личности и поиску смысла. В отличие от страха животных, чистого инстинкта самосохранения, этот, человеческий страх рождается вместе с разумом, он как бы переселяется в него и душит не давая развиваться. Из страха последствий, смерти, он перерастает в страх поражения, страх собственной никчемности, пустоты, бессмысленности. Слабый разум боится самого себя — своей неспособности стать независимым и свободным. Так, если в молодости, бывает, человек легко ставит себе высокие цели, хочет добиться чего-то, то проходит время, накапливаются трудности, и его взгляды меняются. Он думает, что раньше был наивен а теперь поумнел. На самом деле он лжет себе: ему тяжело признать что он сдался даже не начав бороться за свою мечту. И если человек боится быть честными с собой, боится своего страха, страх полностью поработает его. Человек старается отогнать тяжелые мысли, но страх все равно вылезает наружу. Ему теперь обидно, что у других получилось лучше, что другим повезло, что они сильнее, честнее, достойнее. Это кажется завистью. Но на самом деле это страх. Человек не хочет признать, что не обладает нужными качествами, способностями, что он поступал не должным образом, был неправ. Он боится потерять самоуважение и перечеркнуть свою жизнь. Страх злит, выплескивается на более успешных, активных, равнодушных. Только сильный человек способен признать свои ошибки, свои неудачи и свою неправоту. И конечно свой страх.

Это особенно заметно, когда разговор заходит о морали. Не в этом ли причина непопулярности нравоучений, бесед в тональности «ты должен»? Кому приятно чувствовать, что он что-то там должен, что он делает что-то не так? Признать себя морально неполноценным под силу немногим. Между тем, любая этическая идея требует именно этого. Ее нельзя принять без осознания прошлой неправоты. Вам, молодым, в этом плане легче, вы еще не боитесь идей, не боитесь думать. Да, думать тоже бывает страшно, особенно потом, когда многое уже обдуманно и принято в качестве истины. Тогда новые идеи начинают отпугивать — они заставляют переосмысливать привычное, лишают уверенности. Впрочем, слабому человеку иметь собственную точку зрения страшно всегда.

Страх поистине вездесущ, он живет в каждом живом существе, от него невозможно избавиться. Страшно выполнить свой долг, страшно поступить правильно, страшно сказать правду, страшно опозориться перед другими, страшно понести наказание за зло содеянное прежде. И очень страшно осознать, признаться себе самому — кто ты есть на самом деле, зачем ты живешь.

Где найти силы признаться себе в своем страхе, сказать — да, я боюсь, я — трус, я молчу, потому что мне страшно, я никогда не справлюсь с ними, с системой, со злом? С таким признанием трудно жить — трудно чувствовать себя бессильным ничтожеством, «тварью дрожащей». Стыд перед собой, друзьями, женой, детьми, окружающими невыносим. Когда человек, еще не признаваясь себе в этом, уже чувствует подобное унижение, он ищет любые причины для самооправдания. Он бежит от реальности, делает вид, что он просто «разумный и здравомыслящий» человек, которому нет нужды лезть на рожон. Или придумывает себе розовые очки, свой уютный мирок заблуждений, лживых идеек. Или строит из себя циника, которому все «до лампочки», которому просто не важны все эти высокие материи, абстракции. У него дескать, семья, работа — это для него действительно важно.

К страху своей совести, страху бессмысленности, добавляется страх потерять материальный комфорт, благополучие. Известно, что разочарования, потери перспектив и возможностей, а тем более бедность, неплохо стимулируют социальную активность. Почему? Потому что они помогают преодолеть страх. Чем меньше терять, тем менее страшно. И все же это помогает не слишком — ибо страх сильнее даже голода. Но что же тогда сильнее страха? Только разум — но его еще надо заставить работать! А хитрые трусы уже заранее знают к чему это может привести, заранее боятся. Поэтому они не хотят слышать про свободу, про добро, про мораль. Это их раздражает, злит. Они твердят — это мы все знаем, это все пустая болтовня, красивые слова, все врут, везде ложь. Трус предпочитает винить всех остальных — страну, власть, народ. Он ругает людей, ругает жизнь, его жжет ненависть — но в ее основе лежит стыд за себя, страх в котором невозможно признаться.

Поддаваясь страху, трус творит зло, он начинает с малого, а кончает тем, что лезет вверх и унижает других, более слабых. Ведь ему надо самоутвердиться, доказать себе, что он не трус. Но на самом деле, чем дальше, тем хуже — чем больше такие творят зла и подлостей, тем им страшнее, они уже не в состоянии остановиться и встать лицом к лицу со своей совестью даже если б захотели. Они не могут найти силы перечеркнуть свою жизнь, признаться что прожили ее негодьями. И конечно, они боятся возмездия — и тогда они творят новое зло из страха оказаться разоблаченными и наказанными.

Так страх пронизывает все общество — сверху донизу. Нижние боятся верхних, верхние — нижних, и все — друг друга. Они выстроили репрессивную систему, они дошли до крайности, они уже понимают что так нельзя, но боятся — боятся что первый кто выступит против будет уничтожен остальными. Поэтому в сущности, их главный страх — это страх морали, закона. Зло обязательно уничтожает закон. Беззаконие — верный признак страха охватившего все общество.

Можно ли стать личностью, не победив страх? Можно. :)

Никто не способен победить его до конца. Но важно делать шаги к освобождению. Какие? Для начала — говорить о нем. Мыслящий человек не будет обманывать себя — в этом нет никакого смысла. Да, признаться себе в своей слабости страшно. Еще страшней найти выход, сделать следующий шаг. Борьба со злом, за свое достоинство — это действительно страшно. И чтобы это было легче, надо говорить об этом с другими. Говорить правду — о своем страхе, о своей трусости, о том, что надо вместе искать выход. Правда рождает доверие, а доверие побеждает страх, ведь победить его легче сообща, поддерживая друг друга. Пусть победить не до конца, но благодаря маленьким шагам, можно доказать себе, что можешь, способен быть свободным.

Возможно, вам показалось, что я слишком сгустил краски, ведь вокруг множество удивительно смелых людей! Однако, не надо путать смелость с мужеством. Много людей нанимаются воевать за деньги, они наверное смелые, раз не боятся рисковать жизнью. Много людей любят опасные приключения, они тоже смелые, раз подвергают себя опасности из удовольствия, раз это им нравится. Много людей увлекается силовыми или боевыми видами спорта, работают спасателями, пожарниками. Но почему так мало людей, кто готов на самом деле, по настоящему бороться со злом? Куда деваются все эти смельчаки, когда дело доходит до сопротивления власти, противодействия несправедливости? Почему они превращаются в шестеренки, почему заискивают и пресмыкаются?

Борьба со злом часто начинается в одиночку, ведь мораль требует личного выбора. Это и есть мужество. Мужество, в отличие от смелости, не заложено в генах, в характере. Оно не щекочет нервы, не приносит благ. Оно не требовалось для выживания, оно — результат разума, а потому, как и разум, оно нуждается в воспитании, развитии в себе. Гомо-сапиенсу присуща «гражданская» трусость, потому что он не создан для жизни в свободном обществе, для самостоятельного действия, для длительной, постоянной борьбы с детерминизмом, организованным насилием. Он может проявить храбрость

на короткое мгновение, в коллективе, следуя примеру, воодушевленный конкретной целью. Или он может отважно бороться за свои интересы, за свою семью. Противостоять многим людям во имя абстракций, да еще в одиночку, он не способен.

И все же, разве нельзя просто тихо мирно жить, не творя зла? Действительно, этика не требует от человека какого-то особенного долга. Однако если общество уродливо, если людей мало, а гомо-сапиенсов много, мирный долг превращается в тяжкую ношу, поскольку реальное неучастие в зле, следование закону, становится равнозначно сопротивлению и требует мужества. Тогда этику дополняет героическая мораль, а долг призывает к борьбе. Героическая мораль весьма требовательна, однако, я думаю, разум всегда найдет способы сделать так, чтобы человек не был обязан становиться сверхчеловеком. Этические методы борьбы, как и преодоления детерминизма вообще, опираются скорее на творчество, способность придумать действенные меры, не сопряженные ни с неоправданным риском, ни с бессмысленной жертвой.

33А БОРЬБА СО ЗЛОМ

Поскольку зло, как нравственное «лицо» детерминизма, объективно, само бытие свободного человека есть уже противостояние злу, борьба с ним. Однако искусство, техническое творчество или иной труд на общее благо как-то не принято считать борьбой, пусть даже человеку приходится бороться со своей ленью, невежеством и усталостью. Заметно ближе к привычному пониманию борьбы саморазвитие, воспитание личности, выработка воли. Это уже явно борьба, хоть и со злом внутри себя. Но все же конечно, настоящая борьба не ограничивается собственной личностью. Что проку развивать свои таланты, когда вокруг полно тех, кто только и ждет, чтобы присвоить их плоды? А значит борьба так или иначе включает принудительное изменение поведения других людей, вплоть до их уничтожения, если они творят зло и нет иного способа их остановить. Такая борьба ставит ряд моральных вопросов.

Преодолевая свою природу, человек совершает насилие над собой. Однако насилие к другим — совсем иное дело. Недаром этика не приемлет такого насилия. Этике больше по сердцу просвещение, воспитание, беседы какие-нибудь :), причем вся эта деятельность должна быть добровольна. Этика не одобряет даже пропаганду, поскольку та — всего лишь вид информационного насилия. Человек обязан сам интересоваться этикой, сам хотеть стать лучше. Это в конечном итоге единственный путь к свободе, несмотря на то, что он долгий, извилистый и абсолютно не гарантированный — в точности как сама свобода.

Но значит ли это, что правильно «ненасилие»? Нет. Этика, в силу своей объективности, поневоле ввела в заблуждение множество людей. Впервые призыв к непротивлению злу насилием прозвучал более 2,5 тысяч лет назад из уст мыслителя

Будды, а затем был подхвачен христианством и частью гуманистов. Так, согласно писателю Толстому, зло заключается в страданиях, а значит сопротивление злу в конечном счете не уменьшает его, поскольку приносит новое страдание. Свое понимание зла непротивленцы дополнили своим пониманием добра – как смирения, всепрощения и неизменной любви. В итоге, из правильной посылки «зло побеждается не злом, а только добром» они сделали ложные выводы. Чем эта ошибка обернулась в жизни показали годы коммунистического террора – ибо другие понимали под добром нечто иное. Благодушные проповеди о ненасилии не могут остановить немыслимые в мире животных зверства на которые горазд мотивированный гомо-сапиенс. Любые проповеди останутся пустыми словами, пока не определено что такое добро и что такое зло. А это требует договора! Из этих соображений видно, что те, кто отказывается от договора, т.е. носители зла, не вправе претендовать на моральное отношение к себе. Вне договора этика бессильна – как и сопротивление злу. Для разумного человека сопротивление выглядит скорее покорностью, послушанием, подчинением злу.

Однако провести границу применимости насилия, как вы наверняка помните, не всегда легко. Разделим задачу на две части. Первая – насилие в формальной, публичной сфере свободного общества, в пространстве договора, вторая – в условиях отсутствия договора, например в насильственном обществе.

В первом случае, когда люди совместно ищут нормы и добровольно следуют им, насилия как института не требуется. Однако если среди них есть те, кто отказывается от договора, ответное насилие неизбежно. Отбросим вопрос (само)защиты, он, на мой взгляд, тривиален: агрессия является чрезвычайной ситуацией и неправомерно требовать в этом случае от человека хладнокровной оценки допустимости и уровня ответного насилия. В нормальной жизни ответное насилие принимает форму наказания. Чтобы выяснить его меру, необходимо сперва понять – действительно ли человек отказывается от договора,

а вдруг он объективно не мог следовать норме? Разумеется, мера ответственности зависит от его способности к договору. Здесь полезно вспомнить, что сама она вытекает из способности мыслить, и в оценке этой способности достаточно полагаться на факт общения. Каждый, кто говорит как человек, но ведет себя как животное – гомо-сапиенс, и он полностью отвечает за отказ от договора.

Вы возразите – а так ли это? А вдруг «гомо» не вполне «сапиенс»? Не просто больной индивид, а, скажем, их отдельный вид? Разве не могут существовать дикари не способные понять этику, тем паче следовать ей? Вы правы. Очевидно, существует некая граница между способным к договору гомо-сапиенсом и дикарем, которому эта идея пока недоступна. Свободный человек заинтересован в улучшении мира, включая создание благоприятной среды обитания для неразумных существ, внесение в него максимальной гармонии – что бы под этим ни понималось. А если он использует неразумный мир против его воли, это – лишь неприятное следствие временной необходимости. Однако, неразумный мир может проявлять агрессивность – например нашествие саранчи вполне может потребовать чрезвычайных мер. То же самое относится к дикарям, которые вольны жить как им вздумается до тех пор, пока не мешают свободному обществу, пока они живут где-нибудь подале.

Далее логично спросить – в чем смысл наказания, если гомо-сапиенса не исправить? Конечно, не в принуждении к договору. Ответное насилие – интересный феномен. У него есть причина, оно – следствие необходимости. И у него есть цель – восстановление справедливости, предотвращение зла. Отсюда и смысл. Это, во-первых, воспитание, включая прощение, если проступок был ошибкой и есть честное раскаяние, во-вторых, изоляция, удаление наказанного за пределы свободного общества, и, в-третьих, его уничтожение. Последнее применимо к тому, кто заведомо недоговороспособен, кто имеет стойкую репутацию лжеца, чья психология или уровень мозгов не позволяют ему стать участником договора, а его изоляция

невозможна или нецелесообразна.

Но почему? Разве последнее — не явно чрезмерное насилие? Потому что, как я упомянул выше, отказывающийся от договора отказывается и от права на справедливое отношение к себе. Наказание, таким образом, выводит нас за рамки публичной сферы, что логично, ведь осмысленный отказ от договора несет все признаки особой, чрезвычайной ситуации. Наиболее серьезными случаями таких ситуаций являются внешняя агрессия и систематическая несправедливость внутри общества. Первая требует обороны и последующего наказания агрессора, а вторая превращает наказание в месть. Мечь нельзя рассматривать как естественную реакцию на преступление, как его следствие, ведь в природе нет ни мести, ни преступления. Мечь — первый шаг к справедливости, и если общество несправедливо, она часто остается единственным выходом для свободного человека, при условии конечно ее соразмерности.

Так мы перешли ко второй части задачи. В отсутствие договора на сцену выходит героическая мораль. Она прямо требует борьбы, включая как ответ на насилие, так и активное противодействие будущему, возможному и вероятному насилию. В частности, если человек не сделал ничего, чтобы предотвратить зло, его бездействие налагает на него ответственность в той мере, в какой обратное было в его силах, включая способность и узнать о зле, и передать это знание дальше. Таким образом, кстати, на всех не желающих задуматься об этике, живущих лишь своими заботами, как этика, так и героическая мораль сообща возлагают ответственность за то зло, что творится в обществе с их молчаливого согласия. Ведь согласитесь, наши беседы не так уж трудны!

Вы скажете — а если враг слишком силен и нет возможности бороться? Да, в истории были периоды столь ужасные, что сделать было нельзя вообще ничего — даже неучастие в зле было равносильно подвигу. Ныне, однако, все не так плохо — у каждого есть немного сил, чтобы делать хоть что-то. За преувеличением сил врага, за преуменьшением собственных,

за ссылками на отсутствие ресурсов обычно кроется страх, желание снять с себя ответственность, уклониться от борьбы. История показывает однако, что часто враг казавшийся всемогущим, скажем власть, сыпется как картонный домик потому что сгнил изнутри. Ясная цель и вера в победу – все, что необходимо и достаточно для привлечения сторонников и начала борьбы. Сила врага – это слишком часто следствие собственной слабости, собственного неверия и нежелания действовать.

Как же бороться? Прежде всего, учитывая слепоту героической морали, нам надо вернуть в нашу картину этику. Этика подсказывает цели и, в какой-то мере, средства борьбы. Поскольку путь к свободе лежит только через договор, целью становится создание условий для него. Принудить к договору нельзя, а значит надо сделать так, чтобы люди добровольно захотели договориться. Тут мы опять сталкиваемся с парадоксом – как можно силой привить желание свободы? Наиболее логичный ответ – улучшить людей, воспитать и просветить. Правда делать это придется насильственно, подсказывая и направляя их мысли в нужную сторону. Это хоть и принуждение, но не столько к договору, сколько к отказу от насилия.

Выбор конкретных средств – творческая задача. Можно пытаться действовать убеждением – публиковать статьи, агитировать знакомых или ограничиться воспитанием собственных детей. Однако системную дрессировку, включающую всеобщее образование, СМИ, продажное искусство, социальные и гуманитарные науки, победить таким образом трудно. Улучшение человека требует такого же системного подхода, а значит целью борьбы рано или поздно становится изменение системы, что невозможно без захвата власти.

Вы скажете – но разве это не противозаконно? Да, любая борьба за свободу «противозаконна» – а если еще нет, ее легко сделают таковой при желании. Но ведь законы подобного общества не имеют моральной силы, правильно? Следование им, как и их нарушение, опирается на собственную моральную

интуицию.

Указанная задача технически хорошо изучена, поскольку гомо-сапиенс занимается этим всю свою историю. Для нас важно, какие коррективы вносит в нее этика. Очевидно, важно не допустить чрезмерного, неоправданного насилия. Поэтому приоритет остается за наименее насильственными действиями, из которых главные — все та же пропаганда и агитация, и конечно поддержка любого правого дела, помощь людям борющимся за правду. Этика дает в руки борцам сознание правоты, правильности целей и средств, ставит их на высокую моральную позицию, которая сама по себе является мощным оружием. Она помогает сформулировать привлекательные социальные концепции, проекты, позволяет доминировать в пространстве публичной дискуссии, в общественном сознании. Как установили ученые, если в обществе накапливается критическая масса убежденных людей — всего около 10% — остальные бездумно перенимают их убеждения. В этом и заключается первая цель — привлечь достаточно разумных людей, набрать критическую массу и занять моральные высоты общества. Тогда следующими шагами может быть мирная политическая борьба в сочетании с массовыми ненасильственными акциями — гражданским неповиновением, демонстрациями и митингами, стачками и бойкотом, обструкцией и саботажем (если последний не затрагивает неучастных).

Однако, если насилие в обществе достигает высокой степени, методы сопротивления неизбежно становятся все более жесткими и даже жестокими, и чем репрессивнее система, тем более жестокие методы оправданы. Как мы помним, этика не против адекватного ответного насилия, важно лишь определить «адекватность» и области ее применения.

Наиболее очевидной границей является запрет на гласность. Свобода мнений — базовое условия договора. Если люди могут выразить несогласие — есть основа для диалога. Причем в общественной дискуссии не должно быть закрытых тем, включая призывы к насилию. Если же власть затыкает рты,

преследует за мысли — активное, в том числе физическое насилие становится единственным выходом, и его целью является как раз свобода слова. Однако, ясность этой границы, как и любой моральной границы — кажущаяся. Не существует безграничной свободы слова, как не существует и абсолютного безгласия. На практике всегда имеется спектр возможностей. У зла обычно преимущество — ему доступны информационные ресурсы, которых нет и не может быть у борцов за свободу. Соответственно, по мере того, как фактическая свобода слова выхолащивается, а ресурсы борцов тают, оправданы становятся все более жесткие методы борьбы.

Одним из них может быть террор - физическое устранение знаковых, одиозных фигур репрессивной системы с целью запугать остальные ее шестеренки. Такой точечный террор создает ситуацию, когда репрессивная власть начинает терять опору и вынуждена делать уступки, потому что даже самая могущественная власть не может не опираться на аппарат исполнителей. Судьи выносящие неправые приговоры, эксперты лгущие в суде, следователи стряпающие дела, политики принимающие репрессивные законы, чиновники душащие бизнес, пропагандисты зомбирующие массы, полицейские служащие не закону, а произволу - все это оправданные цели и чем заметнее цель (и яснее причина), тем больше эффект. Если же знаковые фигуры недосыгаемы, насилие применимо к любым исполнителям, всем тем кто «просто выполняет приказ» и «делает свое дело». Каждая шестеренка должна знать, что она несет личную ответственность за творимое зло, что наказание неотвратимо. Шестеренки трусливы, а потому являются уязвимым местом репрессивной системы. Важно лишь, чтобы эти акции устрашения получили надлежащую огласку. Власть должна помнить что она имеет дело с людьми. Если народ боится власти - это не народ а стадо, а если власть народа - у свободы есть шанс.

Вы возразите - но террор явно чрезмерен! А мне кажется, масштабы репрессивной системы несопоставимо больше. По сравнению со злом системного насилия, точечные устрашающие

акции - очень ограниченный ответ. Кроме того, поскольку ресурсы борцов за свободу всегда меньше ресурсов власти, выбор средств не так велик. Адекватность должна учитывать это обстоятельство.

На этом давайте пока прервемся.

33Б СОРАЗМЕРНОСТЬ, ЛОЖЬ, КОМПРОМИСС

В диапазоне от просвещения до террора адекватными могут оказаться любые методы. Допустим, при наличии формальных свобод экономическое насилие превращает их в фикции. Информационные и прочие ресурсы остаются в руках олигархии и эту ситуацию нельзя исправить ни трудом, ни убеждением, ни голосованием на выборах. Что делать? Искать более действенные методы. Является ли таковым физическое насилие? Очевидно да. Тот же подход, я думаю, уместен в случае финансового контроля. Особенностью современного этапа развития общества является тотальный контроль – власть полностью контролирует все сферы жизни человека. Таким образом, борцы оказываются уязвимы много больше, чем раньше. В частности, экономическая независимость необходимая для борьбы практически невозможна. Это делает допустимым «противозаконную» добычу средств, что может показаться неправильно с обывательской точки зрения. Однако почему ограбить или еще как-то принудить к финансовому содействию банкира-ростовщика, спекулянта или игрока на бирже, не говоря о представителях власти и силовых структур поощряющих и защищающих паразитизм, неправильно?

Но как узнать что именно приемлемо, что адекватно? К сожалению, формальных методов у героической морали нет, а требование этики об адекватности в значительной степени нейтрализуется отсутствием договора. Так что вполне вероятно, адекватное насилие может выглядеть несоразмерным, ибо соразмерность имеет смысл в условиях реального или потенциального договора – это, например, случайные проступки и ошибки, умеренная внешняя опасность. Но если нет ни договора, ни надежды на него, если речь зашла о выживании, ответ может быть любым вплоть до многократно

превосходящего – здесь полный приоритет героической морали. При этом важно не упустить момент, когда угроза ослабла и появилась перспектива договора – тогда требование адекватности ответного насилия приобретает обязательность.

Повторю эту мысль – соразмерность насилия есть требование этики, которая не только руководит обществом вне чрезвычайной ситуации, но и актуальна при возможности договора внутри ее. Найти границу этики и героической морали – задача нетривиальная. Поэтому при всех вариациях средств, активное сопротивление должно быть морально оправданным, как впрочем и применение насилия вообще. Это значит любая акция, включая наказание, месть и даже отпор внешней агрессии, нуждается в обосновании объясняющим цель и соразмерность ответа – например, список конкретных вин/злоупотреблений, анализ средств. Разумеется, не являются таким оправданием обещания будущих благ и тем более утопические сказки о «светлом будущем», как делали уничтожая СССР демократизаторы или Российскую Империю – большевики. Произвольное, необоснованное, не ответное насилие – прямое воплощение зла. Вы спросите – а как же свобода, наше общее благо? Разве не ради нее вся борьба? Да, но вспомните о средствах. Свобода не подходит в качестве оправдания насилия в силу ее парадоксальности – превратить свободу в цель можно только путем договора.

Вы скажете – но ведь твердо установить вину конкретного человека может только суд! Правильно. Выход в том, чтобы суд происходил по особой, упрощенной процедуре «частичного» консенсуса, учитывающей как можно больше мнений сторонников свободы. Ее справедливость опирается на объективную этику, а обязательными предпосылками применения являются, во-первых, тяжесть и очевидность вины, а во-вторых, невозможность нормального судебного разбирательства. Цель суда – избежать ошибок и продемонстрировать моральную правоту. Если обстоятельства оправдывают, суд может выносить групповое обвинение, например в случае внешней агрессии трудно или невозможно

выяснить вину каждого вражеского войска. Отсюда видно, что уже сам факт принадлежности к агрессивной, властной, преступной и иной группе противопоставляющей себя обществу, может являться отягчающим и даже решающим фактором определения вины.

Таким образом, проблема соразмерности ответного насилия решается его моральным обоснованием. Цели и средства насилия должны изначально пройти проверку этической судебной процедурой, а затем периодически пересматриваться с тем, чтобы соответствовать изменившейся ситуации, с тем, чтобы не упустить момент возможности договора. Но как узнать, когда пора договариваться? Поскольку договор предполагает хоть и моральное, но все же равенство сторон, наиболее подходящей ситуацией будет примерное равновесие сил – так сторонам легче не только отказаться от противоборства, но и осознать свое равенство. Если же стороны заведомо неравны, то даже при желании найти взаимоприемлемое решение нелегко – сильной стороне собственная позиция будет казаться более правильной, а слабая, при этом, может пойти на компромисс подчиняясь силе и скрывая истинные намерения.

Вы спросите – а как узнать, честна ли противоположная сторона? Прежде всего надо понять с кем мы имеем дело. Люди, в отличие от уродов, обладают способностью раскаяться и исправиться. Это дает основание для более взвешенного отношения к ним. Так, если враг придерживается определенных моральных норм, есть надежда на компромисс и взаимное согласие. Однако патологические уроды, лжецы, безнадежны. Договор с ними невозможен, а значит пересмотр стратегии вряд ли необходим – допустимы любые меры, вплоть до полного уничтожения.

Здесь есть смысл вернуться к вопросу о том, можно ли убивать несогласных. Надеюсь, сейчас он стал понятнее. Если смертельный враг не согласен на договор, у нас не остается выбора – кто-то должен умереть. И даже если он под давлением вдруг согласится на переговоры, неясно как ему доверять. В этом

вопросе главное — не допустить ошибки, убедиться что нет взаимного непонимания.

Поэтому так важно надежное выявление морального уродства. К сожалению, сделать это не всегда легко. Самое очевидное — ясный, сознательный отказ от договора. Это сразу указывает на уродство, потому что разумный человек не подобное просто не способен. Чаще люди не понимают в чем смысл договора, путаются в парадоксах свободы, находятся в плену ложных идей, поддаются застарелым обидам — и тогда им можно попытаться помочь. Но если в процессе выясняется, что они глупы, агрессивны, непорядочны, невоздержанны, договор скорее всего будет невозможным. Признаками уродства являются также фанатизм, холуйство, склонность к насилию, к жестокости, к доминированию. Еще одним признаком, правда запоздалым, может оказаться предательство. Предатель опаснее врага и люди всегда понимали это.

Последнее подводит нас к вопросу о лжи. Что, если противник согласен на договор, но притворно? Он только делает вид, что ищет компромисс, а сам тем временем выгадывает преимущество, пользуется положением или просто ждет удобного момента ударить в спину. Как быть? В общем случае ответа, увы, нет. Ложь — безусловно признак уродства, трудность в том, как ее распознать. Эта проблема серьезно осложняет договор, ведь требование доверия помогает обманщикам проникнуть в свободное общество и разрушить его изнутри. Правда, в наше время дело обстоит несколько проще. Хотя этика требует доверять людям, очевидно, что среди нынешнего массового антиобщественного поведения и систематической лжи, доверять можно только тем, кто делом доказал свою этичность. В частности, группам традиционно практикующим обман придется не просто отказаться от такой практики, традиций или даже культуры, но и пойти дальше — отречься от самой идентичности, если это необходимо для выстраивания доверия. Однако окончательно убедиться в честности людей, как мы уже говорили, нет иных средств кроме самого договора.

Еще один трудный вопрос – о моральных методах борьбы. Если борьба идет до полной победы, нужны ли они? Надо ли придерживаться правил в борьбе со смертельным врагом? Разве не важна победа любой ценой, включая аморальную? Этика помогает решить и этот вопрос, надо лишь отделить ее от героической морали. Этика требует честности, но она остается в фокусе пока есть возможность договора, пока мы имеем дело с запутавшимися, несвободными людьми. Правила войны, гуманность, перемирия и т. п. очевидно, являются элементами договора. Однако если мы можем договориться о правилах войны, что мешает договориться о мире? А раз не можем, мы имеем дело с безнадежными уродами, и тогда этика выпадает из поля зрения. Борьба за выживание не может вестись по правилам. Как ни неприятно это звучит, такая борьба требует только победы, а значит для нее любые средства хороши, включая аморальные. Неприятность, а также опасность подобных средств – в развращении борцов.

Так, одним из неприятных, внеэтичных средств является притворная покорность, с тем чтобы обмануть сильного врага и потом отомстить за свое унижение. Например, человека заставляют признать свою неправоту или принять чужую веру. Подобный «компромисс» со злом, а точнее уступка, оправдан, поскольку признание или клятва вырванная угрозой не имеет моральной силы. Отсюда, кстати, видно, что практикуемый кое-где «договор» с правосудием, когда обвиняемый признает вину в обмен на смягчение наказания, аморален, его вина неправомочна. Вы спросите – а как далеко можно зайти в унижении? Можно ли в обмен на жизнь оклеветать другого человека? Разумеется, героическая мораль не столь снисходительна. Уступки обязательно должны иметь предел. Где его положить – зависит от обстоятельств, но важно чтобы он был твердым. Если человек без конца уступает – он проиграл. Смысл предела в том, чтобы сохранить моральную правоту, оставить за собой право на дальнейшую борьбу.

Мораль вполне допускает хитрость по отношению к врагу – ибо неясно с какой стати надо жертвовать возможностью победы.

Однако, есть и другая опасность. Где граница, после которой доверие будет окончательно потеряно? Где граница между хитростью и постоянной ложью?! Тут есть все та же трудность – надо быть абсолютно уверенным в том, что точка возможности договора пройдена безвозвратно. Ведь если борьба идет долго и бесперспективно, может случиться что стороны согласятся на договор. Но как поверить бывшему врагу, если ложь уже стала моральной нормой? А вдруг это уловка, чтобы собраться с силами? Вот почему мы опять возвращаемся к началу – отказываясь от договора, люди ставят себя в безвыходное положение, и если они опасны их надлежит только уничтожить. Отсюда видно, что альтернативы договору просто нет. Насилие не может служить средством разрешения разногласий, ибо оно не может быть временным, «договорным». Во всех спорных случаях необходимо творчески искать решение, выход, компромисс.

Вы скажете – разве возможен компромисс со злом? Он возможен временно как этап долгих переговоров, ведь сами переговоры – это уже часть договорного процесса. Однако чтобы это было действительно так, сильная сторона должна не только признать равенство партнера по переговорам, но и на их время хотя бы частично отказаться от насилия, ослабить давление – иначе это будут не переговоры, а видимость, призванная зафиксировать несправедливое, неравноправное положение дел. Людям свойственно обманываться, уговаривая себя, что сильный враг, например власть, говорит правду, когда обещает прислушаться, сделать шаги навстречу, когда соблазняет поблажками, при этом, однако, ни на грош не уступая.

В условиях борьбы и постоянного насилия, компромисс неизбежен, но компромисс компромиссу рознь. Гибкость позиции не должна распространяться на принципы – конечную цель, идеи свободы и отказа от насилия. Предательство этих принципов ради тактических выгод рано или поздно ведет к поражению, поскольку подрывается моральная позиция, теряется главное – правда. А она всегда теряется безвозвратно!

Вы возразите – но ведь главная цель и есть сам договор! А раз так, можно поступиться всем чем угодно! Что ж, очередной парадокс, но пусть он вас не смущает – полноценный договор возможен только на принципах свободы, иначе это не договор, а моральная капитуляция.

Компромиссом является использование союзников. Скажем, есть смысл поддержать слабого врага в борьбе против сильного – по аналогии с преодолением одних сил при помощи других. Однако вряд ли разумно делать наоборот, позволять использовать себя. Не всегда полезно доверие внешним силам в борьбе со «своей» властью, равно как и челобитные власти с жалобами на местных притеснителей. И уж конечно, сдача в плен, отказ от борьбы под обещания милости – это вообще не компромисс.

В заключение замечу, что соразмерность ответного насилия имеет мало общего с его эффективностью. Хоть мораль и допускает жесткие, героические меры, они могут оказаться напрасными и даже вредными, а действенными могут оказаться мягкие. Насилие – опасное оружие, его выбор нуждается не только в моральном, но и в практическом обосновании. Путь к свободе невозможен без творчества – и в борьбе тоже!

34 ЭТИКА И ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Обрести счастье в борьбе удел немногих, да и само слово «борьба», согласитесь, отпугивает. :) В нем как бы концентрируется все, что неприятно в моральном долге – трудность выбора, напряжение сил, несгибаемая воля, риск и боль... Вот почему хочется лишний раз спросить себя – а так ли все это надо? Так ли свобода необходима, а этика обязательна? Ну и что, что все это проистекает из свойств мироздания – а как же наш выбор? Если за моральным долгом стоит направляющая рука, кто мы как ни безвольные слуги этой мохнатой руки? Все так. Объективная истинность этики ставит под вопрос нашу свободу. Однако какова альтернатива? Она еще хуже. Мы не можем без истины. Этика не может быть субъективной – тогда это просто чье-то личное мнение. Тогда мы обречены вечно путаться, не умея отличить добро от зла, правду от лжи, а истину от заблуждения.

Вопрос об основаниях морали – т.е. об Истине, о Боге, о Добре – без сомнения главный вопрос бытия. Об этом говорит вся история философских идей. Софисты Древней Греции полагали что у каждого своя мораль, каждый может выбирать те нравственные нормы которые ему нравятся. С софистами спорил Сократ, утверждая существование абсолютной моральной ценности. За софистами потянулись скептики, циники, эвдемонисты, утилитаристы, макиавеллисты. Лагерь противников объективности и ныне не оскудел. В него входят плюралисты, прагматисты, нигилисты, экзистенционалисты, ницшеисты, постмодернисты, а также «мульти-культисты», для которых всякая культура равно ценна. Им обычно противостоят приверженцы собственной правды, утверждающие что абсолютное добро существует, и только они, вместе с их моральной доктриной, являются его носителями. Сюда можно отнести не только верующих, но и сторонников различных учений – либералов,

демократов, коммунистов, гуманистов, эгалитаристов. К ним примыкают идейные консерваторы, патриоты и националисты, для которых родина, нация или этническая группа – в виде земли, обычаев или генов – высшая ценность в этом мире. Нельзя не упомянуть позитивистов (вкуче с материалистами, атеистами и агностиками), которые безотчетно верят науке, и чья вера в итоге сводится к натурализму, бихевиоризму, эмотивизму, эволюционизму или иному виду детерминизма превращающего человека в животное с излишне развитым мозгом.

Глядя на это многообразие, поневоле приходишь к выводу, что обладание моральной истиной удобно для того, чтобы просто использовать ее ради собственных интересов, ради личного блага. Что только собственное счастье – будь то творческий успех, признание, моральная правота или духовная власть – и есть единственная по настоящему универсальная ценность.

И в чем-то это действительно так! На основе «собственного интереса» существует материальный мир, любая сущность прежде всего озабочена собственным существованием. Однако личное благо не может служить объективной точкой отсчета! Стало быть, среди множества личных благ должно быть по крайней мере одно общее для всех, не существующее для каждого по отдельности. Уже отсюда видно, что это «общее для всех» может быть только свободой, другие варианты попросту невозможны. Только свобода позволяет каждому иметь личные мнения, интересы, цели, и при этом соединить всех в общество, где их можно высказывать, отстаивать и достигать. Короче, если говорить об интересах, у каждого есть один интерес, который не стыдно назвать этическим и честно защищать перед другими – «интерес» к свободе.

Вы скажете – пусть так. Но неужели интерес к свободе может быть сильнее интереса к личному счастью? Как может объективность свободы перевесить субъективное благо? Если судить по нашей истории – с трудом. Но все не так безнадежно, ведь личное счастье вовсе не сводится к благу существования. Что, в конечном итоге, движет человеком? «Человек создан для

счастья, как птица для полета», сказал писатель Короленко, сказал красиво и по сути верно, ибо в отличие от гомо-сапиенса, созданного «плодиться и размножаться», человек создан еще и для высокой цели, для добра. Обилие зла в мире – следствие не только нехватки людей, но и их постоянных ошибок в понимании добра, в неумении увидеть связь между счастьем и свободой. Отсюда все это многоцветье моральных «истин». Задача этики как морального «учения» – направить человека к добру, придав свободе надлежащий вес. Мы начали беседы с вопроса «Зачем нужна мораль?» Ответ был – чтобы каждый стал лучше, чтобы стали лучше и общество, и весь мир. Возможно, он звучит не слишком убедительно. Но как найти слова, как объяснить, преподнести человеку добро, чтобы он понял и принял его? Тем временем природа тоже учит человека и, что там говорить, гораздо убедительней. Эгоистичное, животное счастье настолько понятно, что вообще не нуждается в обосновании.

Почему же человек будет следовать этике? Что вселяет надежду? Его разум! Разум ставит человека над природой, а этика лишь указывает ему путь к лучшему, к идеалу и совершенству. Зачем разуму идеал? Затем, что он хочет изменить мир. В этом его сущность, смысл его бытия. Однако разум не может просто принять любые обещания светлого пути. Он хочет обоснования, правильности, он должен поверить в этику. К сожалению, за 26 веков своей истории этика так и не смогла решить главный вопрос – а куда она, собственно, зовет, что такое абсолютное добро и даже существует ли оно. Более того, «профессиональная» этика и поныне не может убедительно продемонстрировать собственную необходимость, ограничиваясь рассуждениями обо всем хорошем, в том числе о «толерантности» к религиям, идеологиям и даже архаичным культурам, чем по сути признается в собственной пустоте, в неспособности направить человека.

В принципе, это не удивительно. Само желание направить, объяснить человеку его долг, есть не что иное как лишение его выбора – этика парадоксальна в самой своей основе! Как впрочем и сам разум, который жаждет свободного

и одновременно правильного выбора. И тем не менее, обосновывать надо. Как же этика может достучаться до разума? Как конкретно она может связать добро и счастье? Ведь идеал, совершенство, очевидно, недостижимы?

По идее, этика, в отличие от религий или идеологий, не должна запугивать или обманывать, она должна разъяснять, опираться на правдоподобие, на логику и здравый смысл, использовать знания добытые наукой и искусством. Первые ее попытки были наивны – античная философия просто отождествляла мораль и счастье, обещая последнее в виде награды за правильное поведение. Неясно было только, что правильно – гедонизм с обилием удовольствий или стоицизм с отказом от оных. Постепенно пришло понимание, что счастье несовместимо с моралью, ибо опыт показывает, что быстрее и лучше животное счастье достигается отказом от морали. На какое-то время победила религия – люди стали запугивать друг друга. С победой научного знания, верх взял другой подход – если мораль как следует описать, объяснить ее связь с природой, ее внутреннюю логику, она сама обоснуется. То есть, скажем, если доказать, что этика полезна для общества, что она, например, вытекает из эволюции, люди захотят стать моральными и наступит счастье.

Как ни странно, этот подход популярен и сейчас. Разумеется, нельзя путать обоснование этики и ее объяснение. В этом необычность этики. Как мы говорили, этическая «теория» влечет прямые практические выводы. А тогда получается, что если этика не тронула человека, не изменила его поведения – она неверна, как бы логична и доказательна она ни казалась. Логика бессильна против свободы. обстоятельно описанный источник морали – будь то Высший Закон, природа, эволюция, социальный договор или общая польза – еще не повод считать мораль обоснованной. После всех описаний и объяснений человек вправе спросить – а зачем мне следовать этой вашей морали? Обосновать мораль значит показать, что мораль нужна лично ему, что без нее нельзя. Как вы думаете, если вместо доходчивых, проникновенных слов, философ завалит человека

скучными рассуждениями, поможет это? Выходит, не только постулаты морали должны быть правдоподобны, а выводы логически безупречны, но и их предъявление — эмоционально безотказным и психологически неотразимым.

Именно это я пытался сделать по мере сил, пусть и не слишком удачно! В свое оправдание замечу, что без таланта рассказчика, да и без вашего участия, это трудно. И все же я показал, как стремление к свободе побеждает зло, делает общество лучше, а жизнь счастливее? Надеюсь, это было вполне логично, хоть и немного парадоксально. Но даже парадоксальность этики выглядит, по-моему, вполне правдоподобно. Как и любое фундаментальное знание, постулаты этики невозможно строго обосновать. Реальность свободы и моральное равенство свободных людей, на мой взгляд, самоочевидны, а значит принятие этих постулатов служит вполне объективным критерием разумного человека. Поэтому я и не тратил время на убеждение. Разумные люди сами воспринимают новые идеи, их не надо убеждать, а убеждать тех, кому свобода чужда, бессмысленно. Отсюда и форма бесед — я хотел быть с вами на равных, ждал ваших вопросов, даже возражений. В конце концов, я тоже могу ошибаться. Это лучше еще одной из бесчисленных книг, чьи авторы вещают неизвестно кому. Мое желание — не писательская прихоть. Сама этика руководит нами, увлекает нас в договор, ведь как легко догадаться, обсуждая, одобряя или критикуя этические идеи, мы ищем консенсус, а найдя — удостоверяем их истинность.

Что касается эмоциональности и психологичности — тут вопрос хитрый. Во-первых, в отличие от повествовательного искусства (литературы или кино) ориентированного на личные отношения, на конкретные примеры добра и зла, этика имеет дело с абстракциями едва ли способными вызвать эмоциональный отклик. Во-вторых, что важнее, доводы этики вызывают к чувству свободы, которому претит эмоциональное или психологическое давление. Этика не может приказывать, уговаривать, воздействовать на инстинкты. Обращаясь к моральной интуиции человека, она полагается на имманентно

присущие им притягательность добра и отвратительность зла. Она может вдохновлять, делать идеалы привлекательными. Признайтесь, разве нравственное чувство не подсказывает вам, что свобода – это действительно правильный идеал? И она может отвращать. Согласитесь, быть животным противно даже если животные – все вокруг. Опираясь на сущее, беспокоя совесть, разъясняя что есть зло и что есть добро, этика подсказывает должное, пробуждает моральные чувства, мотивирует. Да, логика универсальна и объективна, а чувства непостоянны и субъективны, но иного выхода нет. Чувство свободы нельзя игнорировать, именно оно в конечном итоге решает – принять моральные доводы или отвергнуть. И, кстати, чувство свободы – особенное в этом плане. Оно, как и свобода, имеет черты и субъективности, и объективности.

И так же люди будут обосновывать моральные идеи всегда, поскольку таков единственный правильный способ обоснования. Этическая аргументация не сводится к сухим рациональным построениям, призванным доказать, что долг необходим потому что так положено природой, что он полезен обществу, вытекает из реальности или заложен в структурах разума и прагматиках языка. Свободная цель человека выше, важнее его самого – рационально обосновать подобную цель нельзя. Но как же эта цель связана с личным счастьем? Оно – результат, итог. Парадокс счастья в том, что если целенаправленно стремиться к нему, если мыслить его как личное благо, оно ускользает. Выражаясь кратко – нельзя быть этичным для того, чтобы быть счастливым, но нельзя стать счастливым, если не быть этичным. Потому что стать счастливым можно только став самим собой, а стать собой можно только став свободным. Стремление к свободе, выраженное в творчестве, в сотрудничестве, в преобразовании мира – это нравственный мотив противоположный рациональному интересу.

Свобода создала человека не случайно, у него есть предназначение и оно отрицает всякое иное счастье. Иное «счастье» – животное, эгоистичное, счастье насилия или прозябания – возможно только за счет других: один побеждает

остальные проигрывают, один счастлив остальные — как получится. Но и победа не заполняет пустоты, она бессмысленна, она всегда временна. Поражение — суд истории, позор и насмешки потомков — придет, пусть после смерти. Так разум преодолевает рациональность — он осознает бренность существования и побеждает ее в идеале и совершенстве. Он жаждет красоты.

Да, этика не чужда и прекрасного. Красота — вполне законное средство обоснования моральных доводов, ибо свобода красива. Соответственно, красиво истинное счастье — служение высокой цели, расцвет личности, реализация творческого потенциала, признание и благодарность общества. Не в этой ли полезности, сводящей воедино общее и личное благо, призвание человека? Найти себя создав нужное другим, найти способ стать собой творя добро — вот в чем сущность свободного выбора, которого якобы лишает нас свобода — а вовсе не в простом предпочтении «добра» «злу». Творчество — та искомая с античных времен добродетель, что ведет к счастью, и которая, весьма вероятно, сделала счастливыми незаметно для них самих первых философов. Человек-творец творит и собственное счастье, никому больше это не под силу. Творя, он привносит в мир совершенство, ибо идеал обязательно должен воплощаться в реальность — а иначе зачем он нужен? В этом воплощении, в достижении идеала и заключается счастье Человека. Оно возвышенно и прекрасно. А иное стоит ли усилий?

35 В ПОИСКАХ МОРАЛЬНОГО ЗАКОНА

Не умея обосновать мораль но интуитивно ощущая ее объективность, люди издавна пытались найти ее правила, сформулировать некие «глубинные законы человеческого бытия». Так появились божественные заповеди, «золотые» правила морали и единственно-верные учения. В наше время тоже полно идей о том, как должен выглядеть высший моральный закон. То говорят, что главное — терпимость и плюрализм, то — демократия и права человека, то — гуманизм и социальная справедливость. Пытаясь упростить себе задачу, философы даже придумали особую «социальную» философию, дабы изучить общество научно и найти наконец загадочные законы общественного устройства. Но разумеется, они ищут все те же моральные законы, пусть и выраженные иначе. Чтобы лучше понимать место объективной этики среди множества ошибочных идей, давайте вкратце рассмотрим самые известные из них, и заодно дополним наши беседы небольшой критикой.

Ветхие христианские заповеди и иные религии пропустим. Несмотря на почтенный возраст и авторитет, они слишком просты и практически неприменимы в обычной жизни. То же относится к гуманизму — светской версии христианства. Примитивны и первые философские осмысления правильного поведения, например правило «золотой середины» Аристотеля, «умеренность и благоразумие» стоиков или «духовное блаженство» эвдемонистов.

Давайте начнем с «золотого» правила, которое все еще пользуется популярностью: «поступай так, как бы ты хотел чтоб поступали с тобой» или, в негативном виде, «не поступай». Легко видеть, что это правило чисто формально — оно не говорит как поступать, оставляя это на усмотрение человека. Естественно

поэтому, что уникальность личности обесмысливает его, сводит к нулю. Мало ли что взбредет человеку в голову?

Иной вариант формулировки можно найти у философа Канта: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства». Однако это тоже только форма, не ясно в чем содержание, как практически надлежит поступать. Формулировка лишь подчеркивает очевидное — моральный закон должен быть абсолютно универсален. Другая попытка философа тоже неудачна: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда только как к средству». Но у человека не может быть множества взаимоисключающих целей! Кроме того, неясно как быть с плохими людьми. Принимать такими какие они есть?

Практика вызвала к жизни учение утилитаризма: «поступай так чтобы принести максимальную пользу максимальному числу людей». Тут уже есть осмысленное указание на пользу. Однако опять таки, каждый понимает пользу по своему. Кроме того возникает вопрос о тех, кто не попадает в «максимальное число» — можно ли ради пользы остальным нанести им вред? Утилитаризм фактически говорит — да, цель оправдывает средства. Пусть кому-то плохо, зато другим хорошо!

Несмотря на явную аморальность подхода, он оказался популярен, что видимо объясняется преобладанием гомосапиенсов с их прагматичным отношением к сородичам. Свою правоту они любят подкреплять задачами такого рода — можно ли убить одного невинного чтобы спасти миллион? Для утилитаристов кристально ясно — можно и нужно. Однако писатель Достоевский сомневается — стоит ли слезинка ребенка всего счастья мира? Этика однозначна — нельзя. Во-первых, это насилие. Во-вторых, если хоть один человек против, договора не будет, в-третьих, никакие подсчеты в ценности человека неуместны. С утилитарной точки зрения люди конечно не одинаковы — кто-то приносит больше пользы, кто-то меньше, но морально один равен всем и все равны одному. Достоинство

членов общества, хоть и подобно математическому равенству, не складывается и не делится. Да и с пользой не все так просто. Польза видна в конце, в итоге, ведь творчество непредсказуемо. Каждый человек уникален, а потому один с точки зрения свободы вполне может стоить и миллиона, и миллиарда. Таков абсолют свободы.

Вы, возможно, возразите — но ведь спасти это моральный долг! Да, но не для этики. Героическая мораль не только требует жертвовать собой, она также подсказывает, что можно пожертвовать меньшим ради большего, ибо такова арифметика победы. Но даже мораль подчиняется этике — ее требования остаются на усмотрение человека, его свобода первична. Можно порицать человека не желающего выполнить свой жертвенный долг, но его нельзя принуждать к этому!

Упомянутую задачу не следует путать с похожей — кого спасти, если спасти всех нельзя. Тут в дело вступает относительная ценность людей. Однако внешнее сходство задач не должно скрывать сути. Подсчет ценности вторичен, он не оправдывает утилитаризм, поскольку в данном случае свободы выбора нет. Выбор «кого спасти» несвободен, поэтому не будет беды, если человек вообще откажется выбирать и спасет кого сможет.

Утилитаризм изрядно запутал проблему целей и средств. Можно ли ради благой цели немножко схитрить, подвинуть людей в сторону? Можно ли чуть-чуть применить насилие? Можно ли сначала лишит человека чего-то, а потом одарить и тем сделать гораздо счастливее чем раньше? Как мы уже говорили, этика дает ясный ответ — нельзя добиваться правильной цели неправильными средствами. Такие средства компрометируют цель. Все правильные цели уходят корнями в свободу, которая является общим благом. Соответственно, насилие в отношении даже одного человека делает цель благом уже не общим.

Еще одна практичная идея — демократия: «выбирай власть

и следуй ее установлениям». По задумке, выборная власть стремится угодить максимальному числу избирателей, а значит демократия есть не что иное как вариант практической реализации утилитаризма – вместо того, чтобы самому решать как поступать на благо максимального числа людей, человек поручает это власти. Поэтому, хотя установления выборной власти и отражают нечто напоминающее общее благо, демократия противоречит этике. Голосование – это победа большинства, но истина не получается в результате голосования, она требует учета каждого мнения. Во-вторых, хотя демократия выглядит шагом вперед по сравнению с деспотией, это – узаконенное насилие, а значит реальная власть выражает мнение не большинства, а тех, кто имеет влияние, будь оно идеологическое, финансовое, административное или любое другое. Т.е. демократия – лишь закамуфлированная форма той же деспотии. В-третьих, демократия неприменима к гомосапиенсу, который не способен иметь собственное мнение. Он всегда ошибается, поддается лжи и манипуляции. Иметь свое продуманное мнение, да еще близкое к истине, способны лишь свободные люди. В-четвертых, власть даже выборная антагонистична свободе.

Демократия выглядит как договор, как возможность выявить и согласовать общие предпочтения, и тем создает иллюзию свободы – каждый может жить как хочет, достаточно время от времени высказывать предпочтения голосованием. Так идея демократии способствовала распространению идеи либерализма: «поступай как хочешь, но не мешай равной свободе поступать другого». Где тут недостатки? Во-первых, мы все еще не имеем практического указания как поступать. Увы, слово «свобода» ожидаемо вскружило многим голову и в итоге их предпочтения свелись к эгоизму – именно так стали трактовать либеральную свободу. Во-вторых, формула содержит очевидную неясность – как отмерить равную свободу? Уточнение формулы привело к правам человека. Но сведя свободу к правам, либерализм говорит уже не о ней, а о чем-то ином – о равенстве прав, равноправии. Но откуда взялись эти права, кто был тот гений, что сумел измерить свободу? Разумеется, подмена уничтожила

свободу. Почему у одних есть право обладать миллиардами, а у других – право на жалкое пособие? Почему у одних есть право вершить судьбы мира, а у других – служить удобрением для истории? Почему одни вечно кривляются в телевизоре и разглагольствуют в газетах, а другие молча терпят?

Непродуманные, не обеспеченные ресурсами права человека – это моральное насилие, изначально ошибочная, а ныне откровенно ложная концепция. Право есть притязание на что-то, когда остальное запрещено. В свободном обществе, где напротив разрешено все что не запрещено, прав нет, поскольку все обладают любыми мыслимыми правами, за исключением права на насилие. Либерализм подменяет настоящий договор суррогатом «социального» договора. Отсутствие необходимости договариваться приводит к насилию, к тому, что люди перестают принимать во внимание чужое мнение и чужую свободу.

Ужасы либеральной демократии породили идеал коммунизма: «от каждого по способностям, каждому – по потребностям». Тут, во-первых, неясно, кто определяет способности и потребности. Одно дело когда сам человек, другое – когда надсмотрщик с кнутом. Во-вторых, идеал не указывает в чем цель, в чем смысл прикладывать способности. Похоже – как раз ради потребностей, отчего идеал выглядит как праздное изобилие, мечта гомо-сапиенса. Или – как сыр в мышеловке, который на практике сам собой сводится к казарменному равенству.

Глобализация родила этику дискурса: «поступай так, чтобы принципы твоего поведения были приемлемы для всех кого оно касается, и чтобы убедиться в этом спроси их». Здесь мы вплотную подходим к договору. Однако у нас не только остается старая неясность «где взять принципы», но и появляется новая – «что делать, если они отвергаются?» Этика дискурса не объясняет как переубедить несогласных. Она полагается на рациональность, но мы знаем, что так согласия не получится, ибо самое рациональное – личные интересы. Этика дискурса остается чисто

формальной, она требует согласия, но не говорит на основе чего, ради чего и благодаря чему оно возможно. Все, что ясно — участники договора должны быть свободны, но что это значит, откуда берется свобода и куда она ведет, остается загадкой.

Приведенные попытки найти моральный закон показывают, что дело это нелегкое. Поэтому были философы отрицавшие закон, видевшие свободу в отказе от него. Дескать, свобода — это право самому ставить себе законы, таков главный закон!

Каково же решение? Можно ли выразить объективную этику в виде краткого, но емкого правила? Мне лично нравится формула «преодолевайте детерминизм, уничтожайте насилие», но она слишком расплывчата, поэтому лучше сказать, что нет никакого раз и навсегда данного морального закона. Есть свобода, ведущая нас к договору, и есть договор ведущий нас к свободе. И есть договорные правила, которым надо подчиняться. Причем эти правила, парадоксально, и изменчивы, и постоянны. Ибо мы хотим найти наиболее правильные, совершенные законы, которые никогда не придется менять. И одновременно наш долг — идти дальше, творить новое, преодолевать насилие в его бесконечном многообразии, а значит — придумывать новые законы, которые неизбежно будут отменять или улучшать старые.

Закон — форма существования этики, это будущее ставшее настоящим. Способность следовать правилам идет наперекор животной природе. Животное импульсивно, подвержено моменту, оно все настороже и не знает что будет делать через минуту. Человек, заключая договор, ручается за то, что сможет преодолеть препятствия, что его воля сильнее детерминизма, он гарантирует будущее. В верности слову проявляется его достоинство. На достойного человека можно положиться, на его гарантиях основано общество, и чем прочнее его слово, тем прочнее общество.

Вы знаете, что в законах проявляется негативность этики. Вы также знаете, что свобода едина, что она не делится

на негативную и позитивную. Стало быть негативность не бывает без позитивности? Да, иначе законы не могли бы ни возникнуть, ни меняться! Однако этика не требует действий прямо, выбор всегда остается за человеком, ведь его цель – свобода. Так, если человек настолько плох, что от него всем только хуже, этика предпочтет чтобы он бездействовал! Объясняя генезис законов, этика дает их сущностное наполнение – она не ограничивается формой закона, но и раскрывает его смысл, его содержание. Позитивное начало этики указывает на свободу, на преодоление детерминизма, социального – запретами, природного – новыми ресурсами (включая знания). Отсюда и содержание. Если закон запрещает – он запрещает насилие. Если требует воздаяния – он требует эквивалентности обмена, адекватного возмещение как принесенной пользы, так и нанесенного вреда. Ну а в сумме получается что-то типа «от каждого по совести, каждому по справедливости». :)

36 ИТОГИ

Темы, которые я собирался обсудить, исчерпались, хорошо бы подвести кое-какие итоги. А то я столько наговорил, вы наверняка уже забыли с чего все началось!

Итак, что же такое объективная этика? Совокупность идей, управляющих разумом. Цель управления? Обрести бытие. Бытие возможно только через «смысл», ибо разум нематериален. Смысл бытия – это опять идеи, из чего можно заключить что этика – это уже идеи об идеях, «метаидеи». :) О чем же идеи разума? О том, как преодолеть необходимость и сделать шаг к идеалу, к улучшенной версии реальности – разум творит себя меняя мир. Но идеал не может взяться с потолка! Этика подводит под идеал основу – добро, которое указывает разуму путь и придает всему сущему смысл.

Важная особенность идей этики – практичность, они применимы всегда, когда есть выбор, а он есть практически всегда. Даже в условиях отсутствия договора можно руководствоваться требованием отказа от насилия, что, с одной стороны, не равнозначно жертве, к которой призывают иные виды морали, а с другой – не оправдывает произвол, к которому подталкивают идеологии. Но, конечно, окончательная правильность идеалов невозможна без согласования мнений всех разумных людей, ибо добро непознаваемо и парадоксально – мы можем точно знать лишь что такое зло. Именно в этом причина решающей роли консенсуса. Неправильное, плохое действие то, которое признает таковым хоть один человек, а соответственно хорошее – когда таких мнений нет. В этом и причина запретов. Этика не предписывает поступков – она запрещает, но тем добивается удивительного эффекта. Запреты подталкивают к познанию реальности, к поиску способов избежать насилия и преодолеть необходимость,

к творчеству и труду на общее благо. Так этика заставляет человека творить новый мир – мир добра, красоты и справедливости – но проявляя собственную свободу, делая собственный выбор, создавая и выражая собственную уникальную личность.

Тут-то и выясняется, что за добром «скрывается» свобода. Несмотря на все ее странности, несмотря на антагонизм привычному, несмотря на все сложности с ее определением и существованием, свобода не является чем-то сверхъестественным и это отлично ощущается в жизни. Наша воля – ее естественное следствие, мы обладаем волей поскольку являемся частичкой материи, которой присуще это загадочное свойство. Свобода проявляется всегда одинаково – как творчество, создание чего-то нового – благодаря чему мы можем ее осознать, и одновременно всегда по разному – благодаря чему наше знание о ней и о мире ею порожденном никогда не будет полным. Свобода и детерминизм – две главные «силы» мироздания. Первая нацелена на изменения, на создание нового, вторая – на сохранение, постоянство. В этом парадокс существования свободы. Существовать – значит повторять себя, но как может существовать то, что никогда не повторяется, что проявляется созданием всего остального, а по сути – созданием самого себя? Свобода создает себя и этот процесс не имеет конца, а потому не имеет ответа и вопрос о ее существовании.

Однако, хотя мы не можем утверждать, что свобода существует, мы можем уверенно сказать, что существует этика, основанная на свободе. Этика призывает идти наперекор природе, противостоять ей. Разумеется, под той природой, которой надо противостоять, имеется в виду не только окружающая среда, которая пожалуй больше помогает нам, чем мешает. Речь идет прежде всего о животной природе человека. Этика начинается с себя. Труднее всего справиться с собой, преодолеть свои инстинкты, потребности, желания. И хотя нам в этом иногда помогает общество, это не оно формирует нас, заставляет стать лучше, избегать насилия и лжи. Напротив, в конечном итоге это сами люди формируют общество таким,

каким хотят его видеть.

Благодаря этике разум обретает бытие, а человек превращается из животного в свободную личность. Этика – тоже благо, а потому полезно лишний раз уточнить вопрос о ее полезности. Этика бесполезна – это условие ее правильности. Если бы она была полезна, мы бы не заморачивались ее сложностями, а просто следовали своей выгоде. Но как благо может быть бесполезно? Так, что она полезна абсолютно всем, но при этом – никому в отдельности, в точности как свобода. Можно сказать, польза объективной этики тоже объективна. И этика, и свобода – это действительно общее благо. Ведь общее слагается из личного, а не подавляет его. Свободный человек не может жить как для себя одного, так и только для других, ибо свобода озабочена и всем обществом в целом, и каждым из нас в отдельности. Она требует баланса своих и чужих интересов, без чего невозможен честный договор. Поэтому отказ от своих интересов ради общего блага, как иногда трактуют «общее благо» – ошибка. Не бывает общего блага за счет кого-то. Но как найти баланс между «я» и «мы»? Нетривиальными, творческими усилиями. Абстракции «общего блага» и стоящей за ним свободы каждый должен найти, придумать конкретную форму, удовлетворяющую условиям общности и практичности. Таков «личный» интерес свободного человека, такова его цель – общее благо, но в конкретной форме. А в достижении такой цели – истинное счастье творца.

Объективная этика в сочетании с жертвенной и героической моралью – единая моральная система, которая ставит все фундаментальные моральные проблемы – а с ними и проблемы бытия – на свои места, помогая найти их решение по крайней мере в той степени, в какой они вообще существуют. Это действительно универсальная система. Как бы любое другое учение ни заявляло о своей универсальности, оно неизбежно делит людей на приверженцев и противников. В отличие от этого, этика не требует принимать на веру ее постулаты, поклоняться свободе. Благодаря объективности этики, человек все равно будет следовать ей, если только не выберет зло и насилие. Все,

что она требует — договора, т.е. того, что и так очевидно. В этом и заключается универсальность — верь во что хочешь, только не принуждай других к своей вере, решай проблемы договором. А выбираешь насилие — это твой собственный выбор, этика тут ни при чем.

Так этика умудряется действовать сама по себе. Это может выглядеть не слишком правдоподобно, ведь довольно банальным является наблюдение, что люди следуют морали потому что имеют веские причины, например страх наказания или желание выгод. Да и договор в явном виде на практике отсутствует. Однако, стремление к свободе — ключевой мотив разумного человека, свобода кроется за всяким осмысленным желанием. Проблема в ее непознаваемости, отчего люди обречены ошибаться и впадать в насилие до тех пор пока не постигнут ее смысл. А он на самом деле прост: свободный выбор — это выбор договора. Разумный человек не может выбрать зло, выбор зла — всегда следствие насилия, в том числе невежества, нежелания узнать, спросить, договориться. Такой выбор лишь удлиняет путь к свободе. Ошибаясь, люди принимают за свободу близкие цели, подсказанные детерминизмом. Но гоняясь за благами, деньгами, властью, они не получают свободу, они теряют ее. Вместе с продвижением вверх по социальной иерархии, они погружаются в атмосферу все более жестокого и беспощадного насилия. В чем смысл? Чем выше забираешься, тем больше падать. Жажда власти, как и поклонение ей — дефект разума, моральное уродство.

Увы, животная природа, привычка к борьбе — за выживание, успех, власть — еще сильны. Чем дальше отстоят люди, и физически и социально, тем легче им ненавидеть друг друга. Согласие и договор лучше всего получаются среди близких, похожих, ибо рационально доказать необходимость общего договора нельзя. Вернее, абстракция договора логически очевидна, но вот конкретный договор рассудок всегда отвергнет в силу отсутствия оснований для доверия. Поэтому знание о договоре надрационально, оно априорно, поскольку априорно бытие разума, а разум возможен только в обществе, свободу

личности гарантирует только договор.

Соответственно, знание о необходимости внимания к другим людям, о необходимости учета их мнения и интересов также априорно. Нельзя просто взять и пренебречь другими, закрыть на них глаза. Ответственность за вытекающее зло наступает автоматически – ее не надо объяснять и обосновывать. И в этом тоже объективность этики в отличие от любой религии, идеологии или правовой системы, незнание положений которых не влечет никакой моральной ответственности. Не признают этику, не понимают необходимость учета интересов других людей только уроды, социопаты не способные к свободе.

При этом они могут быть весьма умны и образованы. Увы, ошибки в понимании свободы не вычисляются, не обнаруживаются рационально. Как и договор, как и сама свобода, этика опирается на моральную интуицию, нравственное чутье, «чувство» свободы. Более того, сама наука покоится на фундаменте этики – она служит инструментом свободы и тем, фактически, лишь помогает людям договориться. Результаты исследований, как и красота, логичность и правдоподобие, нужны для обоснования новых идей, новых договорных позиций, поскольку моральные нормы не выводятся дедуктивно. Получить их можно только согласуя и отстаивая субъективные точки зрения.

Однако обязательность конкретных норм, влекущая моральную (а потом и юридическую) ответственность, вытекает не из согласования позиций, опирающихся на смутное ощущение свободы, а из слова данного при заключении договора. Поэтому объективность этики может вступать в конфликт с ее практическими нормами, ведь они зависят от людей, от текущего состояния договора. Объективная основа консенсуса, его конечная цель, не зависит от людей. Каждое сообщество разумных существ идет к ней своим путем. И когда и если они встретятся и, вследствие этого, объединятся, договор непременно расширится, а нормы приобретут более общий и более объективный вид. Подтверждением этому служит то, что мы

и на Земле наблюдаем расширение пространства договора, включение в него все большего числа людей с различными взглядами. Мир становится глобальным, а общие ценности – более объективными. Это происходит только благодаря этике. Не имея общего основания, свободные субъекты никогда не смогли бы договориться. Отсюда и видно, что свобода как единственное возможное основание лежит вне договора, вне субъекта. Свобода – свойство мироздания, а не качество какого-то общества или некоторых его членов. Объективность свободы сродни объективности детерминизма, несмотря на принципиальную разницу в «способах» их существования. Как в идеально детерминированном мире нельзя преодолеть закон природы, так и в идеальном обществе нельзя нарушить закон этический. В обоих случаях последствия неизбежны.

Напоследок, я попробовал сформулировать ключевые идеи этики. Их получились восемь.

1) Свобода – объективное свойство мироздания противоположное детерминизму, оно ответственно за развитие мироздания (эволюция) и, одновременно, является целью этого развития. Детерминизм – повторяемость, закономерность, определенность; он ощущается как необходимость, неизбежность, принуждение, насилие.

2) Свобода принципиально непознаваема, вопрос о существовании свободы неразрешим. Детерминизм познается путем наблюдений и основанных на них размышлений. Детерминизм предопределяет будущее, но свобода, отрицая детерминизм, делает будущее непредсказуемым и непознаваемым.

3) Свобода осознается как добро, а детерминизм – как зло. Свобода порождает все остальные ценности. Долг человека, цель и смысл человеческого существования – преодолеть детерминизм и сделать мир свободнее. Познание – часть этого процесса. Знания несут ответственность, а критерий истины – продвижение к свободе.

4) Человек – тот, кто следует долгу, кто стремится к свободе. Мотив долга, свободная воля, руководствуется «чувством» свободы. Нежелание или неспособность разумного существа быть человеком низводит его на уровень животных. Животное следует законам мироздания, подчиняется силам не пытаюсь их преодолеть.

5) Абсолютного морального закона нет, нормы этики вытекают из общего договора. Основа, цель и условия согласия – отказ от всех видов насилия. Требования этики охватывают заключение договора (честность, открытость, объективность) и его соблюдение (верность слову, следование правилам, ответственность).

6) Нормы этики (запреты) формальны, они постоянно улучшаются, старые заменяются новыми, более свободными и справедливыми – в этом суть прогресса. Смысл норм – путем ограничения насилия стимулировать творческую и созидательную деятельность. Этика трактует людей как абстракции, все личное игнорируется.

7) Особым случаем договора является обмен человека с обществом результатами его деятельности. Этика требует справедливого (эквивалентного) воздаяния как за вред, так и за пользу, принесенную человеком. Универсальные единицы ценности практических благ, деньги, выражают ценность свободы.

8) Личные отношения регулируются жертвенной моралью (эмоции, любовь, забота и т.п.), а чрезвычайные ситуации – героической. Оба эти вида морали неформальны, позитивны, ограничены в пространстве и времени, и требуют четкого отделения от публичного пространства регулируемого объективной этикой.

Являются ли перечисленные положения твердым знанием или слепой верой? Ни то, ни другое. Однако я знаю, и надеюсь вы

тоже, что эти восемь пунктов истинны. И я верю, как и надеюсь вы тоже, что когда-нибудь они отолятся в практику, приведут к построению свободного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и завершился наш краткий курс «всего хорошего». Спасибо, что выстояли до конца, что справились с естественной тошнотой от всех этих «так надо» и «так нельзя!» :) Наверное это было нелегко – моральные идеи только на первый взгляд выглядят «пищей для размышлений». На самом деле они задевают, нервируют, раздражают, и в конце концов приводят к серьезной внутренней работе, к борьбе не только с тошнотой, но и с самим собой! Поэтому, я думаю, не будет большим преувеличением предположить, что раз вы добрались до этого места, вы смогли проделать эту работу. Можно сказать, у вас теперь не просто появился шанс стать хорошими людьми, вы ими уже стали. Но в любом случае, какой бы успешной ни была эта работа, вы потратили ваше время не напрасно. Пусть наши беседы не помогут вам добиться успеха в жизни, сделать карьеру и раздобыть денег, вы приобрели нечто более важное – сознание правоты, правильности своих целей.

Что еще важнее – вы стали свободнее, независимее. Почему? Человек способен знать лишь крохотную часть из известного человечеству – а потому мы неизбежно полагаемся на чужое мнение. Однако есть главные, самые важные и сложные вопросы, от которых не уйти – и на них нет и не может быть чужого ответа. Вопросы добра и зла – такие. Каждый должен дать на них свой собственный, глубоко личный, и при этом – единственно правильный ответ. Не сомневаюсь, что сделать это вам будет теперь гораздо легче.

Этим вы отличаетесь от остального населения планеты, верящего в любую чушь, что вбивают им в головы. Еще поэт Пушкин заметил, что «нравственное чувство, как и талант, дается не всякому». Я бы усилил эти слова – умение различать добро и зло вообще мало кому дано. Мораль – тайна для большинства

человечества. Скажете преувеличиваю? Люди в большинстве хорошие? Если бы! Достаточно посмотреть какую реакцию вызывает этика у обывателей. Им наплевать – и это в лучшем случае! Про худший и говорить нечего. Сама мысль об «общем» благе вызывает у них отторжение. Зависть, неприязнь, страх – вот что движет обывателем, а добро и зло он различает в основном по «ощущениям» в кармане. Этика – это постоянная работа над собой, это независимая мысль, это прочная, выстраданная долгим поиском собственная точка зрения. А кому оно надо? Кто любит такую работу? Одновременно этика требует вникать в иные точки зрения, выявлять их сильные и слабые стороны, искать взаимное согласие – что обывателю еще противнее. Тяга к знаниям, интерес к новым, чужим идеям – основа духовного развития, а духовный рост – основа личности, ибо знания, особенно моральные, помогают человеку стать лучше. Вы участвовали в наших беседах – без всякой практической цели, без обещания диплома, полезных советов, психологической помощи или на худой конец отвлечения от скуки. Вы развивали свою моральную интуицию и умение мыслить, искали ответы на сложные вопросы и этим подтвердили свое звание человека. Можно ли сказать такое об остальных?

Это, на самом деле, важный момент. Не стоит идти на поводу фальшивого, лстивого гуманизма. То, что есть хорошие и плохие люди, равно как и передовые и отсталые культуры – самоочевидная истина. Объективная этика позволяет не только объяснить этот факт, но и дает четкий критерий кто есть кто. Попытки гуманистов морально уравнивать людей, выдумать «универсальное» достоинство и «универсальные» права человека – это принижение добра и оправдание зла. Равны только свободные люди, гомо-сапиенс не только не равен человеку, он не равен даже самому себе – он оценивает степень морального уродства и отводит каждому его законное место на лестнице выживания. Прошитая в нем природой моральная система под условным названием «собственная шкура» делает его верным рабом иерархии.

Свободным людям вся эта животная сортировка не

интересна. Достоинство человека опирается на способность побороть в себе гомо-сапиенса, превозмочь эгоизм, отказаться от насилия. Это особенно трудно сейчас, в мире полном зла, посреди тех, кто ненавидит правду, кто не помышляет о духовном росте, кто готов убивать непохожих. Свобода всегда трудна, но особенно — когда вокруг сплошь гомо-сапиенсы, когда так легко и соблазнительно захотеть стать одним из них, когда общество ежеминутно давит, заставляя быть «как все», а одиночество кажется невыносимым. Не падайте духом. Этика — не только ответственность, это привелегия. Помните, что вы не просто лучшие, вы — надежда человечества. У мира есть шанс, пока в нем есть свободные люди — такие как вы.

У вас может создаться впечатление, что словами об ответственности я оказываю на вас моральное давление, или навязываю моральные нормы. Как это вяжется с моими же заявлениями о том, что каждый должен думать сам, что нормы должны быть следствием договора? Тут безусловно есть конфликт. Наши беседы — пример того сущего, из которого рождается должное. С одной стороны, уже сам факт наших бесед можно рассматривать как моральное давление, но с другой — оно делает вас свободнее. Разговор, беседа — единственный этический способ этого добиться. Да и как вообще возможен договор, если люди не будут общаться, доводить до других свою точку зрения, свое понимание свободы? Наши беседы — это шаг к договору, к согласию, к поиску общего блага. Это практическая реализация этики — и иначе просто нельзя.

Согласитесь — я не проповедовал, не пытался убедить, обратить «в свою веру». Вы сами решали, что правильно, а что нет. Жаль, конечно, что настоящих бесед у нас не получились. Вероятно, мы просто разминулись во времени. И хотя отсутствие общения затруднило мою задачу, я надеюсь оно не слишком осложнило вам знакомство с этикой? Надеюсь, вам было с кем посоветоваться и поспорить? Что до бесед... у неудачи есть объяснение объективное как сама этика: эти беседы необходимы всем сразу, но не нужны никому в отдельности. :)

Наверное поэтому многое из того, что вы вынесли из них, не преподается в школах и университетах, не пишется в книгах и журналах. Это нельзя узнать больше нигде. Вы удивитесь – как же так? Разве философию и этику не преподают в университетах? Нет. Этика – не наука и не философия, ее нельзя изучать и преподавать. Спросите себя – как получается, что сотни тысячи людей «изучают» этику не становясь ни на грамм этичнее? Чем занимаются множество ученых от морали в то время как общество катится в пропасть? Профессиональные моралисты предпочитают делать вид, что они глубоко научно, с «объективных» позиций исследуют тайны морали далекие от ежедневной, обыденной жизни. Так им проще – меньше проблем и ответственности, зато больше карьерных перспектив. Они не хотят понять, а скорее им просто безразлично, что они, с одной стороны, подрывают авторитет научного знания, а с другой – остатками этого авторитета убивают этику, загораживают единственную дорогу к свободе.

Вы надеюсь согласны со мной, что единственная объективная точка зрения – точка зрения объективной этики, любая другая отстраненная, претендующая на объективность точка зрения как на вопросы морали, так и на любые другие – это по меньшей мере отказ от истины, релятивизм, уравнивающий в ценности любые моральные позиции. Этика нормативна – и ее нормативность, способность быть практически воспринятой человеком, зависит не только от ее правильности, но и от того впечатления что она производит. Да и можно ли иначе ответить на первый вопрос этики – «Зачем мне этика?» Учебник этики – оксиморон. Этике нельзя «научить», ее можно только принять или отвергнуть. Попытки философов представить этику «моральной наукой», а по сути превратить ее в авгиевы конюшни окаменелых и давно бесполезных идей, в которые и без того уже превратилась философия, попросту неэтичны. Знание множества предложенных когда-то этических доктрин непродуктивно и интересно лишь историкам. Вам, молодым энергичным людям, нужны не учебники, а актуальные ответы на социальные и личностные проблемы, а значит – нужна цельная моральная система, формирующая основу для правильного мировоззрения,

помогающая найти правильные ответы.

Объективная этика — именно эта система. Человечество мучительно шло к ней тысячелетия и впереди у нее не менее трудный путь. Содержание наших бесед находится в противоречии не только с университетскими курсами этики, но и с ежедневной социальной практикой, с политикой власть имущих. Нынешние имущие разрушают общество и политически, и экономически, и даже биологически, способствуя дисгенике, но их главное оружие — разрушение духовных основ, идеологическая индоктринация, моральное развращение. Их идеология, «радикальный либерализм» — тот же отказ от истины, релятивизм, толерантность к любым «ценностям», сведение морали к товару, что в теории выглядит как разнообразие «свобод совести», мыслимых и немыслимых прав «меньшинств», а на практике сводится к индивидуализму, эгоизму и гедонизму — ибо именно к этому всегда сводится освобождение от морали.

В последние десятилетия человечество сдало многие завоевания, достигнутые веками — социальное государство, гражданские свободы, институты народовластия, даже правосудие и законность. В этом смысле нам не повезло, мы живем во времена когда зло победило. Или по крайней мере я живу — но тогда вам наверняка приходится гораздо хуже! В мире сформировалась глобальная структура, уничтожающая экономическую и социальную ткань цивилизованных государств, загоняющая в рабство все население планеты, и не видно никаких сил, способных ей помешать. Что ж, нынешнее человечество заслужило свою судьбу. Сытое и малодушное, оно не способно отстоять завоеванное. А значит впереди долгие темные века и новая борьба, а свобода — так же далека как и прежде.

Поэтому в этой последней беседе я позволю себе практический совет. Нет, я не буду призывать вас бросать свои дела и срочно спасать мир. У меня и права такого нет. Просто если вы выберете путь этики, не забудьте, что этика — не теория, она требует практики. И не одной лишь внутренней — внешней

тоже! Этика не только делает человека лучше, она объединяет людей, она возможна только если люди вместе, если они участники общего договора. Этика, а с ней и ваша свобода, умрет если вы останетесь в одиночестве. И потому совет мой простой – ищите друг друга, поддерживайте отношения, общайтесь, присоединяйтесь к тем, кто думает так же, будьте вместе. Да и вообще, старайтесь по возможности иметь дело только с хорошими людьми, избегайте тех, кто вызывает моральное неприятие. Этим вы поможете и друг другу, и самим себе.

Если же вы считаете необходимым обязательно что-то делать, не спешите. В одиночку вы все равно много не сделаете. Улучшить мир можно только сообща – и одной моральной основы для этого мало. Нужны люди. Воспитание свободных людей – единственный путь преодоления нынешнего морального упадка, единственный способ постепенно сформировать пространство договора и, одновременно, зачатки нового, свободного общества, которое должно рано или поздно вырасти на месте нынешнего. У меня просвещение, похоже, не слишком хорошо получается, может у вас выйдет лучше? Оно конечно хлопотно, да и не слишком интересно убеждать кого попало. Зато есть и плюс – так можно найти настоящих друзей! Ибо дружба возможна только между теми, у кого есть высокая цель, кто видит в жизни иной смысл кроме личного блага.

Ну а если устанете убеждать глупцов и останетесь одни, что ж, бывает. Умных людей мало, а умных и хороших еще меньше. Не отчаивайтесь, однако. Почитайте еще раз наши беседы, поразмышляйте над вечными вопросами – и вам будет не так одиноко. :)

Спасибо еще раз,
удачи и всего доброго,
И.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

1. «Этичное» общество

Моральная ситуация, сложившаяся в наши дни, не вызывает оптимизма. Религия утратила роль ведущей моральной силы, наука не способна ее заменить, все универсальные идеологии прошлого исчерпали свой потенциал, а альтернативных идеологий, обладающих универсальной притягательностью, нет. Мировоззренческий тупик усугубляется целенаправленной деятельностью групп, разрушающих не только правовые институты, но и их моральную основу, уничтожающих науку, продвигающих лживые идеи и развращающих население.

Поэтому разработка общественного проекта на базе объективной этики чрезвычайно актуальна. К сожалению, требования этики выглядят невыполнимыми, отчего ее практическое внедрение кажется делом утопичным. Однако этика — не догма, она задает цель и смысл, и один из смыслов этики — постоянное движение к свободе, улучшение человека, общества и окружающего мира, «прогресс». При этом важно, что объективная этика не позволяет достигать этические цели неэтичными средствами, чем предотвращает превращение идеала в опасную утопию. Таким образом, реализация требований этики и возможна, и должна происходить постепенно, по мере созревания условий и людей.

Ниже представлены идеи по практическому воплощению этики, вполне возможные в не слишком отдаленном будущем, по историческим масштабам конечно. Они предложены просто чтобы вы понимали, что путь к свободе возможен, что будущее реально, если к нему относиться созидательно, и еще для того, чтобы вы могли сравнить с ними ваши собственные мысли

о будущем, о том, каким вы видите новое, более правильное общество.

Описанный проект – «этичное» общество – переходный, это один из многих промежуточных этапов на пути к свободному обществу, к настоящему общественному договору (подробнее о проекте см. vk.com/id515225831). Разумеется, свободное общество тоже будет этичным, еще более этичным. Смысл названия – отделить его как от альтернативных проектов, так и от того, что имеется сейчас, что заведомо неэтично, а также отделить от самого свободного общества, которое является главной целью этики.

Основой для реализации проекта может быть национальное государство или любая другая политическая форма, гарантирующая однородную публичную сферу. В однородности единственный верный смысл термина «национальное». Сейчас публичная сфера общества разделена этническими и расовыми границами, языками, культурами и религиями. Люди пока не способны сформировать единое пространство договора, даже если их насильно перемешать. Однако остальные разногласия между людьми кажутся вполне преодолимыми, и именно этика предоставляет основу для универсального согласия, для поиска общественного консенсуса на основе национальной по форме и моральной по содержанию объединяющей идеи.

2. Общие принципы

Цель этичного общества – подготовить население к свободе, приучить его к самостоятельности, к этике, к творчеству и общему благу, отучить от эгоизма и насилия, привить высшие, духовные ценности. Только когда эта задача будет решена, можно будет браться за построение свободного общества. Отсюда видно, что этичное общество еще не совсем свободно. Главное отличие в том, что в этичном обществе существует механизм насилия посредством власти, т.е. существует политическая система – аппарат принуждения к выполнению законов.

Власть – это переходный институт и его главная цель, однако, не насилие. Это: 1) служить моральным примером, воспитывать общество, 2) организовывать и управлять обществом. Целью воспитания является создание этического человека: обладающего достоинством, принимающим на себя ответственность за все происходящее вокруг, за сохранение и приумножение культуры, за лучшее будущее для всех.

Форма власти – ограниченная демократия. В управлении обществом принимают участие не все, а только его этические члены. В чем разница? Только люди, доказавшие делом приверженность этике и свободе имеют это право и несут эту ответственность. Те, кто не вносит вклад в общее дело, кто ставит себе эгоистичные цели, не имеют права на управление другими (т.е. без образования/профессии, имеющие нарекания на работе, в быту или в семье, осужденные). Голосует один представитель от семьи (наличие детей обязательно). Желающие сдают экзамены (включая этику), проходят психиатрическое обследование (дабы отсеять психо- и социопатов) и оплачивают право участия в управлении. Они также наделяются возможностью выработать новые законы, которые однако утверждаются в соответствии со строгой процедурой, обеспечивающей общественное согласие. Существует соблазн назвать эту форму правления «этархией» («этократией»), однако власть в этическом обществе – не совсем власть, как видно уже по ее задачам. Это – образец служения обществу, обязанность каждого этического человека.

Профессиональных политиков, «представителей», нет. Партии и любые структуры нацеленные на захват политической или экономической власти запрещены. То же относится к любым тайным обществам, идеологическим и религиозным течениям, ставящим своей целью насилие и получение преимуществ. Каждый может верить во что угодно, но не может организовывать культы, секты или церкви. Прочие ассоциации регистрируются и отделяются от управления обществом. Отделение означает, что их члены не могут концентрироваться в общественных структурах. Наука поддерживается в ключевых направлениях

на принципах честного соревнования. Семья укрепляется, роль женщины в обществе ограничивается, она ориентируется на семью и воспитание. Проводится продуманная евгеническая политика.

Справедливость обеспечивается во всех принципиальных областях публичной сферы – финансовой, экономической, информационной, культурной. Экономика основана на этическом рынке, где вместо конкуренции организовано честное, открытое творческое соревнование. Все хозяйственные субъекты делятся на 2 яруса. В первом находятся естественные монополии и инфраструктурные службы. Они управляются от имени всего общества. Руководство их выборное. Второй ярус – частные компании. Честная соревновательность поддерживается ограничением на размер компаний. Информационная политика строится в интересах всех. Интернет бесплатный и общедоступный, ключевые СМИ управляются от имени общества. Организована регулярная смена/ротация авторов и ведущих. Частные СМИ имеют ограничение на размер аналогично рыночным компаниям. Запрещаются любые призывы к насилию. Культурная политика призвана сохранять культурные ценности, поддерживать начинающие таланты и препятствовать засилью «звезд».

3. Суть, кратко

Девиз: «свобода творчества, равенство возможностей, лучший мир для всех».

1) Конституционные принципы

– отказ от любого насилия: физического, экономического, идеологического, информационного и т.д.;

– общее благо: каждый видит свой моральный долг (смысл жизни) в творческом труде на благо общей свободы; результаты оцениваются обществом и вознаграждаются соответственно вкладу;

– честность и доверие во всем: все структуры

функционируют открыто; обман, мошенничество и т. п. исключены; полная и правдивая информация; СМИ несут ответственность за полноценное информирование общества;

- справедливость: использование повсюду договорных (выборных, консенсусных) процедур, учитывающих мнение и интерес каждого этического члена общества;

- формализация общественной жизни: правосознание и правопорядок;

- закрытость частной жизни и семьи; женщина-мать имеет преимущество перед женщиной-работницей; общественный контроль за здоровьем и воспитанием детей.

2) Право

- независимая судебная система смешанного прецедентно-позитивного толка;

- судьи обладают личной охраной и максимально независимы политически, экономически, психологически и т.д.;

- информационное освещение судебных процессов строго контролируется;

- законодательная функция принадлежит избираемым органам; законодательная инициатива принадлежит каждому.

3) Политическая сфера

- самоуправление на всех уровнях; прямая ограниченная демократия;

- выборы двуступенчатые: гласные выборы претендентов и последующие выборы на основе жребия; возможность досрочного отзыва;

- в выборах участвуют те, кто внес признанный вклад в общество и прошел экзамен; ограничения на возраст и социальный статус;

- запрет на политические партии, проф-ассоциации и другие лоббистские структуры;

- ликвидация «политического» класса, законодатели собираются только на законодательные сессии.

4) Культура

- воспитание свободных и грамотных людей; обязательное этическое просвещение;
- пропаганда высших ценностей, запрет пропаганды насилия; ограничения на рекламу; охрана национальной культуры;
- свобода творчества; оскорбительные/чувствительные/сомнительные темы ограничиваются в доступе;
- защита целостности публичной сферы: запрет на этнические и инокультурные ассоциации/диаспоры/автономии; контроль этнического состава публичных структур;
- религиозные структуры/секты/ложи вне публичной сферы: запрет на их политическую и идеологическую («просветительскую») деятельность, ограничение на экономическую.

5) Экономика

- свобода мелкого предпринимательства в сочетании с грамотным макро-управлением; ограничения на размер предприятий; естественные монополии управляются выборными общественными советами;
- независимая денежная система, основанная на доверии и служащая равно всем;
- накопление капиталов/ресурсов сверх определенных пределов и спекуляции запрещены;
- наследование и безвозмездный вывоз капиталов/ресурсов ограничены;
- разумные социальные гарантии и налоги.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. МАНИФЕСТ

Настоящий Манифест провозглашает **универсальные принципы** объективной этики.

Целью и смыслом деятельности свободного человека является достижение максимального **общего блага**.

Общим благом является **свобода** от любого детерминизма, как природного, так и социального. Общее благо достигается путем **сотрудничества** всех свободных людей. Каждый человек вносит свой личный **творческий вклад** в общее дело. Признание вклада другими – единственный объективный источник его **ценности**.

Природный детерминизм – это потребности, угрозы и любые ограничения, накладываемые природой на человека. Сюда входят физические потребности (благоприятные условия обитания, включая передвижение в пространстве), биологические (уничтожение источников страха, голода, болезней), психологические и культурные (удовлетворение любопытства, скуки, потребностей в разнообразии, знании и красоте). Преодоление природного детерминизма требует **изменения мира**.

Социальный детерминизм – это любые виды насилия, принуждения, давления и несправедливости, которые могут повлиять на творческий результат человека. В процессе сотрудничества свободные люди путем **консенсуса** вырабатывают формальные правила, позволяющие им преодолеть социальный детерминизм. Консенсус достигается на основе открытости, доверия и честного учета интересов и мнений всех людей, каждый из которых является таким же участником **общего договора**. Те разумные люди, кто **сознательно** отказывается

от договора, рассматриваются остальными как часть естественной среды обитания (природного детерминизма).

Формальные правила регулируют деятельность людей в **публичной сфере** общества, которая охватывает взаимодействия между посторонними людьми. Мораль личных отношений неформальна и неуместна в публичной сфере. Свободный человек проводит четкую границу между сферами. Он пресекает любые конфликты интересов между личным и общественным. Личная сфера каждого полностью **закрита** от посторонних, действие объективной этики на нее **не распространяется**.

Возможные виды **насилия**, запрещаемые объективной этикой:

1. **Физическое**, как индивидуальное, так и коллективное (включая насилие власти и большинства), в том числе опосредованное (создание опасности жизни и здоровью, подвергание риску).

2. **Экономическое и финансовое**:

- мошенничество, жульничество, воровство, присвоение;
- эксплуатация, вандализм, дармовщина;
- использование рыночного преимущества, нечестная конкуренция;
- несправедливое распределение общих ресурсов;
- манипуляции ценностью денег, спекуляции, перекладывание риска на других.

3. **Информационное**:

- обман, отвлечение внимания;
- искажение, насаждение (проталкивание), сокрытие информации;
- засорение информацией, игнорирование, замалчивание;
- генерация запутывающих терминов и смыслов;
- внедрение в память марок, девизов, символов, имен и лиц.

4. **Моральное и идеологическое**

- навязывание нравственных норм, ценностей, традиций и обычаев;
- внушение религиозных верований и необоснованных метафизических идей;
- прививание чувства вины, ответственности, поклонения;
- призывы к всеобщей братской любви, к жертвам во имя «ближнего», «дальнего» или любой иной группы людей;
- индоктринация, промывка мозгов, подчинение.

5. Психологическое

- угрозы, шантаж;
- посулы, искушение, лесть;
- приставания, надоедание, запугивание, унижение, травля;
- клевета, злословие, обнародование личных сведений;
- интеллектуальное давление, ссылки на авторитеты, формальное образование, «общее» мнение, расхожие истины, некомпетентность.

6. **Эмоциональное:** намеренное вызывание чувств жалости, стыда, влечения, симпатии, ненависти, обиды, отвращения и т. п.

7. Распространение **морали личных отношений** на публичную сферу:

- коррупция, сговор, взятки, откаты;
- клановость, дружба, родственные и иные личные связи в публичных компаниях или структурах;
- корпоративная «культура», командный «дух», принудительная коллективная ответственность;
- покровительство, взаимные услуги;
- чаевые, подачки, вознаграждения за «персональный» сервис.

8. **Групповая мораль**, противопоставление «свой-чужой» и дискриминация на этой основе:

- национализм, расизм, местничество, патриотизм;
- этническая и культурная общность, диаспоры и землячества;
- моральное и религиозное превосходство;

- идейная, идеологическая или иная мировоззренческая близость;
- профессиональная и классовая солидарность;
- закрытые формальные структуры (частные клубы, тайные общества, спецслужбы, ордена, братства и т.п.)

Свободный человек не только сам руководствуется описанными принципами, но и ищет пути их повсеместного практического внедрения путем **просвещения** и пропаганды отказа от насилия и перехода ко всеобщему равноправному социальному договору. Этой цели служит и настоящий Манифест.

Только этика делает людей свободными!

Оглавление

Предисловие	4
1 Зачем нужна мораль?	7
2 Что значит «хороший человек»?	14
3 Откуда взялась мораль?	21
4 «Жертвенная» мораль	28
5 «Героическая» мораль	35
6 Личный успех или общее благо?	42
7 Объективная этика	49
8 Закономерен ли прогресс?	56
9а Гомо-сапиенс против человека	63
9б Абсолютное добро	70
10 Цели и время	77
11 Общественный договор	83
12 Достоинство, честь, презрение	89
13 В чем смысл правил?	96
14 Зачем живет человек?	102
15 Существует ли свобода (воли)?	109
16 Сущее и должное	116
17 Зачем познавать мир?	123
18 Истина и правда	130
19 Куда идет эволюция?	137
20 От пользы к красоте	144
21а Каждому свое?	151
21б Справедливость	158
22 Власть, управление, эффективность	165
23 Универсальные ценности	172
24 Надо ли любить людей?	180
25 Как улучшить человека?	187
26 Моральные сферы общества	194
27 Границы и люди	201
28 Где начало (и конец) подвига?	208
29 Что такое зло?	215
30 Причины зла	222
31 Личность и стадо	230

32	Страх	237
33а	Борьба со злом	244
33б	Соразмерность, ложь, компромисс	252
34	Этика и личное счастье	259
35	В поисках морального закона	266
36	Итоги	273
	Заключение	281
	Приложение 1. Социальный проект	287
	Приложение 2. Манифест	293